

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2024. Том 18. № 3

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семенов – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, ассистент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор Н. В. Борисова

© Редакционная коллегия, 2024

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая философия

- Алиева М. И.* Сдержки без противовесов: Идея «смещения монархии и демократии» в «Римской истории» Кассия Диона 5
- Шавеко Н. А.* Обоснование ценности публичного дискурса в теориях совещательной демократии: основные стратегии и их критика 15

Политические институты, процессы, технологии

- Кирьянов И. К.* Практики обращения к прошлому в отечественном парламентском дискурсе (начало и конец XX века) 26
- Зарипов Н. А.* «Дискуссия о правилах дискуссии»: причины изменения парламентской процедуры в дискурсе депутатов на примере Государственной Думы VII созыва 36
- Белюсова Н. С.* Экономические основания языковой политики: сравнительный анализ регионов Российской Федерации 49
- Фролова Ю. Н.* Автономизм внутригосударственных регионов: проблематика вопроса и последствия для суверенитета 59
- Морева Ю. Е.* Субъективное благополучие и ценности как предикторы протестного участия в регионах России 69
- Шамигура К. А.* Консультативно-совещательные органы по вопросам культурного наследия в российских регионах: между делиберацией и имитацией 79
- Соколов А. В., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д.* Нормативная регламентация низовой гражданской активности в субъектах Российской Федерации 90
- Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д.* Северный Кавказ: диагностика и прогнозы регионального развития в третьем десятилетии XXI в. 106
- Матвеева Е. В., Астахов О. Ю., Сам А. В.* Особенности политической культуры Республики Тыва в условиях тренда государства на формирование традиционных ценностей 116
- Сулимов К. А.* «Насильно мил не будешь» или как принудительный изоморфизм провоцирует дивергенцию: случай итальянской региональной системы 126
- Замятин К. Ю.* Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация 137

Рецензии

- Борисова Н. В.* Специально-предметные ракурсы знания о политике, или еще раз о пользе электоральной географии 150
- К сведению авторов** 154

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Assistant, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

Political philosophy

<i>Alieva M.</i> Checks without balances: The idea of “a mixture of monarchy and democracy” in Cassius Dio's <i>Roman History</i>	5
<i>Shaveko N.</i> Justifying the value of public discourse in theories of deliberative democracy: main strategies and their critique	15

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Kiryarov I.</i> Practices of appealing to the past in the Russian parliamentary discourse, the beginning and end of the XX century	26
<i>Zaripov N.</i> «Discussion on the rules of discussion»: reasons for the change of the parliamentary procedure in the discourse of deputies on the example of the State Duma of the VII convocation	36
<i>Belousova N.</i> Economic foundations of language policy: a comparative analysis of the regions of the Russian Federation	49
<i>Frolova Yu.</i> Potential of autonomy of intra-state regions: outcomes for sovereignty	59
<i>Moreva Iu.</i> Subjective well-being and values as predictors of protest participation in regions of Russia	69
<i>Shamshura K.</i> Consultative and advisory bodies on cultural heritage issues in Russian regions: between deliberation and imitation	79
<i>Sokolov A., Isaeva E., Grebenko E.</i> Legal regulation of grassroots civic activity in the subjects of the Russian Federation	90
<i>Avksentev V., Gritsenko G.</i> North Caucasus: diagnostics and forecasts of regional development in the third decade of the XXI century	106
<i>Matveeva E., Astakhov O., Sat A.</i> Features of the political culture of the Republic of Tuva in relation to the state direction of traditional values development	116
<i>Sulimov K.</i> "Love cannot be forced" or how coercive isomorphism provokes divergence: the case of the Italian regional system	126
<i>Zamyatin K.</i> Why can't we preserve linguistic diversity? The maintenance of the languages of Russia, language policy and language revitalization	137

Reviews

<i>Borisova N.</i> Specific perspectives of political knowledge or revisiting the benefits of electoral geography ..	150
--	-----

Information for the authors	158
--	-----

Политическая философия

УДК-1:32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-5-14

СДЕРЖКИ БЕЗ ПРОТИВОВЕСОВ: ИДЕЯ «СМЕШЕНИЯ МОНАРХИИ И ДЕМОКРАТИИ» В «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА

М. И. Алиева

Алиева Марина Игоревна, аспирант факультета политических наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: malieva@eu.spb.ru (ORCID: 0009-0009-4335-8188. ResearcherID: KHE-2686-2024).

Аннотация

В III в. нашей эры историк Кассий Дион Коккейан в многотомном трактате «Римская история» предлагает проект идеального политического устройства – лучшим образом будет устроено государство, которое гармонично сочетает в себе два элемента, монархический и демократический. В 56-й книге такая конституция характеризуется как «смешение монархии и демократии». Для современных авторов было бы несложно провести аналогию с концепцией плебисцитарной демократии, сформулированной Максом Вебером и ныне нередко используемой для описания политических режимов государств, в том числе образовавшихся на территории постсоветского пространства. Настоящая работа, однако, нацелена на предупреждение подобных аналогий – несмотря на внешнее сходство, институциональное наполнение обеих моделей различно. Раскрыты функции монарха, народа и Сената в смешанной конституции Кассия Диона в двух аспектах – как они должны были быть представлены адресатам проекта и фактический набор полномочий каждого из институтов. Политический проект рассматривается в контексте представлений Диона о наихудших ситуациях в политике – гражданской войне и «дюнастии». Смешанная конституция Диона сравнивается с цезаристской моделью: если современные плебисцитарные режимы предполагают наличие двухчастной системы – избираемого правителя и аккламирующего народа, то модель Диона, в сущности, состоит из трех элементов: монарха, народа и Сената. Римский сенат Дионом постулируется как консультативный орган, но фактически именно этот элемент оказывается в центре предлагаемого политического устройства.

Ключевые слова: смешанная конституция; плебисцитарные режимы; Кассий Дион; «Римская история»; римский сенат; Октавиан Август; монархия.

Ужас перед неограниченным насилием – со стороны античного тирана, захватившей власть террористической группировки или революционной массы – стимулировал развитие теоретических построений, которые, воплощенные на практике, должны были предотвратить разрушение мирного порядка. Политическая мысль породила значительное количество конструкций, как возлагающих надежды на добросовестного монарха, так и полагающихся на коллективную рациональность индивидов. В настоящей работе будет рассмотрен только один подобный проект, и тот феномен, который он должен был предотвратить.

Римский историк III в. нашей эры Кассий Дион Коккейан представил свой политический проект на страницах своего главного труда – многотомной «Римской истории». Наиболее подробно Дион раскрывает свои идеи в 52-й книге: в ней Октавиан Август выслушивает идеи относительно политического устройства двух своих соратников – Агриппы, придерживавшегося более демократических идей, и Мецената, сторонника монархического управления. Принято считать, что Диону более импонируют слова Мецената. Рефреном этот проект вновь появляется в 53-й книге, в которой уже сам Октавиан Август обращается к сенаторам с наставлениями, и, наконец, в виде емкой – и загадочной – формулировки в Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330):

«Однако люди тосковали по нему не только потому, что он был наделен такими достоинствами, но и потому, что он, соединив монархию с демократией, сохранил им свободу, а сверх того дал им порядок и безопасность, так что они, избавленные и от разнузданности, которая присуща демократии, и от глумления, которым сопровождается тирания, жили в условиях разумной свободы и монархии, не внушающей страха, подчинялись монарху, но при этом не были его рабами, пользовались благами демократии, но при этом не погрязли в распрях».

Представитель римской аристократии, Кассий Дион смог построить достаточно успешную политическую карьеру, несмотря на частую смену императоров в Риме. Для понимания его литературной карьеры и жанра «Римской истории» важно отметить и тот факт, что он был приближен к Юлие Домне, супруге императора Септимия Севера, и был вхож в ее интеллектуальный кружок (Махалюк, 2014: 380-383). «Римская история», процесс работы над которой закончился много позже, предназначалась для чтения римскими императорами – и потому можно говорить о том, что изложенные в ней политические проекты имели адресата.

Для современных исследователей Дион интересен по ряду причин. «Римская история» – монументальный труд в 80 книгах, представляющий историю Рима от основания города до правления Александра Севера. «Римская история» написана по-гречески – и потому интересна не только как перечень исторических событий, но и как текст, в котором можно проследить, как представители политической и интеллектуальной элиты переносили латинские понятия на греческий язык.

На протяжении долгого времени фигура Кассия Диона представляла интерес в первую очередь для историков. В последние десятилетия можно отметить всплеск интереса к этому автору со стороны исследователей, рассматривающих трактат как в актуальном ему историческом контексте, так и разбирающих содержащиеся в нем идеи (напр., Марков, 2013; Madsen, 2019; Burden-Strevens, 2019, 2020; Lange, Scott, 2020; Kemezis, Bailey, Poletti, 2022). Вместе с тем цезаристские режимы также все чаще оказываются в поле внимания политических теоретиков, работающих как с историческим материалом (Kharkhordin, 2022; Хархордин, 2023), так и с актуальными проблемами современных государств (Baehr, 2004, 2008). Кассий Дион представляется фигурой, способной увязать между собой оба направления.

На первый взгляд Дион воспроизводит модель, известную современным политическим теоретикам как плебисцитарная демократия (Хархордин, 2023) – система, в которой народ избирает правителя, а тот в своем лице представляет народ. Цель настоящей работы, однако, в том, чтобы продемонстрировать, что проект Диона предполагает не двухчастную, но трехчастную систему – и потому не может считаться в полной мере прообразом плебисцитарной демократии как таковой.

Методологическим основанием исследования является метод исторической контекстуализации политических теорий в рамках Кембриджской школы. Видный представитель этого направления Квентин Скиннер указывал на важность двух контекстов: политического, который «ставит перед политическим теоретиком основные проблемы, заставляя выглядеть проблематичным определенный круг ситуаций», и интеллектуального, оказавшегося под влиянием в том числе предшествующих сочинений (Скиннер, 2018: 10). Политический проект Кассия Диона, безусловно, не может быть рассмотрен как «вещь в себе»: хоть его рекомендации и претендуют на универсальность, они являются ответом на вызов времени – и, более того, были связаны с аспектами биографии их автора.

Разбор аргументации Кассия Диона начинается с описания явления *dunasteia* – наихудшей из возможных политических ситуаций, возникающей в периоды гражданской войны или острого кризиса. Фигура единоличного правителя способна минимизировать вероятность возникновения *dunasteia*. Однако в «Римской истории» обнаруживаются три разных типа единоличных правителей – тиран, царь (басилевс) и монарх; различия между ними также становятся предметом повествования. Наконец, сам проект Диона разбирается в актуальном ему политическом контексте – и сравнивается с современной моделью плебисцитарной демократии.

Доказательство от противного

Редкие источники, содержащие проекты наилучшего политического устройства, не содержат вместе с тем – явственно или хотя бы скрытно – образа худшей формы правления, на преодоление или недопущение которой предлагаемый проект и направлен.

Кассий Дион выбрал удачный жанр, чтобы показать потенциальному читателю преимущества собственного политического проекта – римская история испещрена эпизодами политического насилия. Его воплощение в жизнь должно как купировать риски эскалации внутренних конфликтов в

новые гражданские войны, так и упрочить способность Рима противостоять угрозам, приходящим извне. «Разнузданность», к которой вела демократия, имела вполне конкретные примеры. Если история имперского периода испещрена примерами несправедливых правителей, к которым мы обратимся ниже, то главной бедой Республики является ее вырождение в так называемую дюнастию (греч. *dunasteia*)¹. Само слово *dunasteia* непосредственно связано со словами *dunamai* («быть способным», «мочь что-то сделать») и *dunamis* («сила», «мощь», «власть»).

Этим термином Дион обозначает ситуации в римской истории, когда наибольшее количество властных ресурсов концентрировалось в руках одного (как при диктатуре Суллы) или нескольких лиц – например, Цезаря и Помпея. У Фукидида дюнастия – это строй, который являл собой «полную противоположность законности и правовому порядку и ближе всего был к тираническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей»². Позже, в «Политике» Аристотеля, дюнастия определяется как худшая вариация олигархического правления.

Мадс О. Линдхолмер связывает представление о дюнастии как об одной из форм правления с переводами Диона на английский язык в конце XIX в., а также с влиянием монографии *A Study of Cassius Dio* Ф. Миллара на последующие исследования (Lindholmer, 2018: 563). В частности, в число наследников этой традиции Линдхолмер включает Урбано Эспиноза-Руиса, в диссертации которого *dunasteia* понимается как форма правления, существовавшая у римлян в период между Республикой и Принципатом (Espinosa-Ruiz, 1982: 29, 76).

Однако уже в этой диссертации отмечается, что трактовать дюнастию у Кассия Диона исключительно как форму правления было бы неверно. Эспиноза-Руис пишет: «*dunasteia* не есть собственно форма государства, она есть прежде всего характеристика жизни государства, когда она не протекает в русле закона, спокойствия и общественного порядка, или когда сенат нарушает собственные постановления и декреты» (Espinosa-Ruiz, 1982: 82).

В обоих случаях – когда дюнастия понимается как форма правления или как кризисное состояние политического сообщества – она сопровождается избыточным насилием со стороны властей предрежащих, в отношении как своих личных противников, так и широкого круга людей.

Последователь Фукидида (Scott, 2020), Дион не слишком оптимистичен относительно человеческой природы, дюнастии и считает, что гражданские войны неизбежно будут возникать, пока существует человек. Идеалистический проект Диона нацелен на разработку механизмов, которые могли бы предотвратить эскалацию конфликтов. Его решение проблемы – установление монархического порядка и централизация власти в руках справедливого правителя.

Кассий Дион несколько раз оговаривает, что для римлян было ненавистно имя царей – *basileos*, слово, которым Дион переводил латинское *rex*. Так, Мecenат дает совет Октавиану: «Коль скоро ты на деле предпочитаешь монархический образ правления, но страшишься самого названия “царство” как подвергнутого проклятию, то не принимай его, но властвуй, именуясь Цезарем» (Dio Cass. Hist. rom. 52.40.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 106)). Институт диктатуры описывается в четвертой книге как сущностно идентичный царству, но скрытый под другим названием; концентрация власти в руках римских императоров и падение Республики также происходит под республиканскими именами: «Таковы те учреждения, которые они [римские императоры] заимствовали у республики под теми же названиями и в том же виде, в каком они некогда существовали, чтобы казалось, что они не обладают ничем, кроме врученных им полномочий» (Dio Cass. Hist. rom. 53.17.10 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 136)).

При этом само по себе полновластие для Диона не является негативным явлением. Говоря об отношении римлян к «царской власти», он как бы отстраняется от героев своего повествования. Важнее для Диона было разграничение между справедливой монархией и вырожденной тиранией. Провести это разграничение – закономерно приоритетная задача для автора про-монархического проекта. Кассий Дион мог бы обратиться к обоснованию аристотелевской классификации форм правления, но его решение оказалось более элегантно.

Дион был историком, и потому мы редко видим в его трактате четко сформулированные определения политических понятий. Его читатель должен был понять, какие правители становятся тиранами, изучая конкретные примеры из «Римской истории».

¹ Здесь и далее, вслед за О. В. Хархординим, мы используем перевод «дюнастия», чтобы избежать коннотаций с современным словом «династия».

² Перевод приводится по: Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. С. 139.

История тирании начинается от основания города. Уже в первой книге тираническим Дион называет правление Ромула, который объявил о своем превосходстве над Сенатом. Во второй книге «Римской истории» появляется более привычная тираническая фигура – Тарквиний Гордый, страдавший чрезмерной подозрительностью и страхом за собственную власть, что привело к ряду сенаторских казней. Еспер Мадсен указывает на общую черту первых римских царей: к власти они приходили насильственным путем, их правление сопровождалось казнями и притеснениями Сената (Madsen, 2019: 64).

Так, «глумление», которым в 56-й книге «сопровождается тирания», обнаруживает в «Римской истории» вполне конкретные примеры. Это не только убийства сенаторов, но и множество других красочных преступлений, которые коллекционирует Дион – например, он рассказывает о женщинах, которых соблазнял Домициан, а затем казнил их же за прелюбодеяние. Дважды встречается история о гонениях тиранов на придворных философов: Калигула изгнал ратора за обличающую тирана речь, произнесенную в качестве упражнения, а уже упомянутый Домициан – за такую же речь убил софиста.

Характерно, что в оценке «тираничности» правителей и притязателей на власть Дион опирается на их деяния в отношении сенаторов и оценки патрициев: хотя притеснения против представителей плебса также могут быть записаны в список пороков, они служат дополнительными иллюстрациями жестокости и несправедливости тиранов, тогда как худшее преступление, очевидно, направлено против представителей сенаторского сословия. К аналогичному выводу приходит и Е. Мадсен: «Для Диона, тираничность или легитимность императора сильно зависела от того, насколько он был способен прислушаться к совету сенаторов, и от его качеств как справедливого, компетентного и благосклонного правителя, готового выкладываться лучшим образом, принимать законы, подробно обсужденные вместе с представителями Сената, и назначать наиболее подходящих мужей на важнейшие военные и административные должности» (Madsen, 2022: 100).

Критика правителей, пришедших на смену Октавиану Августу, обычно сводится к набору одних и тех же проблем: они могли быть слишком безвольными (подобно Клавдию) или, напротив, слишком своенравными и подозрительными (как Тиберий), могли чрезмерно любить военное дело (наиболее яркий пример у Диона – Каракалла) или проводить слишком много времени в обществе вольноотпущенных рабов и женщин (в чем Дион обвиняет всех вышеперечисленных). Осуждаемые Дионом черты характера императоров, а также их увлечения приводили к невозможности со стороны Сената каким-либо образом воздействовать на императора: порицаемый правитель был готов слушать либо только себя, либо своих ближайших «друзей». Как результат, правление императоров обычно сопровождалось массовыми убийствами личных оппонентов, членов их семей, а также случайными жертвами.

Тем не менее Кассий Дион использует обвинения в тирании достаточно аккуратно и, по всей видимости, пытается очертить круг потенциальных тиранов теми, кто был по статусу и возможностям ближе к Александру Северу. В этом контексте примечательно замечание Джанпаоло Урсо: для историков, предшествовавших Кассию Диону, было привычно называть Суллу тираном, но сам он для описания диктатуры Суллы пользуется термином *dunasteia* (Urso, 2016).

Кристофер Бёрден-Стревенс также считает, что Дион сознательно порывает с традицией, сравнивающей диктатуру с тиранией (Burden-Strevens, 2020: 278). Более подробно рассматривая случай Помпея, он отмечает, что такие современные Диону авторы, как Аппиан, Плутарх и, ранее, Цицерон, подчеркивали склонность противника Цезаря к тирании, в то время как Кассий Дион игнорирует эту интерпретацию. Аппиан и Плутарх основывались в большей степени на институциональном сходстве правления Помпея с греческой тиранией, в то время как Цицерон в письмах Аттику говорит о личных качествах Помпея. К. Бёрден-Стревенс резюмирует: «римский политик, который одевается и ведет себя подобно царю, – всегда тиран» (Burden-Strevens, 2019: 148).

Итак, чтобы правителю не быть тираном, ему нужно прислушиваться к мнению сенаторов: они подскажут верное решение. Идея неувидительная для автора, который сам был сенатором. Монархическая часть системы, выстроенная Октавианом Августом, таким образом, лишена «глумления» и «страха» благодаря тому, что она не нивелировала, а инкорпорировала власть Сената.

**Образ справедливого монарха в «Римской истории» Кассия Диона:
случай Октавиана Августа**

Положительная оценка Кассием Дионом единовластного правления в духе принципата Августа обычно объясняется тем, что при Октавиане наконец закончилась череда гражданских войн. В целом монархическое прочтение проекта Кассия Диона укладывается в логику про-императорской пропаганды, как ту описывает Адам Кемезис: глубинный римский народ – это те, кто «хранит память о пережитых совместно с ним [нынешнем императором] страданиях от рук прежних плохих правителей или о спасении благодаря ему от тирании» (Kemezis, 2014: 6).

В 52-й книге предлагаемый монархический режим характеризуется автором как «истинная демократия», которая сопровождается «безопасной свободой» (Dio Cass. Hist. rom. 52.14.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 74)). И хотя даже на страницах «Римской истории» правление Августа несколько расходится с идеальным проектом Мецената, оно все же характеризуется как исключительно благополучное. Случаи применения «большего, чем обычно, насилия» списывались на «обстоятельства» и «исключительные ситуации» (Dio Cass. Hist. rom. 56.44.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330)).

Режимы, подобные тому, что выстроил Август, слишком персоналистские и в принципе не могут поддерживаться в установленном состоянии никаким другим правителем – это понимал и сам Кассий Дион. Август не только соединил монархию с демократией в одну политическую систему, но и обладал достоинствами, благодаря которым «для своих противников он и поражение делал похожим на победу, а соратникам объявлял, что успех следует за их добродетелью» (Dio Cass. Hist. rom. 56.38.3 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 320)). Благодаря политике в отношении предшествующей элиты Августу удалось предотвратить появление группы влиятельных «лишенцев» и в то же время не допустить чрезмерного возвышения собственных сторонников. В том же фрагменте Дион пишет, что до Августа подобное отношение как к своим противникам, так и к своим соратникам «никогда еще не соединялось в одном человеке».

Особый упор делается на то, что правление Августа не было тиранией – речь идет о единовластном принятии решений, с которым соглашались все. Обсуждение решений остается возможным для «лучших мужей», и место для дискуссий остается в Сенате, но Сенат должен быть очищен от «недостойных звания сенатора» (Dio Cass. Hist. rom. 52.19.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 78)). Продолжая излагать принципы принятия решений, Меценат говорит: «И тогда все то, что показалось тебе правильным при обсуждении с равными по достоинству, тотчас станет законом» (Dio Cass. Hist. rom. 52.15.2 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 74)).

Следование примеру Августа, конечно, подразумевало уважение к авторитету Сената и наделение его реальными политическими функциями. Так, Дж. Рич суммирует многочисленные примеры, когда Август прислушивался к мнению Сената: 53.21.3-6, 33.1; 55.4.1, 25.4-5, 34.1-2; 56.28.4-6, 40.3, 41.3 (Rich, 2004: 16). Е. Мадсен также подчеркивает, что исключительность Августа нашла для Диона свое проявление и в том, как Октавиану удалось выстроить взаимодействие монарха и Сената: наделенные достаточным объемом полномочий, сенаторы могли эффективно осуществлять свои функции, в то время как монарх оставался автономной фигурой и мог при необходимости вмешаться в политический процесс (Madsen, 2022: 100).

В «Римской истории» именно Сенат уговорил Августа не слагать с себя полномочия, а принять абсолютную власть. Во второй главе 53-й книги Кассий Дион говорит о смешанных чувствах, которые разлились по Сенату, и общей тревоге от осознания потенциальной новой гражданской войны в случае, если Октавиан действительно откажется от власти. Е. Мадсен комментирует данный фрагмент: «В терминах Диона, Август был не тираном, который достиг власти путем победы в гражданской войне, но легитимным монархом, который правил на основе ограниченных сроков и с согласия как народа, так и сената – которые могли бы не продлевать его власть, если бы считали нужным» (Madsen, 2019: 44). Октавиан был единоличным правителем, но с поддержкой не только Сената, но и народа, хотя активное согласие было выражено именно сенаторами.

Кассий Дион не всегда строго придерживается тезиса, что правление Октавиана Августа было смешанной конституцией. С одной стороны, фрагмент 56.43.4 как будто бы предлагает читателю модель плебисцитарной демократии, где между народом и избираемым правителем нет посредников. Монарх тогда репрезентирует весь народ в своей фигуре, тогда как народ проявляется в момент избрания своего представителя – при аккламации. С другой стороны, в 53-й книге (Dio Cass. Hist. rom. 53.17.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 134)) Дион явственно трактует правление Августа как

«единовластие»: «Таким вот образом вся власть народа и сената перешла к Августу, и с этого времени установилось настоящее единовластие. Ибо правильнее называть этот порядок единовластием, даже если иногда, строго говоря, двое или трое одновременно разделяли эту власть».

Но в чем преимущество монархического режима перед демократическим? Зачем вообще нужна фигура монарха? И почему монархия Августа – «истинная демократия»? Г. Аалдерс отмечает, что греческим понятием *demokratia* Кассий Дион заменяет латинское *libera res publica* (Aalders, 1986: 297). К этой форме правления Дион, однако, относится достаточно скептически. Константин Марков отмечает, что во времена Второй софистики *demokratia* уже понималась не как полное народовластие, но как «любая власть, которая не имела ярко выраженного монархического характера» (Марков, 2013: 52), и приобрела большее подобие коллективного правления, обладающего соответствующими недостатками.

Обосновывая преимущества единоличного правления с опорой на круг «лучших мужей», осуществляющих консультативные функции, Дион описывает идеальную на его взгляд систему управления: «дела будут вестись в наилучшем порядке, без вынесения их на народное собрание, без открытого обсуждения и без участия противоборствующих группировок» (Dio Cass. Hist. rom. 52.15.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 75)).

Помимо часто упоминаемых античными критиками демократий распрей и сложности принятия политических решений при «правлении многих», Дион также выступает против демократии, поскольку при этой форме правления сложнее всего достигнуть «гармонии» (Aalders, 1986: 300). В целом, эту гармонию можно было бы назвать полной противоположностью дюнастии, которой страшится Дион, а система, которую создал Октавиан Август, будь то монархия или смешение монархии и демократии, позволяла предотвратить возникновение дюнастии и новой гражданской войны.

Как читать Кассия Диона сейчас: проблема соотнесения смешанной конституции в «Римской истории» Кассия Диона с плебисцитарными моделями

Интенция включить Кассия Диона в плеяду теоретиков цезаристских режимов вполне закономерна. На первый взгляд, он представляет двухчастную модель, состоящую из монарха и народа, что вполне согласуется с современными трактовками плебисцитарных режимов, базирующихся на процедуре аккламации.

Сущность аккламаций давно стала предметом интереса со стороны политической философии. Карл Шмитт считал аккламацию предпочтительнее либерально-конституционной модели, поскольку народ необходимо должен находить способ выражения себя самого – он должен присутствовать «как ἐκκλήσις в греческой демократии на рыночной площади; на римском форуме; в качестве собравшегося личного состава или войска» (Шмитт, 2010: 97), чтобы голосом выразить свое согласие или несогласие. Аккламации в понимании Шмитта обладают основополагающей функцией: народ проявляет себя через эту процедуру и, хотя настроения демоса могут подвергаться влиянию извне, аккламация должна быть неорганизованной, чтобы, подобно общественному мнению (для Шмитта – современному синониму аккламации), не превратиться в «ведомственную функцию» (Шмитт, 2010: 102). В христианской традиции аккламации светских правителей обладали не только политической функцией, легитимируя решения правителя и саму его персону, но и религиозной – они были нужны, чтобы в настоящем продемонстрировать только грядущее для христиан будущее – установление царства Христа (Неттего, 2019: 5). Земной император в момент аккламации уподоблялся «мифическому богу» (Неттего, 2019: 4).

Однако сложность при установлении тождественности моделей обнаруживается уже при анализе составных частей: и дело не только в том, что римский плебс был отличен от народа национального государства. Как отмечает Константин Марков, понятие «демоса» уже во II в. нашей эры приобрело «аристократический оттенок», а демократические взгляды непосредственно коррелировали со стремлением сенаторов принимать активное участие в политической жизни империи (Марков, 2013: 53). Исследователи также обращают внимание на непоследовательность употребления Дионом термина *demokratia* вообще: в тексте «Римской истории» встречается как понимание демократии в «узком смысле» (как адаптации на греческий язык латинского *libera res publica*), так и в «широком» (как одной из форм правления) (Aalders, 1986; Хархордин, 2023: 70-72).

Более того, несколько аспектов в «Римской истории» указывают, что Дион, в сущности, предлагает не двух-, а трехчастную модель политического устройства, добавляя к монархическому и демократическому элементам аристократический – в лице Сената. Сенат не только не исключен из

предлагаемой модели, но и наделен активными функциями. Что же до проявлений «народной воли», то ей, напротив, отводится у Диона меньшее значение – более того, он обосновывает, что количество «мобилизационных» мероприятий должно быть сведено к минимуму. Так, в 52-й книге Меценат рекомендует уменьшить траты на праздники, призывает противиться возведению золотых статуй. Позднее, в книге 60, решение Клавдия проводить праздники не в свою честь, но в честь своих родственников, а также запрет на жертвоприношения в свою честь и скромность в отношении возводимых статуй были записаны Дионом в «достоинства» императора.

Попытки нивелировать влияние народа связаны не с тем, что Дион не считает народ значимой силой. Напротив, ему были хорошо известны практики аккламаций, а также примеры обратного – когда народ не принимал императора. Достаточно показателен здесь пример из 74-й книги. Юлиан стоит у здания Сената, готовый принести жертву Янусу, но встречает противодействие: негодующие люди кричат и отказываются от жертвы, так что эхо их голосов отражается от городских стен. Юлиану удалось подавить протестующих, но достаточно примечательно то, как Дион описывает всеобщее недовольство и неприятие. Он видел в народе – и находил тому примеры на практике – потенциальную способность низложить правителя, не принять его, восстать, и вполне допускал, что эта способность может быть использована (или использоваться сама по себе) как против «добрého» монарха, так и против самого Сената (как то случалось, например, в случае сецессий).

Задача плебисцитарного режима противоположна – необходимо наглядно продемонстрировать, что народная масса участвует в плебисците и аккламирует президента или монарха. Другие ветви власти – законодательная или судебная – при таких системах если и существуют, то исключительно в качестве фасадных. Из политических теоретиков, занимающихся феноменом аккламации и, шире, плебисцитарных режимов в современном мире, можно привести в пример Джорджо Агамбена, утверждающего, что парламент только легитимирует уже фактически принятые исполнительной властью решения (Агамбен, 2011: 33).

Идеальная для Диона модель подразумевает усиление роли Сената в принятии решений. Как уже было показано, монархия отличается от тирании тем, что не притесняет права сенаторов, но, напротив, прислушивается к их советам и мнениям. Диону удастся протянуть этот тезис через несколько книг, иллюстрируя его разнообразными примерами, которые также содержат в себе смежные проблемы, беспокоящие автора. Одной из таких периодически становится, например, проблема репрезентации военных достижений императора: антипатии Диона к Каракалле вызваны в том числе тем, что последний ставил на первое место военное дело, а солдаты оказались в более привилегированном положении, чем сенаторы (Havener, 2020: 157). Опасность солдат в отношении сенаторов у Диона также отмечается Марковым (Markov, 2020: 250). Подобное настороженное отношение объясняется участием гвардий, например, в политических переворотах. В целом, такое внимание к деталям и к отдельным проявлениям личностей римских императоров позволило Диону отличить институт монархии от действий конкретных лиц, не умаляя преимуществ первой и не снимая ответственности с последних.

Возможно, тот же прием Дион пытается повернуть с представлением Сената и сенаторов. Как отмечает А. Имри, в «Римской истории» Диона авторитет Сената снижается, если сравнивать период республики с переходом к империи (Imrie, 2020: 187). Сенаторы часто пассивны и не способны к сопротивлению, когда императоры ополчаются на них: они не могут противостоять ни армии, ни беснующейся толпе.

В таком случае предложение Мецената, подразумевающее участие Сената, не только призвано вернуть этому органу его прежний статус, но и обновить его качественно – монарху предлагается избрать в его состав «лучших мужей» Рима. Взаимодействие Сената и монарха, таким образом, благотворно сказывается на обеих сторонах, позволяя правителю – который в лучшем случае сам по себе будет мудр и справедлив – консультироваться с лучшими людьми в важнейших вопросах. Многочисленные призывы Диона к правителям прислушиваться к сенаторам даже сближают статус его монарха с положением принцепса, практически первого среди равных – что также находит отражение непосредственно в тексте 53-й главы «Римской истории», где среди заслуг Августа отмечено и то, что он «в списках сословий был поименован первоприсутствующим в сенате, как это было принято и во времена подлинно республиканского строя» (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 112). Анализируя речь Мецената, Александр Смышляев также отмечает, что политической проект Диона, в сущности, «имеет лишь внешнее сходство с абсолютной монархией, а по сути представляет собой, так сказать, принципат Августа навыворот»: Смышляев полагал, что реализация предложений Мецената может фактически поставить монарха в зависимое положение от Сената (Смышляев, 1990: 64-66).

В модели Диона монарх был поддержан сенаторами, но после его избрания Сенат не растворился, но, напротив, продолжил играть движущую роль. Фактически полномочия сенаторов могут быть приостановлены монархом, выродившимся в тирана. И все же картина, в которой Сенат оказывается беспомощным перед императорами, действительно, не слишком точна.

Как отмечает К. Марков, даже в период империи – и, возможно, в особенности в период империи – Сенат мог проявить себя с былой силой, прямо противостоя императору. Так, например, вооруженные сенаторы могли окружить императора Тиберия, когда тот входил в здание Сената, или выставить стражу перед Нероном (Markov, 2020: 249). Сенаторы напрямую угрожают жизни императора, но делают это в моменты, когда политической системе угрожает наибольшая опасность с его стороны – и, конечно, когда у них есть такая возможность.

Вероятно, что такие примеры Дион приводит специально для того, чтобы намекнуть, что даже в условиях тирании Сенат не остается совершенно безоружным и все еще может нанести ответный удар, добавляя дополнительный аргумент в пользу сотрудничества с ним. Константин Марков отмечает, что особая роль Сената как «движущей силы» в истории проявляется в кризисные моменты – в периоды гражданской войны, дюнастии или других бедствий (Markov, 2020: 253).

Заключение

Основная угроза, которая содержится в проекте Диона, – чрезмерная концентрация полномочий в руках монарха. Его модель не содержит институционального механизма для разрешения потенциального конфликта между элементами системы.

Действительно ли Кассий Дион не предвидел угрозы, которая потенциально может исходить со стороны настолько мощного правителя, пусть даже готового консультироваться с сенаторами относительно принятия решений? Стоит держать в уме актуальный контекст, в котором была написана «Римская история» – ее главный читатель уже держит в руках всю власть в Риме, и маловероятно, что кто-либо из римских императоров добровольно откажется от нее.

Как представитель сенаторского сословия, Кассий Дион был лично заинтересован в сохранении статуса Сената – тем интереснее прочитывать «Римскую историю» в поисках общих характеристик тех правителей, которых Дион называет тиранами. Для Диона тиран – это монарх, терроризирующий Сенат. То, как систематично говорит о тирании Дион, делает ее очень конкретной и практически персонифицированной. Тиран Диона архитипичен: он презирает Сенат, он увлечен войнами, он казнит и ссылает за смелые речи и вступает в позорные связи. Дион редко включает в текст явные теоретические рассуждения, но неожиданная выверенность в подборе примеров говорит о стоящей за ними четкой системе. Он чувствует, что система, в центре которой – единоличное правление, не застрахована от негативных проявлений человеческой природы. Дион уделяет особое внимание личным качествам императоров, часто отмечая, что негативные проявления монаршего характера могли быть сдержаны вмешательством Сената или привычкой императора прислушиваться к коллегиальным советам «лучших мужей». Но не только произвольный тиран – угроза для Диона. Источник тревоги для него – неуправляемость, будь то безумный император или гражданская война, сопровождаемая дюнастией. Его цель – найти способ ее устранить и предотвратить.

На первый взгляд проект Диона схож с плебисцитарной моделью: не только народ находит выражение в монархе, но и с установлением этой двухчастной системы заканчивается острая кризисная ситуация. Однако в плебисцитарной модели конфигурация институтов тяготеет к уподоблению транслируемой идеологии – полнота власти действительно постепенно сосредоточится в руках единоличного правителя. Дион, напротив, пытается – с разной степенью надежности – установить сдержки неограниченному правлению одного человека.

Список сокращений

- Dio Cass. Hist. rom. Dio Cassius. Roman History: in 9 vols. / trans. from the Latin by E. Cary, H. B. Foster. – London, Cambridge (MA): Harvard University Press, 1914–1927. – (Loeb Classical Library; 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176).

Список литературы / References

- Агамбен, Дж. (2011) *Homo Sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Издательство «Европа», 148 с. [Agamben, Dzh. (2011) *Homo Sacer. The state of exception* [Homo Sacer. Chrezvychajnoe polozhenie]. М.: Izdatel'stvo «Европа», 148 p. (In Russ.)].
- Кассий Дион Коккейан (2014) *Римская история. Книги LI–LXIII* / пер. с древнегреч. А. В. Махалюка, К. В. Маркова, Е. А. Молева, Н. Ю. Сивкиной. СПб.: Нестор-История, 680 с. [Cassius Dio Cocceianus (2014) *Historia Romana. Libri LI–LXIII* / Trans. from the Ancient Greek by A. V. Makhalyuk, K. V. Markov, E. A. Molev, N. Y. Sivkina [Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX]. SPb.: Nestor-Istoriya, 680 p. (In Russ.)].
- Марков, К. В. (2013) ‘Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал?’, *Вестник древней истории*, 3, сс. 52–74. [Markov, K. V. (2013) ‘Monarchy as “true democracy” in the works of Greek authors of the Second Sophistic: irony, utopia or ideal?’ [Edinovlastie kak «podlinnaya demokratiya» v trudah grecheskih avtorov vremen Vtoroj sofistiki: ironiya, illyuziya, utopiya ili ideal?], *Vestnik drevnej istorii*, 3, pp. 52–74. (In Russ.)].
- Смышляев, А. Л. (1990) ‘«Речь Мecenата» (Dio Cass. LI, 14–40): проблемы интерпретации’, *ВДИ*, 1, сс. 54–66. [Smyshliaev, A. L. (1990) ‘Maecenas’ Speech (Dio Cass. LI, 14–40): Problems of Interpretation’ [«Rech' Mecenata» (Dio Cass. LI, 14–40): problemy interpretacii], *VDI*, 1, pp. 54–66. (In Russ.)].
- Скиннер, К. (2018) *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1.: Эпоха Ренессанса*. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 464 с. [Skinner, Q. (2018) *The Foundations of Modern Political Thought Volume 1. The Renaissance*. [Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 1.: Epokha Renessansa]. М.: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 464 p. (In Russ.)].
- Фукидид (1981) *История*. Л.: Наука, 353 с. [Fukidid (1981) *History* [Istoriya]. L.: Nauka, 353 p. (In Russ.)].
- Хархордин, О. В. (2023) ‘Как соединить монархию с демократией. Рецепты римской истории’, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 1, сс. 62–127. [Kharhordin, O. V. (2023) ‘How to mix monarchy with democracy. Precepts from Roman history’ [Kak soedinit' monarhiyu s demokratiej. Recepty rimskoi istorii], *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 1, pp. 62–127. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (2010) *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом ВШЭ, 272 с. [Schmitt, K. (2010) *The state and political form* [Gosudarstvo i politicheskaya forma]. М.: Izdatelskiy dom VSHE, 272 p. (In Russ.)].
- Aalders, G. J. D. (1986) ‘Cassius Dio and the Greek World’, *Mnemosyne*, 39 (3–4), pp. 282–304. DOI: 10.1163/156852586X00446
- Baehr, P., Richter, M. (2004). *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism*. 324 p. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139052429
- Baehr, P. (2008) *Cesarism, Charisma and Fate*. New Brunswick, NJ: Tavistock. 243 p.
- Burden-Strevens, C. (2019) ‘The Republican Dictatorship: an Imperial Perspective’. In Osgood, J. Baron, C. (eds.) *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Boston, Leiden: Brill, pp. 131–157.
- Burden-Strevens, C. (2020) *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic. The Roman History, Books 3–56*. Boston, Leiden: Brill. 340 p.
- Espinosa-Ruiz, U. (1982) *Debate Agrippa-Mecenas en Di6n Casio: respuesta senatorial a la crisis del Imperio Romano en 6poca severiana* [In Spanish]. Madrid: Universidad Complutense. 459 p.
- Havener, W. (2020) ‘“A Warlike Man”: Cassius Dio’s Perception and Interpretation of the Imperial Military persona’. In Lange C. H., Scott A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 138–164. DOI: 10.1163/9789004434431_008
- Herrero, M. (2019) ‘Acclamations: a theological-political topic in the crossed dialogue between Erik Peterson, Ernst H. Kantorowicz and Carl Schmitt’, *History of European Ideas*, 45 (7), pp. 1045–1057. DOI: 10.1080/01916599.2019.1637360
- Imrie, A. (2020) ‘The War Comes Home: Rome and Romans during Civil Conflict in the *Roman History*’. In Lange, C.H., Scott, A.G. (eds.) *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 165–191. DOI: 10.1163/9789004434431_009

- Kemezis, A. (2015) *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans. Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
- Kharkhordin, O. (2021) 'Authority and Power in Russia', *Slavic Review*, 80 (3), pp. 469–488.
- Lindholmer, M. (2018) 'Cassius Dio and the 'Age of δυναστεία'', *Greek, Roman & Byzantine Studies*, 58, pp. 561–590.
- Madsen, J. M. (2019) *Cassius Dio*. London: Bloomsbury Academic. 144 p.
- Madsen, J. M. (2022) 'Cassius Dio and the Ideal Constitution'. In Kemezis, A., Bailey, C., Poletti, B. (eds) *The Intellectual Climate of Cassius Dio: Greek and Roman Past*. Boston, Leiden: Brill, pp. 80–108.
- Markov, K. (2020) 'Cassius Dio on Senatorial Activities as a Factor of Political Instability and Civil War'. In Lange, C. H., Scott, A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 241–256.
- Millar, F. (1964) *A Study of Cassius Dio*. Oxford: Clarendon. 239 p.
- Rich, J. W. (2004) *Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53-55.9)*. Liverpool: Liverpool University Press, 2004. 260 p.
- Scott, A. (2020) 'Civil War and Governmental Change: From the Achievements of Augustus to the Failures of the Severans'. In Lange, C. H., Scott, A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 334–354.
- Urso, G. (2016) 'Cassius Dio's Sulla: Exemplum of Cruelty and Republican Dictator'. In Madsen, J. M., Lange, C. H. (eds.) *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden: Brill, pp. 13–32.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

CHECKS WITHOUT BALANCES: THE IDEA OF "A MIXTURE OF MONARCHY AND DEMOCRACY" IN CASSIUS DIO'S *ROMAN HISTORY*

M. Alieva

Marina Alieva, graduate student of the Faculty of Political Science, European university at St. Petersburg, Saint Petersburg.
E-mail: malieva@eu.spb.ru (ORCID: 0009-0009-4335-8188. ResearcherID: KHE-2686-2024).

Abstract

In the third century AD, the historian Cassius Dio Cocceianus, in his "Roman History," proposes a blueprint for an ideal political constitution: the state that combines monarchy and democracy. Book 56 characterizes such regime as "a mixture of monarchy and democracy." Modern authors may draw an analogy with the concept of plebiscitary democracy. This paper, however, is aimed at preventing such analogies as despite the external similarities, the institutional content of the two models is different. The paper reveals the functions of the monarch, the people, and the Senate in the mixed constitution of Cassius Dio in two aspects: how they were intended to be presented to the addressees of the project, and the actual set of powers of each institution. The political project is examined in the context of Dio's ideas on the worst situations in politics such as civil war and 'dunasteia'. The author compares Cassius Dio's mixed constitution with the Caesarist model. The results show that while modern plebiscitary regimes involve two parts of the system - the elected ruler and the acclamating people - Dio's model consists essentially of three elements: the monarch, the people, and the Senate.

Keywords: mixed constitution; plebiscitarianism; Cassius Dio; Roman History; Roman Senate; Octavian Augustus; monarchy.

УДК-1: 321.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА В ТЕОРИЯХ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ИХ КРИТИКА

Н. А. Шавеко

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, Институт философии и права, Уральское отделение РАН, Ижевск, Россия.
E-mail: shavekonikolai@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5481-7425. ResearcherID: K-4637-2018).

Аннотация

Посвящена рассмотрению наиболее распространенных способов, которыми сторонники совещательной модели демократии обосновывают ключевой элемент указанной модели – делиберацию (публичный дискурс), а также наиболее частых способов критики указанных обоснований. Целью статьи является выстраивание собственной авторской классификации существующих аргументов «за» и «против» совещательной демократии, которая обеспечит емкое и ясное представление о теоретических дебатах, развернувшихся в западной политической науке в последние несколько десятилетий, делаются выводы о нормативной привлекательности рассматриваемой модели. Автор выделяет два основных способа нормативного обоснования политической делиберации: эпистемический и неэпистемический. Оба, как указывается, сводятся к инструментальному обоснованию, то есть делиберация в них не рассматривается как благо само по себе. Далее выделяются три основные линии критики, в рамках которых обоснование делиберации оспаривается в современной западной научной литературе, а именно критиками доказывалось, что: 1) делиберация не является необходимым и единственным способом достижения нормативно значимого результата; 2) сама по себе делиберация и не приводит к нормативно значимому результату, а ключевыми для достижения указанного результата оказываются иные факторы; 3) на практике даже грамотно выстроенная делиберация может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым, то есть будет иметь место негативный обратный эффект. Все три линии критики носят скорее практический, чем теоретический характер. Автор приходит к выводу, что «совещательный поворот» в западной демократической теории не привел к дискредитации элитистских и партисипаторных подходов к осмыслению демократии, а лишь дополнил их нормативными соображениями, согласно которым имеет значение не только количество, но и качество индивидуальных предпочтений и политического участия («входных данных»), а также не только индивидуальная, но и социальная перспектива.

Ключевые слова: делиберация; демократия; дискурс; групповая поляризация; групповое мышление; коммуникация; рациональное невежество; гражданственность.

Общая характеристика совещательной демократии

В 1980–1990-х годах в западной политической науке наблюдалось смещение основных трендов во взглядах на демократию. Так, если в первые послевоенные десятилетия доминировали элитистские модели демократии, в которых политическое участие граждан сводилось к периодическим выборам правящей элиты, а к 1970-м гг. эти модели стали оспариваться в рамках так называемой демократии участия (партисипаторной демократии), подразумевающей ширококомасштабное и непосредственно политическое участие народных масс, то теперь фокус внимания сместился с количества политического участия на его качество (а также на способы повысить это качество), и в обиход вошел термин делиберативная (совещательная) демократия, впервые использованным Дж. Бессетом в работе 1980 г. (Бессет, 2011). В настоящее время совещательная модель демократии по-прежнему является одной из доминирующих теоретических моделей, хотя в последнее десятилетие нередко говорят о «системном повороте» в рамках совещательной демократии, который обеспечивает рассмотрение делиберации в широком контексте формальных и неформальных политических практик и тем самым сближает совещательную модель с конкурирующими подходами, делающими акцент на соперничестве, а не на консенсусе (Mäntysalo et. al., 2023; Sokalska, 2023).

Под совещательной демократией обычно понимают такую модель демократии, при которой управление государством основывается на открытом, рациональном и свободном обсуждении (делиберации) социальных проблем, в процессе которого каждый имеет равное право привести аргументы или высказать возражения относительно того или иного способа решения этих проблем. В соответствии с характеристикой, данной Дж. Коэном, совещательная демократия представляет собой такой способ управления обществом, при котором основой легитимности считается подобное обсуждение, при этом граждане считаются способными к нему, а существующие институты способствуют ему и функционируют в соответствии с его результатами (Cohen, 1989: 21). В свою очередь, согласно определению, данному А. Гутманн и Д. Томпсоном, совещательная демократия есть форма правления, при которой свободные и равные граждане или их представители обосновывают те или иные решения в процессе выдвижения взаимоприемлемых и общедоступных аргументов с целью формулирования выводов, обязательных в настоящем для всех граждан, но открытых для оспаривания в будущем (Gutmann & Thompson, 2004: 7). Наконец, по мнению Й. Элстера, совещательная демократия характеризуется принятием решений теми, кого затрагивает это решение, или их представителями, посредством приведения аргументов рациональными и беспристрастными участниками (Deliberative Democracy..., 1998: 8). Все приведенные определения весьма схожи, и, как правило, предполагают как данность, что граждане (или их представители) обладают необходимыми делиберативными компетенциями, являются рациональными, а также в целом (добровольно или ввиду тех или иных обстоятельств) беспристрастными.

С точки зрения совещательных демократов модели демократического элитизма и партисипаторной демократии – это агрегативные («объединительные», «голосоцентричные») модели, поскольку они исходят из демократической процедуры как способа агрегации различных суждений и потребностей (голосов), в то время как ключевым элементом демократии является обдумывание и обсуждение, влекущее преобразование первоначальных суждений и потребностей («диалогоцентричность»). Ввиду этого, как выразился К. Санстэйн, подлинная демократия основывается не на предпочтениях, а на аргументах (reasons) (Sunstein, 1997: 94). Для сторонников совещательной демократии процедура голосования вторична по своей значимости, представляет собой лишь вынужденную меру в ситуациях, когда не достигнут консенсус.

Легитимность совещательные демократы трактуют не просто как молчаливое согласие народа с властью, но как продуманное, порожденное обсуждением согласие. Действительно, если власть способна сама формировать предпочтения народных масс, то непонятно, почему эти предпочтения должны служить оправданием самой власти; в конечном счете, важным становится именно генезис политических предпочтений (Manin, 1987). Исходя из этого, для совещательных демократов «воля народа» не дана заранее, а подлинная легитимность, в свою очередь, означает не просто правление в соответствии с этой волей, но и определенные способы ее формирования.

Наконец, важно подчеркнуть, что совещательные демократы исходят из «социальной перспективы», то есть делиберация рассматривается ими не просто как инструмент рефлексии индивида над собственными потребностями, но и как инструмент достижения неких социально значимых целей (тогда как в голосоцентричных моделях демократия, как правило, рассматривается лишь в качестве способа реализации индивидами своих частных целей). При этом само «общее благо» (социально значимая цель) сторонниками совещательной демократии определяется, конечно же, не простым агрегированием различных мнений, а их творческой переработкой в ходе политического обсуждения.

Итак, идея совещательной демократии претендует на то, чтобы избежать, с одной стороны, правления невежественной и необузданной толпы, с другой стороны, правления элит, достаточно компетентных, но не заинтересованных в благе людей, в справедливости и тому подобных идеалах. Но удастся ли совещательным демократам найти «золотую середину» между демократическим элитизмом и демократией участия? Действительно ли делиберацию следует рассматривать как ключевую характеристику демократии?

В данной статье будут рассмотрены основные способы, с помощью которых сторонники совещательной модели демократии обосновывают ценность делиберации, а также обозначены основные направления критики указанной модели, имеющие место в литературе. Предполагается, что авторская классификация аргументов как сторонников политической делиберации, так и тех, кто настроен в отношении нее скептически, позволит сформировать лаконичное и ясное представление о теоретических дебатах, развернувшихся в западной политической науке в последние несколько десятилетий, и сделать выводы о нормативной привлекательности рассматриваемой модели.

Несмотря на то, что в современную эпоху постправды совещательные механизмы находятся под угрозой, что может породить некоторый скепсис в отношении практической реализации данной модели,

необходимо заметить, что совещательная демократия изначально возникла в период формирования информационного общества, а потому ее можно рассматривать как ответ на вопрос о функционировании демократии в условиях нескончаемых информационных потоков. И сегодня теоретики совещательной демократии также убедительно демонстрируют, что данная модель может стать ответом на существующие угрозы демократии (Bächtiger & Dryzek J.S., 2024; Benson, 2023). Таким образом, исследование теоретических основ совещательной демократии сегодня, как представляется, имеет особую актуальность.

Несмотря на то, что сегодня существует огромный пласт литературы на тему совещательной демократии и зачастую каждый автор предлагает свое собственное понимание делиберативного правления, есть как минимум одна характеристика, которая объединяет всех сторонников делиберативной демократии, – придание ключевого значения делиберации. Так, для большинства сторонников совещательной демократии важно не только само по себе решение, которое могли бы одобрить все заинтересованные лица и/или которое отражало бы их интересы в равной мере, но и то, что оно было бы одобрено путем всестороннего подробного и добросовестного обсуждения (дискурса), в ходе которого участники могут прояснить и скорректировать первоначально разделявшиеся ими интересы и ценностные позиции (Посконин и Посконина, 2007: 45, 53-54). Чтобы подчеркнуть этот момент, Д. Драйзек даже предпочитает говорить не о делиберативной, а о дискурсивной демократии (так как делиберация может пониматься как процесс, совершаемый лишь одним человеком, что вводит в заблуждение) (Dryzek, 1990). Ниже мы, однако, будем использовать понятия «дискурс» и «делиберация» как синонимы, подразумевая, что делиберация – это именно «обсуждение», а не просто «рассуждение». В любом случае, сказанное демонстрирует, что критический анализ ценности политического дискурса (делиберации) является ключевым для оценки совещательной демократии в целом, хотя сегодня некоторые теоретики и пытаются показать, что в рамках «системного поворота» делиберативная демократия представляет собой нечто большее, чем защиту совещательных практик (Scudder, 2021).

Стратегии обоснования ценности политической делиберации

Итак, как именно сторонники совещательной демократии обосновывают необходимость дискурса? Здесь оказывается, что каждый мыслитель видит основную пользу дискурса в чем-то своем. При этом различные точки зрения можно условно разделить на (1) отстаивающие эпистемологическую ценность дискурса и на (2) отстаивающие иные инструментальные достоинства дискурса. Одновременно сложно назвать авторов, которые бы рассматривали дискурс как ценность саму по себе, вне зависимости от результата, к которому он приводит.

Рассмотрим сначала различные эпистемологические трактовки ценности дискурса. Так, например, С. Бенхабиб говорит о дискурсах как об эффективном способе получения информации и преодоления ограниченности индивидуального мышления (Benhabib, 1996: 69-74). Этот тезис, в свою очередь, может пониматься в нескольких аспектах.

В частности, дискурс в том или ином виде обеспечивает репрезентацию интересов. В одних случаях предполагается, что в дискурсе вправе участвовать все заинтересованные лица (Хабермас, 2008), в других случаях предлагается сделать репрезентативную выборку участников обсуждения из всей совокупности заинтересованных лиц (Fishkin, 2009), но, так или иначе, подобная репрезентация позволяет получить информацию о реальных предпочтениях и интересах населения. Кроме того, даже обсуждение с участием представителей власти с одной стороны и общественности с другой стороны, результаты которого не имеют обязательной для представителей власти силы, позволяет последним узнать действительные нужды подвластных.

Речь, впрочем, идет не только о получении знаний о каких-то фактах, но и о том, что путем обсуждения с другими людьми мы осмысливаем свои собственные предпочтения и интересы, жизненные цели, моральные интуиции и принципы. В этом тоже состоит важный эпистемологический аспект, отмечаемый совещательными демократами. Фактически данное положение бросает вызов традиционному либеральному воззрению, согласно которому каждый человек лучше других знает свои собственные предпочтения и интересы, ведь, согласно сторонникам совещательной демократии, лишь после некоторого совместного обсуждения человек будет обладать квалифицированным знанием собственной позиции (Dryzek, 2000: 21). Возможно, нам и не следует держаться за этот догматичный образ человека. Однако стоит заметить, что точно такой же вызов данному образу бросает и простое предположение, что свои ценности и предпочтения человек в полной мере может осознать лишь после обдумывания, которое осуществляется исключительно путем внутренней рефлексии без обсуждения с другими людьми (то есть путем делиберации без дискурса!) (Goodin, 2003). Соответственно, для большинства сторонников сове-

щательной демократии критически важно показать, что «совещания с самим собой» (подобно тому, как это имеет место у судьи в совещательной комнате) недостаточно.

Но все же является ли дискурсивный способ познания неизбежным? Даже если мы примем радикальную точку зрения Дж. Дьюи, согласно которой знание является лишь функцией коммуникации (Дьюи, 2002: 116, 128), делиберация как публичное обсуждение остается лишь одной из множества форм коммуникации. Так, например, доступ к информации (в том числе о возможных аргументах в споре), навыки критического мышления, мотивацию усваивать информацию и критически ее осмысливать можно обеспечивать самыми различными способами, например через образовательные проекты, СМИ, специальные информационные рассылки, через митинги, дебаты, агитацию и публичные заявления, обращения в органы власти, соцопросы и голосования, индивидуальные рассуждения и т. п. Дьюи полагает, в частности, что сама попытка передать свой опыт другому человеку ведет к переосмыслению данного опыта (рефлексии над ним в категориях чужого опыта), поэтому «любое взаимодействие... имеет образовательное значение» (Дьюи, 2000: 11). Но взаимодействие, очевидно, не тождественно делиберации (в противном случае делиберация стала бы слишком широким и оттого бессодержательным понятием). Иными словами, идея делиберативной демократии, возможно, подсказывает нам эффективный способ получения информации и ее осмысления, но этот способ однозначно не является единственным, и, возможно, даже не самым главным.

Пожалуй, наиболее убедительно в эпистемологическом ключе необходимость дискурса будет выглядеть в том случае, если мы сможем обосновать, что он является единственным способом познания моральной истины (справедливости), а саму моральную истину следует определить именно как результат дискурса. Именно такую этическую теорию и предложил в свое время немецкий мыслитель Ю. Хабермас (Хабермас, 2006). Результаты дискурса для него – это не просто более приближенные к моральной истине утверждения, а сама моральная истина как таковая.

Здесь можно выделить две трудности. Первая – это обоснование самой этики дискурса, ведь если мы не сможем ее обосновать, то и эпистемическое значение делиберации окажется под сомнением. Однако в рамках данной статьи мы не можем вникать во все сильные и слабые стороны этики дискурса. Ввиду этого целесообразно сосредоточиться на другой трудности. Дело в том, что, даже оставляя в стороне обоснованность этики дискурса, мы могли бы задаться вопросом: если дискурс как «идеальная речевая ситуация» в реальности никогда недостижим полностью, соответствует ли максимально возможное приближение к «идеальной речевой ситуации» максимальному приближению к моральной истине? Как заметил Й. Элстер, «иногда небольшая дискуссия может быть... даже хуже, чем отсутствие дискуссии вообще»; неверно, что ситуация, удовлетворяющая большему количеству идеальных критериев, обязательно лучше, чем ситуация, в которой удовлетворяется меньшее количество таких критериев (Elster, 1997: 14-15, 18). Тот же тезис разделяет Д. Эстлунд, заметивший, например, что если критерием правильности решения является согласие с ним каждого затронутого лица при идеальных условиях обсуждения, то в реальности предоставление каждому затронутому лицу права вето, вытекающего из критерия единогласия, привело бы к обструкционизму, а значит, не всякое приближение к идеальной процедуре желательно (Estlund, 2008: 17). Кроме того, по Эстлунду, не всегда понятно, в каких ситуациях речь идет о политическом дискурсе, а в каких нет, поэтому если мы будем пытаться воплотить в жизнь «идеальную речевую ситуацию», то необходимо все социальные коммуникации (в том числе в бизнесе, искусстве и т. п.) выстроить по данному образцу, что является абсурдным (Estlund, 2008: 187-189). Не случайно Хабермас был крайне осторожен в практических рекомендациях относительно политического устройства, которые могли бы следовать из этики дискурса. Предложенная им модель делиберативной демократии (Habermas, 1992) заключается совсем не в том, чтобы попытаться создать «идеальную речевую ситуацию» в реальной политической практике. С учетом изложенного полагаем, попытки некоторых авторов выработать «индекс качества дискурса», и с этой точки зрения определить соответствие реальных дискурсов некоторой идеальной модели (Steenbergen et. al., 2003), не спасают подход к совещательной демократии, основанный на этике дискурса: обоснованность этики дискурса, к сожалению, еще не означает обоснованность делиберативной демократии.

Некоторые мыслители указывают на положительные следствия дискурса, прямо не связанные с вопросами познания фактов, интересов и принципов. Так, Э. Гутманн и Д. Томпсон подчеркивают способность дискурсов устранять моральные разногласия, тем самым делая решения более легитимными, а также формировать политические добродетели (Gutmann & Thompson, 1996). Свою нормативную теорию делиберативной демократии они развивают под влиянием взглядов Дж. Ролза. Последний, в свою очередь, известен скорее не как теоретик демократии, а как теоретик справедливости. Между тем его взгляды могут быть рассмотрены и в рамках демократической теории. Так, в своей работе «Политический либера-

лизм» (Rawls, 1993) Ролз предпринял попытку разработать концепцию справедливости, которая могла бы быть применимой к современным обществам, характеризующимся высоким уровнем разумных разногласий по фундаментальным вопросам. При этом он исходил из того, что любая правдоподобная концепция справедливости должна быть реалистичной и иметь шансы на воплощение (отвечать требованию стабильности). Это, по мнению Ролза, имеет место в случае, если можно разумно ожидать, что данную концепцию (касающуюся основных политических, социальных и экономических институтов общества) могли бы разумно и на условиях взаимности принять люди, рассматриваемые как свободные и равные, но имеющие различающиеся религиозные, философские и моральные убеждения. Иными словами, справедливым является то, что может быть «публично оправданно» (согласно определенным стандартам рациональности). Эту теорию справедливости Ролз обозначил как политический либерализм. Гутманн и Томпсон, в свою очередь, не оценивают ролзовскую теорию справедливости как таковую, а лишь заимствуют у него ту спорную идею, что тенденция к минимизации на практике моральных разногласий является неотъемлемой частью любой правдоподобной теории справедливости. И далее, предполагая идеал демократии очевидным, они защищают именно совещательную модель демократии, поскольку она, по их мнению, лучше справляется с моральными разногласиями.

Но опять же можно задаться вопросом: действительно ли дискурс является единственно возможным или же необходимым средством достижения указанных целей? Некоторые авторы, например, подмечают, что справедливое распределение доходов и богатств, а также изначально данное чувство общности могут способствовать преодолению разногласий лучше, чем делиберация (Bell, 1999: 73).

Кроме того, мы могли бы задаться вопросом, каково соотношение цели отсутствия конфликтов, а также цели развития политических добродетелей с другими нормативными идеалами? По всей видимости, преследуемые Гутманн и Томпсоном цели сами по себе не являются высшими, а потому играют подчиненную роль. Д. Фирон, например, не без оснований утверждает, что формируемые в ходе делиберации добродетели ценны не сами по себе, а для достижения в том или ином смысле более приемлемого результата (Fearon, 1998: 58-60). Что касается ценности отсутствия конфликтов, то значимость таковой в глазах граждан, как мы полагаем, также зависит от того, насколько бесконфликтность способствует реализации представлений этих граждан о справедливости (содержательной или процедурной), о самореализации (хорошо прожитой жизни), а также от того, насколько она помогает максимизации удовольствий и минимизации страданий этих граждан. Вполне возможно, что некоторые ценности мы посчитаем настолько важными, что будем оправдывать их принудительное воплощение даже в отсутствие морального согласия. Не говоря уже о том, что в более радикальных («агонистических») моделях демократии высшая ценность придается самим моральным конфликтам, постоянной борьбе социальных сил в условиях плюрализма (Mouffe, 1999: 755-756). В итоге, если эпистемологические обоснования дискурса более или менее очевидны (обоснование той или иной формы правления вообще, как правило, строится через демонстрацию того, что именно она в наибольшей степени способствует познанию и воплощению «правильного» результата), то иные инструментальные обоснования дискурса нуждаются в дополнительных обоснованиях тех промежуточных целей, на которые ссылаются соответствующие авторы.

Итак, важность дискурса совещательными демократами обосновывается, с одной стороны, тем, что через дискурс достигается некоторая информированность, осмысленность и просвещенность (которая, в свою очередь, обеспечивает принятие в том или ином смысле правильных решений – как с индивидуальной, так и с социальной перспективой), с другой стороны, тем, что дискурс приводит к результатам, которые можно рассматривать как своего рода средства для самых различных целей, то есть имеют ценность независимо от того, в чем именно состоят правильные решения (эта ценность может состоять в устранении моральных разногласий, формировании политических добродетелей и прочих положительных эффектах).

Рассмотрев способы, с помощью которых ученые пытаются обосновать значимость публичных обсуждений социальных проблем, что мы имеем в сухом остатке? Информированность о фактах окружающей действительности, осмысленность предпочтений и моральных позиций, отсутствие моральных разногласий и развитие гражданских добродетелей, справедливое урегулирование конфликтующих предпочтений – все это заслуживающие внимания ценности. Однако обоснование делиберативной демократии в конечном счете, во-первых, зависит от доказанности того, что дискурс способствует реализации этих ценностей, причем лучше других способов, во-вторых, требует дополнительной теории, выявляющей соотношение этих ценностей.

Недостатки и опасности политической делиберации

На данный момент приводимая нами критика возвеличивания значимости дискурса сводилась большей частью к тому, что, даже если дискурс действительно играет положительную роль в достижении тех или иных целей, существуют и иные (возможно, даже более действенные) способы достижения тех же самых целей, а сам дискурс не является неизбежным. Но надо сказать также и о том, что любые преимущества дискурса могут быть перевешены его недостатками, и об этом также не забывают многие сторонники совещательной демократии. Так, в литературе нередко указывается, что необходимо соотносить ценность делиберации, в чем бы она ни заключалась, с ценностью времени, затраченного на нее, а также возможность того, что делиберация будет способствовать лишь торжеству красноречия, формированию неадекватного представления о собственных интересах и идентичности, а также другим негативным сценариям (*Deliberative Democracy...*, 1998: 21-22, 123-184).

Конечно, в большинстве случаев такие упреки связаны с ситуациями, в которых нарушаются основные требования делиберации – участники совершают стратегическое, а не коммуникативное действие, прибегают к различным манипуляциям, защищают свой эгоистический интерес, а не истину и справедливость. Но иногда негативные следствия свойственны даже «идеальному» дискурсу, то есть такому, где участники не действуют стратегически и не стремятся (по крайней мере, последовательно и осознанно) защитить эгоистический интерес. В этом случае речь идет о том, что участники недостаточно ответственно и добросовестно подходят к заданию (например, не проявляют достаточной беспристрастности и не осуществляют требуемое исследование должным образом). Так, Д. Гамбетта обратил внимание на то, что эффективность дискурса во многом зависит от культуры его участников, и простого отсутствия стратегического действия и эгоистического интереса недостаточно (Gambetta, 1998: 19-43), Й. Элстер (Elster, 1997: 16-17) и Д. Мутц (Mutz, 2006: 3) – на то, что люди обычно стараются не конфликтовать со своими согражданами, а потому или обсуждают острые социальные проблемы только в кругу своих единомышленников, или уклоняются от обсуждения, или руководствуются скорее склонностью к конформизму, чем разумом.

Кроме того, такие авторы, как Й. Шапиро (Shapiro, 1999: 31-32), А. Пржеворский (Przeworski, 1998: 141) и Дж. Фирон (Fearon, 1998: 55-58), указали на то, что именно в ходе обсуждения участники могут обнаружить фундаментальную противоположность своих взглядов, не допускающую никакого примирения, и тем самым лишь усилить или создать разногласия. Действительно, обсуждение, как правило, является необходимым шагом для преодоления разногласий, однако (а) раскрытие аргументации может, напротив, вскрыть или обострить конфликт, а (б) процедура обсуждения не всегда способствует легитимизирующему психологическому эффекту. Надо сказать, что еще на заре теории делиберативной демократии были проведены психологические исследования, показывающие, что приводимые в публичных спорах аргументы, направленные на преодоление или смягчение разногласий, ввиду врожденной «схематичности» человеческого мышления достигают прямо противоположного эффекта (Ross & Nisbett, 1980: 192). Возможно также, что противоположность взглядов не просто обнаруживается и укрепляется, а именно создается в ходе самой дискуссии, о чем говорит, например, известный феномен «групповой поляризации», исследованный С. Московичи (Moscovici & Zavalloni, 1969; Sunstein, 2003). Особое значение здесь приобретает склонность к подтверждению своей точки зрения (*confirmation bias*) (Nickerson, 1998).

Социальные эксперименты, кроме того, показывают, что совместное обсуждение тех или иных вопросов может привести к неприемлемым результатам из-за эффекта «группового мышления», открытого И. Джейнисом (1972, 1982, 1985) (*Введение в психологию*, 2007: 769-770). При групповом мышлении участники обсуждения подавляют свое мнение ради единства группы, что приводит к принятию явно непродуманных и абсурдных решений. Соответственно, идеальные условия дискурса должны исключать факторы, провоцирующие эффект «группового мышления», однако данные факторы пока что недостаточно изучены.

Существует множество других возможных негативных эффектов (искажения, обусловленные разной степенью подготовленности участников; чрезмерная эмоциональность дискуссий; появление в результате дискуссий чувства апатии и склонности к скептицизму; усиление в ходе дискуссии групповой предвзятости и т. п.) (Brennan, 2016: 58-73). Во всех этих случаях речь идет о том, что даже если формально созданы все условия для получения необходимой информации, свободной и равноправной дискуссии и достижения согласия, то на практике может сработать человеческий фактор, ведь участники дискуссии не идеальны.

Вышеизложенные недостатки и опасности публичных дискурсов показывают, что критика их значимости может строиться двояко: с одной стороны, можно доказывать, что существуют иные способы достижения целей, которым в идеале должно служить обсуждение (о чем мы говорили в предыдущем

разделе), с другой стороны, можно заметить, что даже идеально выстроенное обсуждение будет иметь больше недостатков, чем достоинств (на что указывает сказанное в этом разделе).

Просвещенность как условие и как следствие политической делиберации

Особое внимание, как представляется, следует уделить эпистемологическим трактовкам совещательной демократии. Дело в том, что в целом сторонники совещательной демократии часто подчеркивают важность просвещенности (полной информированности, сознательности и рациональности) участников политических дискурсов, которая является гарантом принятия правильных решений. Ценность для совещательных демократов имеет не сиюминутное и не осведомленное мнение, а мнение продуманное и компетентное (Хлопов, 2013: 271). Но при этом они отвергают идеал «попечительского правления», то есть правления грамотной и знающей элиты. Совещательные демократы предполагают, что ни один человек или группа людей не могут обладать всей полнотой информации и предвидеть все разнообразие точек зрения (Зайцев, 2013: 151-152); соответственно, чем больше людей (или их объединений, групп и т. д.) вовлечено в принятие решения, тем лучше. Это, по всей видимости, потребует действий, направленных на «рационализацию общества» (в терминологии Дж. Дьюи) (Линде, 2015: 55), то есть образовательных реформ, направленных на повышение компетентности граждан. В качестве альтернативы предлагается вводить совещательные элементы в работу репрезентативных органов власти (парламенты, суды присяжных и т. п.), в том числе создавать новые коллективные совещательные органы, представляющие собой репрезентативную выборку из населения (непрофессионалов в политике), и повышать информированность уже этих представителей, а не всего населения (Dryzek et al., 2019: 1144-1146; Landmore, 2017: 51-63). Проблема, однако, в том, что многие из представителей теории совещательной демократии (Fearon, 1998; Pedro, 2010) подразумевают, что у граждан имеется либо достаточный уровень информированности и мыслительных способностей, либо этот уровень достигается именно в процессе обсуждения (делиберации) и никаких дополнительных действий по просвещению, помимо организации самого процесса обсуждения, не требуется. Во всяком случае, просвещенность занимает важное место в концепциях совещательной демократии.

Однако в этом заключается и слабость указанных концепций. Действительно ли среднестатистический гражданин достаточно просвещен для демократии? И если нет, то может ли он вообще стать таковым? Как представляется, ответы на эти вопросы должны учитывать заслуживающее внимания мнение, высказанное Й. Шумпетером, согласно которому «без инициативы, которая проистекает из непосредственной ответственности, несмотря на все обилие точной информации, будет преобладать незнание. Оно будет преобладать даже в условиях, когда в обществе предпринимаются заслуживающие всяческих похвал усилия выйти за рамки простого изложения информации и организовать обучение тому, как ее использовать, посредством лекций, классов, дискуссионных групп. Результаты этих усилий, – пишет Шумпетер, – не равны нулю. Но они малы. Людей нельзя внести вверх по лестнице – они должны карабкаться сами. Поэтому, как только обычный гражданин затрагивает политические вопросы, он опускается на более низкий уровень умственной деятельности. Он аргументирует и анализирует так, что это показалось бы ему самому инфантильным применительно к сфере его собственных интересов» (Шумпетер, 2008: 660). Таким образом, важно не только предоставление народу или его представителям значимой информации без каких-либо искажений, но и наличие у них мотивации воспользоваться данной информацией. Соответственно, одной из задач в процессе обоснования делиберативной демократии становится задача показать, что население или его репрезентативные выборки могут быть еще и достаточно мотивированными (Fishkin, 2009: 1-8). Как правило, речь идет о том, чтобы оплачивать всю необходимую работу представителей, участвующих в обсуждении. Но не менее значимым является обеспечение того, чтобы результаты обсуждения имели обязательный характер, поскольку в этом случае участники обсуждения будут знать, что игра стоит свеч (Ross, 2013). По всей видимости, надежды совещательных демократов на то, что информированность и мотивированность продуцируются самим дискурсом, необоснованны. Вероятно, эти два качества правильнее рассматривать как необходимые условия, а не как непеременные следствия дискурса.

Исходя из вышеизложенного, еще одной линией критики совещательной демократии можно считать попытку показать, что дискурс не просто не является единственным средством достижения тех или иных целей или даже ведет к прямо противоположным целям, но также и то, что дискурс попросту не является эффективным средством, а связываемые с ним успехи обусловлены на самом деле иными факторами. Мы показали это на примере эпистемических обоснований дискурса, указав, что требуемая про-

свещенность и мотивированность достигаются не дискурсом как таковым, а другими механизмами. Но то же самое можно применить и к неэпистемическим обоснованиям дискурса.

Отсюда следует, что при оценке совещательной демократии мы все еще должны учитывать споры между демократическими элитистами и партисипаторными демократами, которые касаются как представлений о человеческих способностях, так и реального желания народа участвовать в политике. В действительности у совещательных демократов существуют различные взгляды на этот счет, а потому некоторые из них близки демократическому элитизму, а другие – партисипаторным демократам. Это позволяет, на наш взгляд, выделить в совещательной демократии две основные формы: одна предполагает обсуждение в специально сформированных небольших группах (и коррелирует с представительной демократией, защищаемой элитистскими концепциями демократии), а другая направлена на всенародное обсуждение социально значимых проблем (и коррелирует с прямой демократией, отстаиваемой партисипаторными демократами).

Выводы

Совещательная демократия появилась как реакция на господствовавшие ранее концепции демократического элитизма и демократии участия и преподносится ее сторонниками как золотая середина между крайностями: с одной стороны – правления невежественной и необузданной толпы, с другой стороны – правления элит, достаточно компетентных, но не заинтересованных в благе людей, в справедливости и тому подобных идеалах. При этом ключевым элементом, позволяющим избежать этих крайностей, называется делиберация (дискурс). Различные способы обоснования ценности делиберативных практик, встречающиеся в западной научной литературе, можно условно разделить на (1) отстаивающие эпистемологическую ценность дискурса и на (2) отстаивающие иные инструментальные достоинства дискурса. Одновременно сложно назвать авторов, которые бы рассматривали дискурс как ценность саму по себе, вне зависимости от результата, к которому он приводит. Так или иначе, оба названных способа обоснования столкнулись с критикой троякого рода. Во-первых, утверждается, что делиберация не является необходимым и единственным способом достижения нормативно значимого результата. Во-вторых, указывается, что сама по себе она и не приводит к нормативно значимому результату, а ключевыми оказываются иные факторы, ей сопутствующие. В-третьих, доказывалось, что на практике даже грамотно выстроенная делиберация может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым, то есть будет иметь негативный обратный эффект. Все три рода критики носят скорее практический, чем теоретический характер. В конечном счете «совещательный поворот» в западной демократической теории не привел к дискредитации элитистских и партисипаторных подходов к осмыслению демократии, а лишь дополнил их нормативными соображениями, согласными которым имеет значение не только количество, но и качество индивидуальных предпочтений и политического участия («входных данных»), а также не только индивидуальная, но и социальная перспектива. Но дальнейшее обоснование тех или иных делиберативных моделей, как представляется, должно строиться не столько на теоретических рассуждениях, сколько на опытных данных, выявляющих факторы, при которых делиберация воплотит свой лучший потенциал.

Список литературы / References

- Бессетт, Дж. М. (2011) *Тихий голос разума: делиберативная демократия и американская система государственной власти*. Москва: РОССПЭН. 335 с. [Bessette, J. M. (2011) *The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and the American National Government* [Tikhii golos razuma: deliberativnaya demokratiya i amerikanskaya sistema gosudarstvennoi vlasti]. Moscow: ROSSPEN. 335 p. (In Russ.)].
- Аткинсон, Р. Л., Аткинсон, Р. С., Смит, Э. Е., Бем, Д. Дж., Нолен-Хоэксем, С. (2007) *Введение в психологию: учеб. для студентов ун-тов* (ред.) В. П. Зинченко, А. И. Назарова, Н. Ю. Спомииор СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 816 с. [Atkinson, R. L., Atkinson, R. S., Smith, E. E., Bem, D. J., Nolen-Hoeksema, S. (2007) *Hilgard's introduction to psychology: history, theory, research and applications* [Vvedenie v psikhologiyu: ucheb. dlya studentov un-tov] (eds) V. P. Zinchenko, A. I. Nazarova, N. Yu. Spomior. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 816 p. (In Russ.)].
- Дьюи, Дж. (2000) *Демократия и образование*. М.: Педагогика-пресс. 382 с. [Dewey, J. (2000) *Democracy and education* [Demokratiya i obrazovanie]. M.: Pedagogika-press. – 382 p. (In Russ.)].

- Дьюи, Дж. (2002) *Общество и его проблемы*. М.: Идея-Пресс. 159 с. [Dewey, J. (2002) *The public and its problems* [Obshchestvo i ego problemy]. М.: Ideya - Press. 159 p. (In Russ.)].
- Зайцев, А. В. (2013) 'Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики', *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 15 (158), сс. 147–153. [Zaitsev, A. V. (2013) 'Deliberative democracy, dialogue and their place in the constellation of public policy discourse' [Deliberativnaya demokratiya, dialog i ikh mesto v konstellyatsii diskursa publichnoi politiki], *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science*, 15 (158), pp. 147–153. (In Russ.)].
- Линде, А. Н. (2015) 'Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (39), сс. 52–58. [Linde, A. N. (2015) 'Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: an analysis of the main approaches' [Deliberativnaya demokratiya kak napravlenie v sovremennoi teorii demokratii: analiz osnovnykh podkhodov], *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 1 (39), pp. 52–58. (In Russ.)].
- Посконин, В. В., Посконина, О. В. (2007) 'Значимость понятия «Дискурс» в модели делиберативной демократии', *Вестник Удмуртского университета. Серия «Правоведение»*, 2, сс. 47–56. [Poskonin, V. V., Poskonina, O. V. (2007) 'The significance of the concept of "discourse" in the model of deliberative democracy' [Znachimost' ponyatiya «Diskurs» v modeli deliberativnoi demokratii], *Bulletin of the Udmurt University. The series "Jurisprudence"*, 2, pp. 47–56. (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2008) *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука. 417 с. [Habermas, J. (2008) *The Inclusion of the Other* [Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii] St. Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2006) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука. 379 с. [Habermas, J. (2006) *Moral consciousness and communicative action*. [Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie]. St. Petersburg: Nauka, 379 p. (In Russ.)].
- Хлопов, О. А. (2013) 'Делиберативная демократия Джозефа Бессетта', *Политическая наука*, 1, сс. 269–279. [Khlopov, O. A. (2013) 'The deliberative democracy of Joseph Bessette' [Deliberativnaya demokratiya Dzhozefa Bessetta], *Political Science*, 1, pp. 269–279. (In Russ.)].
- Шумпетер, Й. А. (2008) *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо. 864 с. [Schumpeter, J. A. (2008) *Capitalism, socialism and democracy* [Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya]. Moscow: Eksmo. 864 p. (In Russ.)].
- Bächtiger, A., Dryzek, J. S. (2024) *Deliberative Democracy for Diabolical Times: Confronting Populism, Extremism, Denial, and Authoritarianism*. Cambridge University Press. 253 p.
- Bell, D. A. (1999) 'Democratic deliberation: the problem of implementation. Deliberative politics'. In Macedo St. (eds.) *Essays on Democracy and Disagreement*. New York, Oxford: Oxford University Press. 304 p.
- Benhabib, S. (1996) 'Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy'. In Benhabib S. (eds.) *Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political*. Princeton: Princeton University Press. 373 p.
- Benson, J. (2023) 'Is fake news a threat to deliberative democracy? Partisanship, inattentiveness, and deliberative capacities', *Social Theory and Practice*, pp. 1–24.
- Brennan, J. (2016) *Against democracy*. Princeton&Oxford: Princeton University Press. 304 p.
- Cohen, J. (1989) 'Deliberation and Democratic Legitimacy'. In A. Hamlin and Ph. Pettit (eds.) *The Good Polity. Normative analysis of the state*. New York: Basil Blackwell. 256 p.
- Deliberative Democracy* (1998) Ed. by Elster J. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Dryzek, J. (2000) *Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press. 195 p.
- Dryzek, J. S. (1990) *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 254 p.
- Dryzek, J. S., Bächtiger, A., Chambers, S., Cohen, J., Druckman, J. N., Felicetti, A., Fish-

- kin, J. S., Farrell, D. M., Fung, A., Gutmann, A., Landemore, H., Mansbridge, J., Marien, S., Neblo, M. A., Niemeyer, S., Setälä, M., Slothuus, R., Suiter, J., Thompson, D., Warren, M. E. (2019) 'The crisis of democracy and the science of deliberation', *Science*, 363 (6432), pp. 1144–1146. DOI: 10.1126/science.aaw2694.
- Elster, J. (1997) 'The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory'. In James Bohman and William Rehg (eds.) *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. Cambridge, London: MIT Press. 447 p.
- Estlund, D. (2008) *Democratic Authority*. Princeton: Princeton University Press. 309 p.
- Fearon, J.D. (1998) 'Deliberation as discussion'. In Elster J. (eds.) *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 44–68.
- Fishkin, J.S. (2009) *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford, New York: Oxford University Press. 256 p.
- Gambetta, D. (1998) «'Claro!»: an essay on discursive machismo», in Elster J. (eds.). *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 19–43.
- Goodin, R.E. (2003) *Reflective Democracy*. New York: Oxford University Press. 279 p.
- Gutmann, A., Thompson, D. (1996) *Democracy and disagreement*. Cambridge, London: Belknap Press of Harvard University Press. 422 p.
- Gutmann, A., Thompson, D. (2004) *Why deliberative democracy?* Princeton & Oxford: Princeton University Press. 232 p.
- Habermas, J. (1992) *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 666 p.
- Landemore, H. (2017) 'Deliberative Democracy as Open, Not (Just) Representative Democracy', *Dædalus*, 146 (3), pp. 51–63.
- Manin, B. (1987) 'On Legitimacy and Political Deliberation', *Political Theory*, 15 (3), pp. 338–368.
- Mäntysalo, R., Mattila, H., Hirvola, A. (2023) 'Institutional Gaps in Agonistic and Communicative Planning Theories. Critical Implications of the 'Systemic Turn' in Deliberative Democracy Theory', *Raumforschung und Raumordnung | Spatial Research and Planning*, 81 (5), pp. 437–448.
- Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969) 'The group as a polarizer of attitudes', *Journal of Personality and Social Psychology*, 12 (2). pp. 125–135.
- Mouffe, Ch. (1999) 'Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism?', *Social Research*, 66 (3), pp. 745–758.
- Mutz, D. (2006) *Hearing the other side. Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 184 p.
- Nickerson, R. S. (1998) 'Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises', *Review of General Psychology*, 2 (2), pp. 175–220.
- Pedro, P. (2010) 'Note, Making Ballot Initiatives Work: Some Assembly Required', *Harvard Law Review*, 123 (4), pp. 959–980.
- Przeworski, A. (1998) 'Deliberation and Ideological Domination'. In Elster J. (eds.). *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 140–160.
- Rawls, J. (1993) *Political liberalism*. New York: Columbia University Press. 401 p.
- Ross, C. (2013) *The Leaderless Revolution: How Ordinary People Will Take Power and Change Politics in the 21st Century*. New York: Penguin Publishing Group. 272 p.
- Ross, L., Nisbett, R. E. (1980) *Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgement*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 334 p.
- Sokalska, E. (2023) 'Searching for a new formula of a state: international discourse on deliberative democracy', *Acta Iuridica Resoviensia*, 40 (122), pp. 124–138.
- Scudder, M. F. (2021) 'Deliberative Democracy, More than Deliberation', *Political Studies*, 71 (1), pp. 238–255.
- Shapiro, I. (1999) 'Enough of deliberation: politics is about interests and powers', in: Macedo St. (eds.). *Deliberative politics. Essays on Democracy and Disagreement*. New York, Oxford: Oxford University Press. pp. 28–38.
- Steenbergen, M. R., Bächtiger, A., Spörndli, M., Steiner, J. (2003) 'Measuring Political Deliberation. A Discourse Quality Index', *Comparative European Politics*, 1, pp. 21–48.
- Sunstein, C. R. (1997) 'Deliberation, democracy and disagreement'. In Bontekoe R. and Stepanians M. (eds). *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives*. Honolulu: University of Hawaii Press, pp. 93–118.
- Sunstein, C. R. (2003) 'The law of group polarization'. In Fishkin J. S. and Laslett P. (eds.). *Debating Deliberative Democracy*. Oxford: Wiley. pp. 80–101.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

JUSTIFYING THE VALUE OF PUBLIC DISCOURSE IN THEORIES OF DELIBERATIVE DEMOCRACY: MAIN STRATEGIES AND THEIR CRITIQUE

N. Shaveko

Nikolai Shaveko, PhD in law, Institute of Philosophy and Law,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

E-mail: shavekonikolai@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5481-7425. ResearcherID: K-4637-2018).

Abstract: The article considers the most common ways in which supporters of the deliberative model of democracy justify the key element of this model – deliberation (public discourse) – as well as the most common ways in which these justifications are criticized. The author proposes a new classification of the existing arguments "for" and "against" deliberative democracy, clarifying the nature of the theoretical debates in Western political science in recent decades and presenting the normative attractiveness of the model under consideration. The article presents two types of mainly instrumental justification (epistemic and non-epistemic). Furthermore, the author distinguishes three main lines of criticism, within the framework of which the justification of deliberation is disputed in the modern Western scientific literature. All of these criticisms are more practical than theoretical. The author concludes that the "deliberative turn" in Western democratic theory has not discredited elitist and participatory approaches to understanding democracy, but has merely supplemented them with normative considerations, according to which not only the quantity but also the quality of individual preferences and political participation ("input data") are important, as well as not only an individual but also a social perspective.

Keywords: deliberation; democracy; discourse; group polarization; groupthink; communication; rational ignorance; citizenship.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-32+94(47)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-26-35

ПРАКТИКИ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ (НАЧАЛО И КОНЕЦ XX ВЕКА)

И. К. Кирьянов

Кирьянов Игорь Константинович, доктор исторических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований
УрО РАН,
профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: ikiryaynov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AАН-5458-2020).

Аннотация

Предметом настоящего исследования стали практики обращения к прошлому в парламентских дебатах первых сессий Государственной Думы позднеимперской России (1906) и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1994), а также первых съездов народных депутатов СССР (1989) и РСФСР (1990). Данные случаи отвечают двум критериям: во-первых, указанные представительные учреждения являлись принципиально новыми институтами в менявшихся политических системах; во-вторых, принципы формирования их состава обеспечивали конкуренцию в процессе дискуссий символических дискурсов. Кросс-темпоральное исследование позволило выделить универсальный, по крайней мере для российского опыта, набор приемов инструментального использования в парламентских дискуссиях знаний / представлений о прошлом при решении современных проблем, включающий аргумент к прошлому как довод в дискуссии; интерпретацию / оценку прошлого как маркер групповой идентичности; призыв к забвению / забыванию / прощению прошлого; артикуляцию исторической обиды / травмы; критику исторической политики правительства; дискредитацию политического оппонента – указание на незнание истории / фальсификацию истории.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; СССР; РСФСР; Российская Федерация; парламентские дебаты; политическое использование истории.

В периоды радикальных социальных перемен и смены режимов резко возрастает конкуренция интерпретаций прошлого противоборствующими политическими силами. Это связано со стремлением властвующей элиты нового режима заместить символическую программу старого режима, предложив собственную «символическую матрицу» и развивая символический дискурс относительно нового понимания «настоящего, прошлого и потенциального будущего» (Gill, 2013: 2). Одной из системных площадок нового режима, где могут соперничать политически ангажированные интерпретации прошлого, выступает институт парламента, состав которого полностью или частично формируется на основе конкурентных выборов.

Тема политического использования прошлого при изучении сюжетов парламентской истории позднеимперской и постсоветской России (программы парламентских партий, избирательные кампании, парламентские дебаты) в последнее время активно разрабатывается политологами, лингвистами и историками (Жичкин, 2022; Малинова, Карпова, 2023; Мелешкина, Фомин, 2022; Мелешкина, Толпыгина, 2023; Громько, 2017; Каверзина, 2019; Кирьянов, 2022; Тимшина, 2021). Анализ практики обращения к прошлому думцами позднеимперской России позволил сформулировать гипотезу об универсальном наборе приемов инструментального использования исторических знаний в парламентских дискуссиях при решении современных проблем, для проверки которой потребовалось провести кросс-темпоральное сравнительное исследование.

В качестве кейсов для подобного исследования определены парламентские дебаты в Государственной Думе Российской империи первого созыва (1906 г., в дальнейшем – ГД РИ), на I Съезде народных депутатов СССР (1989 г., в дальнейшем – СНД СССР), I Съезде народных депутатов РСФСР (1990 г., в дальнейшем – СНД РСФСР) и первой сессии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва (1994 г., в дальнейшем – ГД ФС РФ). Данные случаи отвечают двум критериям: во-первых, указанные представительные учреждения являлись принципиально новыми институтами в менявшихся политических системах; во-вторых, принципы формирования их состава обеспечивали конкуренцию в процессе дискуссий, по крайней мере символических дискуссий.

Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики в интерпретации О. Ю. Малиновой, в соответствии с которой политическое использование прошлого, политика памяти и историческая политика могут рассматриваться как «проявления *символической политики*, то есть публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве». При этом политика имеет дело с актуализированным прошлым, которое конструируется посредством отбора «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик». Использование исторического знания, точнее, социальных представлений о прошлом для политических акторов носит инструментальный характер, которые стремятся тем самым «легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и проч.» (Малинова, 2018: 32-33). Для проведенного исследования принципиальным был теоретический посыл о различии между *прошлым* как совокупности процессов и событий, происшедших в социальной реальности до наступления современности / настоящего, и *историей* как современной и чаще всего политизированной интерпретацией прошлого.

Контент-анализ стенограмм парламентских заседаний позволил выявить 286 случаев использования категории «история» (история, историк, исторический / ая / ое) в 38 думских заседаниях первого созыва ГД РИ (средняя частота за одно заседание – 7,53); 192 случая – в 13 заседаниях СНД СССР (средняя частота – 14,77); 215 случаев – в 51 заседании СНД РСФСР (средняя частота – 4,22) и 389 случаев – в 50 заседаниях самой первой сессии ГД ФС РФ (средняя частота – 7,78). Всплески использования данной категории зафиксированы при обсуждении думцами начала XX в. ответного адреса императору (трехдневное заседание № 4 – 27 случаев) и заявления сорока двух по аграрному вопросу (заседания №№ 12 и 16 – по 19 случаев); в прениях депутатов союзного съезда по вопросу об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР (заседания №№ 7, 8 и 9 – соответственно 26, 34 и 32 случая); в прениях депутатов республиканского съезда по докладу правительства о социально-экономическом положении РСФСР (заседания №№ 7 и 8 – 19 и 13 случаев) и по вопросу о государственном суверенитете РСФСР (заседания №№ 12, 13 и 14 – соответственно 13, 13 и 15 случаев); при обсуждении думцами первого постсоветского набора амнистии и «Меморандума о согласии» (заседание № 15 – 23 случая), Послания Президента РФ Федеральному Собранию (заседание № 17 – 24 случая) и проекта постановления о кризисном положении в российской науке (заседание № 19 – 26 случаев, из них 15 случаев относились к выступлению депутата от фракции «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС), доктора исторических наук В. А. Никонова, критиковавшего политику министерства образования и выразившего глубокую обеспокоенность по вопросу о перспективах преподавания отечественной истории в старших классах средней школы).

На значение сюжетов из прошлого в парламентских дискуссиях обращали внимание сами депутаты, и первым это сделал 24 мая 1906 г. перводумец от Люблинской губернии Я.-С. С. Стецкий, полагавший, что при обсуждении того, «какими средствами, какими способами, какими узаконениями» можно реализовать те или иные стремления и пожелания депутатов, «прениям не обойтись без громадной массы фактических данных, без юридических и исторических доводов, без цифровых ссылок, без детальных исследований»¹.

В ходе заседаний первого созыва ГД РИ прозвучали и указания на особый подход историков к рассмотрению предмета парламентских дискуссий. Сначала профессор Н. И. Кареев 2 мая 1906 г. при обсуждении вопроса об ответном адресе императору подчеркнул, что ему, «как историку, в данный момент приходит особенно на память 1789 г. во Франции»², а 2 июня в выступлении другого профес-

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906. Ч. I. С. 609.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый... Ч. I. С. 155.

сора из кадетской фракции Е. Н. Щепкина прозвучало выражение: «Как историк, я должен сказать, что политические деятели должны избегать, главным образом, двух ошибок: они никогда ни из чего не должны делать запретного плода и не доводить никого и никогда до отчаяния»¹.

При обсуждении запроса о белостокском погроме 23 июня Е. Н. Щепкин раскрыл существо профессионального подхода историка: «белостокский погром есть историческое событие, и, как специалист-историк, я и расследовал его преимущественно приемами исторической критики. Между приемами историка и следователя есть много общего. Историк точно так же, как и следователь, взвешивает свидетельские показания, оценивает личность каждого свидетеля, насколько он может быть беспристрастен, насколько он может быть осведомлен. В этом отношении за тот материал, который я представляю Государственной Думе, и за то освещение его, которое я дам, я отвечаю не только как общественный деятель, но отвечаю и как ученый историк. <...> Возьмите вы событие, давно отошедшее в прошлое, о котором сохранилось громадное количество воспоминаний участников, – возьмите пожар 1812 г. в Москве – спросите историка, отчего сгорела Москва? И до сих пор историки не дадут вам одного и того же ответа – один скажет, что Москву сжег гр. Растопчин, другой скажет, что Москву сожгли москвичи патриоты, третьи скажут, что этот пожар является просто естественным стихийным результатом тех условий, при которых очищали жители город, при которых французы занимали его. То же самое я должен сказать относительно белостокского погрома – мы никогда не выясним некоторых частных. <...> Но если мы не можем выяснить некоторых частных, то это не значит, чтобы мы не могли осмыслить всего исторического события, чтобы мы не могли дать точного отчета относительно степени виновности отдельных лиц, стоящих во главе управления»².

В трех случаях конца XX в. свой статус исследователя прошлого и присущий таковому особый взгляд на события настоящего («как историк я вижу / наблюдаю / знаю / должен сказать / не могу согласиться и т. п.») посчитали необходимым подчеркнуть не только депутаты, имевшие на то формальные основания, – доктора исторических наук В. П. Лукин (ГД ФС РФ) и Е. М. Кожокин, кандидаты исторических наук Г. В. Старовойтова и Ф. В. Шелов-Коведяев (СНД РСФСР), но и выпускник философского факультета, кандидат педагогических наук, издавший в США исследование по истории сталинизма и политическую биографию Н. С. Хрущева, Р. А. Медведев (СНД СССР), а также связавшие свою литературную деятельность с сюжетами о прошлом – титулованный тяжелоатлет Ю. П. Власов⁴ и народный поэт Карачаево-Черкесии А. А. Акбаев.

К числу депутатов, которые могли бы вполне профессионально заниматься историческими интерпретациями, в первом созыве ГД РИ следует отнести 14 выпускников исторических отделений историко-филологических факультетов императорских университетов, а также юристов М. М. Ковалевского, профессора государственного права, тонкого знатока истории государства и права, и Н. Н. Беляшевского, прослушавшего курс лекций по истории в Киевском университете и занимавшегося археологией. Из 511 депутатов, участвовавших в думских заседаниях данного созыва, доля указанной когорты составляла 3,1 %. Доля когорты депутатов СНД СССР, получивших профессиональное историческое образование и / или обладавших учеными степенями по историческим специальностям, составляла 0,8 % (19 из 2250), среди депутатов СНД РСФСР – 2,8 % (30 из 1068), среди депутатов ГД ФС РФ – 7,6 % (34 из 450).

Именно депутаты из данных когорт апеллировали к наиболее ранним событиям прошлого. Так, М. М. Ковалевский упомянул при обсуждении думского законопроекта об отмене смертной казни законы Хаммурапи (1750-е гг. до н. э.), а выпускник исторического факультета Горьковского университета С. В. Воронов уже в первом заседании ГД ФС РФ вспомнил «жреческие группы» в Сенате Древнего Рима, вероятнее всего, царского периода (753–509 гг. до н. э.) (табл. 1).

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый... Ч. II. С. 1460.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый... Ч. II. С. 1623, 1624, 1629.

³ Р. А. Медведев в двух выступлениях на заседаниях съезда четырежды указывал на свой статус историка, дважды так его определяли другие депутаты. Для сравнения: ректор историко-архивного института, доктор исторических наук Ю. Н. Афанасьев четырежды характеризовался депутатами историком, но ни разу в двух своих выступлениях так себя не позиционировал.

⁴ Так, 13 января 1994 г. он заявил: «По существу, я всю свою жизнь занимался историей – историей нашей страны»; тогда же при обсуждении его кандидатуры в думские председатели М. Н. Снежков обратился к нему: «учитывая Ваш опыт и как спортсмена, и как историка»). См.: Государственная Дума. Стенограмма заседания 13 января 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259> (дата обращения: 25.04.2024).

Глубина актуализированного прошлого

Область ретроспекции	Событие / период			
	1906 г.	1989 г.	1990 г.	1994 г.
Всеобщая история	Законы Хаммурапи (1750-е гг. до н. э.)	Великая французская революция (1789–1794/1799)	Времена Аристотеля (IV в. до н. э.)	Сенат Древнего Рима царского периода (753–509 гг. до н. э.)
История России	«Татарское нашествие» (1237–1242)	Крещение Руси (988)	Битва на Чудском озере (1242)	Новгородское вече (1136?)
Актуальные периоды прошлого	Эпоха Великих реформ Александра II	Советский период	Советский период	Советский период

В трех случаях конца XX в. обозначилась эволюция представления о глубине «нашей истории». Так, в 1989 году депутатами союзного съезда были артикулированы два подхода по этому поводу. С одной стороны, председатель колхоза «Советская Белоруссия» В. Л. Бедуля заявил о том, что благодаря торжествам по случаю 1000-летия крещения Руси «наши люди, как и люди всей планеты, смогли по-другому посмотреть на нашу историю и культуру»¹ (вряд ли в высказывании белоруса Бедуля подразумевалась история России, а как учили в советских школах – история СССР), с другой стороны, председатель Всесоюзного совета ветеранов войны и труда К. Т. Мазуров озвучил формулу о «семидесятилетней истории нашей страны»². Но уже в 1990 году никто из депутатов республиканского съезда в ходе обсуждения вопроса о государственном суверенитете РСФСР не стал опровергать тезис о тысячелетней истории России, озвученный председателем Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР М. М. Магомедовым³.

В ГД ФС РФ лидер КПРФ Г. В. Зюганов в выступлении по поводу «Меморандума о согласии» указал на «разрушение коллективистской системы нашего бытия, имеющей не 75-летнюю, а тысячелетнюю историю, и традиционных религий, которые исповедовались в нашем государстве»⁴, а 21 апреля он фактически артикулировал тезис о континуитете российской истории: «Для того чтобы решить нынешние проблемы и подойти к согласию, мы в наследство с собой должны взять все, что создано и отработано нашими предками: Иваном Калитой, который собирал русские земли; Петром Великим, который прекрасно понимал, что без выхода к теплым морям геополитической России не существует; Владимиром Ульяновым (Лениным), который понимал всю сущность справедливости, интересы трудящихся; Георгием Жуковым, который отстаивал независимость нашей страны. Лишь когда воссоединится все это, воцарится мир и будет спасена страна»⁵.

Учитывая появление в первом Послании Президента РФ Федеральному Собранию (24 февраля 1994 г.) фразы о «тысячелетней истории России», можно говорить о достижении консенсуса между основными мнемоническими акторами в отношении исходной точки нового исторического метанарратива. Другое дело, что в тот момент властвующая элита не готова была к признанию равновеличия всех исторических периодов, полагая возможным гордиться только «за древнюю историю» страны⁶, что не могло не вызвать соответствующей реакции от думской оппозиции: член фракции ЛДПР В. К. Гусев выразил удивление по поводу того, почему следует гордиться «только за древнюю историю нашей любимой России»⁷.

¹ Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 1. С. 60.

² Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 2. С. 183.

³ Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. Стенографический отчет. М., 1992. Т. 1. С. 385.

⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседания 23 февраля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3233> (дата обращения: 25.04.2024).

⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседания 21 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3209> (дата обращения: 25.04.2024).

⁶ См.: Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 1994. С. 6, 78.

⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседания 11 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3229> (дата обращения: 25.04.2024).

Впрочем, чаще всего глубина актуализированного прошлого ограничивалась относительно недавним периодом отечественной истории: эпохой Великих реформ – для думских дебатов в 1906 г. и советской эпохой – для парламентских прений в трех других случаях. Это подтверждает и состав исторических персон – лидеров по упоминаниям: Александр II – в начале XX века и В. И. Ленин – в конце XX века (табл. 2).

Таблица 2

Актуализированные персоны из прошлого – лидеры по количеству упоминаний

1906 г.	1989 г.	1990 г.	1994 г.
Александр II (11) Екатерина II (9) Елизавета Петровна (6) [Монтескье (5)]	В. И. Ленин (70) И. В. Сталин (26) В. М. Молотов (10) ¹ Л. И. Брежнев (8)	В. И. Ленин (18) И. В. Сталин (10) Л. И. Брежнев (5) К. Маркс (5)	В. И. Ленин (15) Наполеон Бонапарт (7) И. В. Сталин (3)

В 1906 году первоходумы, в большинстве своем оппозиционно настроенные, не углублялись в споры на исторические темы и относительно единодушно ссылались на время императора-реформатора в качестве позитивного примера для современной им правительственной власти – время битв на полях истории в ГД РИ придет в последующие созывы, в которых депутатский корпус будет куда более разномастным политически.

В 1989 году члены Межрегиональной депутатской группы оценивали советское прошлое как негативный опыт развития (достаточно вспомнить знаменитое определение Ю. Н. Афанасьева в отношении сформированного на съезде Верховного Совета СССР – «сталинско-брежневский»²), а депутаты-коммунисты защищали свою «историческую правду». Так, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии А. М. Масалиев, ритуально отметив то, что «происходящие демократические процессы – это важные завоевания перестройки», заявил: «Как свидетельствуют факты, кое-где дело доходит до кощунственных посягательств на святые для нас ценности. Звучат призывы “от Октября вернуться к февралю”. Брошена тень даже на Ленина»³. Констатация депутатом от Камчатской области В. Н. Киселевым того, что «мы все в условиях гласности и демократии говорим, что не можем установить истину в истории нашего государства»⁴, свидетельствовала о кризисе исторического сознания тогдашнего общества. Если воспользоваться подходом М. Бернхарда и Я. Кубика (Bernhard, Kubik, 2014: 4), можно отметить, что данная ситуация была связана с переходом от единого (unified) режима памяти, целенаправленно сформированного в советскую пору, к расколотому (fractured), в пространстве которого активизировались столкновения образов прошлого, конструируемых различными мнемоническими борцами (mnemonic warriors). Критическое отношение по отношению к советскому периоду на съезде и в последующих случаях подпитывалось артикуляцией исторических обид представителями репрессированных или потерявших автономию народов в годы Великой Отечественной войны.

На республиканском съезде в 1990 г. о значимости исторических интерпретаций для противостоящих сил свидетельствовал вопрос, заданный Б. Н. Ельцину в процессе обсуждения кандидатур на пост председателя Верховного Совета РСФСР: «Скажите о Вашем отношении к истории страны, к тому, что сейчас многие стараются вытереть ноги о нашу историю», на который тот ответил весьма путано: «Я думаю, что определенное увлечение здесь есть и, наверное, баланс здесь надо изменить с учетом обстановки в нашей стране. Сейчас, в конце концов, надо больше заниматься сегодняшними делами, которые решают вообще судьбу человека, коллектива, республики, России и страны в целом. Вот на это надо обратить внимание. А когда говорят: давайте памятник Свердлову скинем, других... Наверное, все-таки это надо делать осторожно, аккуратно, с доскональным изучением вопросов нужно подходить к их решению, а не действовать лозунгом»⁵. А мнению коммуниста, председателя Калининградского областного Совета народных депутатов Ю. Н. Семенова о том, что «надо остановиться в очернении без разбора всего нашего прошлого, имени Ленина, в неумной жажде ломки, а лучше – на путях консолидации всех здоровых сил общества заняться решением насущных

¹ В семи случаях данная персона упоминается в формуле «пакт Молотова – Риббентропа».

² Первый съезд народных депутатов СССР... Т. 1. С. 223.

³ Первый съезд народных депутатов СССР... Т. 1. С. 87.

⁴ Первый съезд народных депутатов СССР... Т. 1. С. 394.

⁵ Первый съезд народных депутатов РСФСР... Т. 2. С. 388.

проблем нашей жизни»¹, лидер Российского христианского демократического движения В. В. Аксютин противопоставил позицию, согласно которой будущее «для нас закрыто без ответственной и полной оценки прошлого. Перед всеми нами стоит роковой вопрос: почему богатейшая страна, почему великий народ с тысячелетней культурой в результате 70 лет оказались на задворках цивилизации?»².

В выступлениях депутатов от КПРФ в ходе самой первой сессии современной Государственной Думы то, что ранее называлось «нашей семидесятилетней историей», определялось уже как советский период в отечественной истории, «очернение» которого, по сути, равнозначно глумлению над другими периодами в истории России. В частности, на это указывали два тезиса в совместном обращении к членам Государственной Думы «фракций коммунистов и аграрников» по случаю 124-летия со дня рождения В. И. Ленина: во-первых, «Мы считаем, что деятельность Ленина и его творческое наследие могут и должны быть объектом критики, но не шельмования. Ленин – фигура планетарного масштаба и в то же время наша национальная гордость. Его личность и творчество – бесценное достояние нашей культуры, так же как Пушкин, Толстой, Чайковский»; во-вторых, «<...> мы призываем вас всех, независимо от ваших политических и идеологических взглядов, встать на защиту историко-культурных ценностей страны <...> Пройдут годы, страна обретет наконец спокойствие, и народ ужаснется содеянному. Так примите же закон, охраняющий памятники истории и культуры нашего великого народа, особенно такие уникальные, всемирно известные, как Центральный музей Ленина, мемориальный комплекс в Горках, музей-квартира в Кремле, Мавзолей». Попутно А. В. Апарина, огласившая данное обращение, в качестве инициатора «антиленинской истерии» указала на бывшего начальника Института военной истории Министерства обороны СССР, генерал-полковника, доктора философских и исторических наук Д. А. Волкогонова, кстати, снятого с должности в 1991 г. именно за «очернение советской истории», которого в думских заседаниях обвинят еще и в «фальсификации истории»⁴.

Обновленные исторические позиции коммунистов поддержали, возможно, на фоне переживаний по поводу политических последствий октября 1993 г., и представители других фракций, в том числе проправительственных. Например, министр труда РФ Г. Г. Меликьян (ПРЕС): «Я откровенно вам скажу, я никогда не ругаю историю. Я считаю, то, что у нас было, – это наша история. Плохая она или хорошая, но это наша история. А историю ругать вообще бесполезно»⁵, и бывший министр природопользования и охраны окружающей среды СССР Н. Н. Воронцов («Выбор России»): «Давайте уважать свою историю, а то у нас был “Николай Кровавый”, потом у нас “тиран Сталин”, потом у нас “волонтерист Хрущев”, потом мы снимаем доски Андропова и Брежнева, которые у меня не вызывают восторга»⁶.

В рамках этой же думской сессии вслед за тезисом о «тысячелетней истории России» получил оформление еще один базовый концепт современного официального метанарратива. В связи с тем, что на торжествах по случаю 50-летия высадки войск союзников в Нормандии, на которые Россия официального приглашения не получила, президент США Б. Клинтон назвал это событие «поворотным пунктом» в войне, фракция КПРФ выступила с заявлением, в котором критиковалась «линия на умаление исторической роли советского солдата, освободителя Европы от фашистского ига», подчеркивалось то, что вслед за «переписыванием истории» может последовать «кампания по пересмотру итогов Второй мировой войны», указывалось на то, что «отношение к этим страницам истории нашей Родины станет, на наш взгляд, своего рода проверкой на зрелость, государственную мудрость для всех политиков, государственных деятелей, политических партий и общественных движений, всех общественных организаций России»⁷.

Выявленные в ходе исследования приемы инструментального использования прошлого и интенсивность их применения в сравнительном ключе представлены в табл. 3.

¹ Первый съезд народных депутатов РСФСР... Т. 1. С. 439.

² Первый съезд народных депутатов РСФСР... Т. 2. С. 426.

³ Государственная Дума. Стенограмма заседания 22 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3207> (дата обращения: 25.04.2024).

⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседания 26 мая 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3191> (дата обращения: 25.04.2024).

⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседания 22 июня 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3179> (дата обращения: 25.04.2024).

⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседания 8 июля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3171> (дата обращения: 25.04.2024).

⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседания 8 июня 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3187> (дата обращения: 25.04.2024).

Приемы инструментального использования прошлого

Прием	Интенсивность применения			
	1906 г.	1989 г.	1990 г.	1994 г.
Аргумент из прошлого как довод в дискуссии: «историческая справка» / «исторический опыт» / «исторический пример»	+++	+++	+++	+++
Интерпретация / оценка прошлого: прошлое как пример или негативный опыт	++	+++	++	++
Призыв к забвению / забыванию / прощению прошлого	++	–	+	+
Артикуляция исторической обиды / травмы	+	+++	+++	++
Критика исторической политики правительства	+	+	+	++
Дискредитация оппонентов: указание на незнание истории / фальсификацию истории	+	+	+	+

Примечание: «+» – 1–2 случая; «++» – от 3 до 10 случаев; «+++» – более 10 случаев.

Наиболее востребованным приемом инструментального использования исторического знания во всех рассматриваемых случаях оказался аргумент из прошлого как довод в парламентской дискуссии, как иллюстрация к высказанному мнению, и это не является характеристикой только российской традиции. Так, на заметное усиление политической окраски апелляции к прошлому в британской парламентской традиции со второй половины XVIII в. обращает внимание М. П. Айзенштат, подчеркивая, что «факты или события истории Британии, реже других стран, занимали особое место в полемике парламентариев. В системе доводов ораторов, отстаивавших собственную позицию по любому вопросу, ссылка на такие факты либо события носила характер неоспоримого, окончательного аргумента. Что говорило об усилении роли истории как учителя, указывающего “верный путь”» (Айзенштат, 2013: 293).

К наиболее ярким историческим аналогиям в анализируемом парламентском дискурсе можно отнести отождествление действий правительственных властей в 1905 г. с «татарским нашествием»¹ (И. Л. Шраг); сравнение М. С. Горбачева «не с Лениным и Сталиным, а с великим Наполеоном, который, не боясь ни пуль, ни смерти, вел народ к победам. Но благодаря подпевалам и жене пришел от республики к империи»² (Л. И. Сухов); восприятие ситуации с решением Б. Н. Ельцина отказаться от создания Президиума Верховного Совета РСФСР напоминающей «период французской Директории накануне прихода к власти Наполеона Бонапарта»³ (И. В. Галушко); признание дебатировавшегося осуждения Беловежских соглашений, приведших к распаду Советского Союза, однотипным осуждению «распада Киевской Руси»⁴ (А. Е. Шабад).

Если данный прием характерен для конкуренции прежде всего риторической, то другие выделенные приемы – инструменты из арсенала конкуренции собственно политической. Определенная интерпретация событий и персон прошлого зависима от идейных позиций отдельных парламентариев и депутатских объединений. Острота артикуляции исторической обиды и резкость критики исторической политики выступают индикаторами оппозиционности по отношению к правительству. Призывы к забвению / забыванию / прощению прошлого демонстрируют приемлемость для парламентской оппозиции компромисса с исполнительной властью, правда, этот «романтический» инструмент используется, как правило, в самых первых легислатурах или на начальной стадии фундаментального внешнего вызова для системы (так, в позднеимперской России первоумцы достаточно часто прибегали к таким призывам, тогда как в последующих созывах этого не наблюдалось вплоть до начала Первой мировой войны). Дискредитация оппонентов посредством указания на незнание истории, тем более

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый... Ч. I. С. 231.

² Первый съезд народных депутатов СССР... Т. 1. С. 71.

³ Первый съезд народных депутатов РСФСР... Т. 2. С. 465.

⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседания 8 июля 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3171> (дата обращения: 25.04.2024).

обвинения в ее фальсификации свидетельствуют о высоком уровне политического противостояния между членами народного представительства.

Проведенное кросс-темпоральное исследование позволяет говорить об универсальности (по крайней мере для отечественного опыта) выявленного набора приемов инструментального использования в парламентских дискуссиях знаний / представлений о прошлом при решении современных проблем. Упоминаемые в выступлениях события и персоны прошлого, с одной стороны, отражают специфику исторической культуры как общества в целом, так и отдельных парламентариев в начале и конце XX в., с другой стороны, репертуар исторической аргументации (события и персоны, их интерпретация) выступает маркером групповой идентичности парламентских объединений. В парламентских дискуссиях преобладали отсылки к событиям и персонам относительно недавнего прошлого, что вполне объяснимо: конструирование символической программы политического порядка, приходящего на смену «старому режиму», не могло обойтись без переоценки именно недавнего прошлого.

Список литературы / References

- Айзенштат, М. П. (2013) 'История как компонент парламентской полемики Британии 1750–1770-х гг.', в: Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М.: Институт всеобщей истории РАН, сс. 278–294. [Ayzenshtat, M. P. (2013) 'History as a component of parliamentary polemics in Britain in the 1750s–1770s.' [Istoriya kak komponent parlamentskoi polemiki Britanii 1750–1770-kh gg.], in: 'People and texts. Historical almanac. 2012' [Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh. 2012]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 278–294. (In Russ.)].
- Громыко, С. А. (2017) 'Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе', *Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург)*, 7 (61), сс. 112–115. [Gromyko, S. A. (2017) 'Addressing to history as a rhetorical argument in the Russian parliamentary speech (on the material of speeches of Nationalist Duma members in the pre-revolutionary State Duma)' [Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlamentskoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi Dume)], *International Research Journal (Ekaterinburg)*, 7 (61), pp. 112–115. (In Russ.)]. DOI: 10.23670/IRJ.2017.61.031.
- Жичкин, В. В. (2022) 'Оценка исторических событий России в программах политических партий на выборах в Государственную Думу 8-го созыва', *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*, 22 (3), сс. 360–366. [Zhichkin, V. V. (2022) 'Assessment of Russian historical events in the pre-election programs of political parties in the elections to the State Duma of the 8th convocation' [Otsenka istoricheskikh sobytii Rossii v programmakh politicheskikh partii na vyborakh v Gosudarstvennuyu Dumu 8-go sozyva], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 22 (3), pp. 360–366. (In Russ.)]. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-360-366
- Каверзина, Н. П. (2019) 'Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР)', *Вестник Томского государственного университета*, 438, сс. 40–44. [Kaverzina, N. P. (2019) 'The Discursive Representation of the Past in the Text of a Political Party Program (based on the Programs of the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party of Russia)' [Diskursivno обусlovlennyy obraz proshlogo v tekste programmy politicheskoi partii (na materiale programm partii KPRF i LDPR)], *Tomsk State University Journal*, 438, pp. 40–44. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/15617793/438/5.
- Кирьянов, И. К. (2022) 'Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов поздней имперской России, 1906–1907 гг.', *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*, 3 (47), сс. 71–79. [Kiryanov, I. K. (2022) 'Actualization of history in parliamentary discussions in the State Duma of the first and second convocations of Late Imperial Russia, 1906–1907' [Aktualizatsiya proshlogo v parlamentskikh diskussiyakh v Gosudarstven-

noi dume pervogo i vtorogo sozyvov pozdneimperskoi Rossii, 1906–1907 gg.], *MCU Journal of Historical Studies*, 3 (47), pp. 71–79. (In Russ.). DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06.

Малинова, О. Ю. (2018) 'Политика памяти как область символической политики', в: Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва; С.-Петербург: Нестор-история, сс. 27–53. [Malinova, O. Yu. (2018) 'The politics of memory as a domain of symbolic politics' [Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki], in: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) *Methodological issues in studying the politics of memory* [Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 27–53. (In Russ)].

Малинова, О. Ю., Карпова, Н. В. (2023) 'Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»', *Политическая наука*, 1, сс. 113–138. [Malinova, O. Yu., Karpova, N. V. (2023) 'Deputies of the State Duma as actors of the Russian politics of memory: the case of the federal law «On the days of military glory and commemorative dates of Russia»' [Deputaty Gosudarstvennoi dumy kak aktory rossiiskoi politiki pamyati: na primere transformatsii Federal'nogo zakona «O dnyakh voinskoi slavy i pamyatnykh datakh Rossii»], *Political science (RU)*, 1, pp. 113–138. (In Russ)]. DOI: 10.31249/poln/2023.01.06.

Мелешкина, Е. Ю., Толпыгина, О. А. (2023) 'Использование образов советского прошлого в риторике «Справедливой России» и ЛДПР', *Политическая наука*, 1, сс. 92–112. [Meleshkina, E. Yu., Tolpygina, O. A. (2023) 'Using images of the Soviet past in the rhetoric of “Just Russia” and the Liberal Democratic Party' [Ispol'zovanie obrazov sovetskogo proshlogo v ritorike «Spravedlivoi Rossii» i LDPR], *Political*

science (RU), 1, pp. 92–112. (In Russ)]. DOI: 10.31249/poln/2023.01.04.

Мелешкина, Е. Ю., Фомин, И. В. (2022) 'Использование образов советского прошлого в дискурсе партии «Единая Россия» и КПРФ', *Полития (Журнал политической философии и социологии политики)*, 3, сс. 80–104. [Meleshkina, E. Yu., Fomin, I. V. (2022) 'Using images of the Soviet past in the discourse of “United Russia” and CPRF' [Ispol'zovanie obrazov sovetskogo proshlogo v diskurse partii «Edinaya Rossiya» i KPRF], *Politeia – Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 3, pp. 80–104. (In Russ)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-80-104.

Тимшина, Е. Л. (2021) 'Оглядываясь назад: образ Советского Союза в исторической политике партий (по материалам выборов в Государственную Думу РФ VI и VII созывов)', *Genesis: исторические исследования*, 3, сс. 37–50. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=32753 (дата обращения: 25.04.2024). [Timshina, E. L. (2021) 'Looking back: the image of the Soviet Union in the historical politics of the party (based on materials from the elections to the State Duma of the Russian Federation VIth and VIIth convocations)' [Oglyadyvayas' nazad: obraz Sovetskogo Soyuz v istoricheskoi politike partii (po materialam vyborov v Gosudarstvennyu Dumu RF VI i VII sozyvov)], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 3, pp. 37–50. Available at: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=32753 (дата обращения: 25.04.2024). (In Russ)]. DOI: 10.25136/2409-868X2021.3.32753.

Bernhard, M., Kubik, J. (2014) 'Introduction' in: *Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty years after communism: the politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford university press.

Gill, G. (2013) *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge: Cambridge university press.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**PRACTICES OF APPEALING TO THE PAST IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY DISCOURSE,
THE BEGINNING AND END OF THE XX CENTURY**

I. Kiryanov

Igor Kiryanov, Dr. Sci. (History),
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.
Perm State University, Perm, Russia.
E-mail: ikiryanov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AAH-5458-2020).

Abstract: The paper deals with the practices of appealing to the past in the parliamentary debates of the first sessions of the State Duma of late imperial Russia (1906) and the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1994), as well as the first few Congresses of People's Deputies of the USSR (1989) and the RSFSR (1990). These cases meet two criteria: first, these representative institutions were fundamentally new institutions in changing political systems, and second, the principles of forming their composition ensured competition in the process of discussing symbolic discourses. Cross-temporal research has made it possible to identify a universal set of techniques, at least for the Russian experience, for the instrumental use in parliamentary discussions of knowledge/ideas about the past when solving modern problems, including an appeal to the past as an argument in the discussion; interpretation/evaluation of the past as a marker of group identity; a call to consign to oblivion / to forget/ to forgive the past; articulation of historical grievances/traumas; criticism of historical government policies; discreditation of a political opponent: pointing out the ignorance of history / falsification of history.

Keywords: late imperial Russia; USSR; RSFSR; Russian Federation; parliamentary debates; political use of history.

УДК-328

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-36-48

**«ДИСКУССИЯ О ПРАВИЛАХ ДИСКУССИИ»:
ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ДИСКУРСЕ ДЕПУТАТОВ
НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VII СОЗЫВА**

Н. А. Зарипов

Зарипов Никита Андреевич, аспирант, преподаватель Департамента политики и управления факультета социальных наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: nzaripov@hse.ru (ORCID: 0000-0003-4834-4665. ResearcherID: HNN-5790-2022).

Аннотация

Принято считать, что парламентская процедура используется для установления и настройки политических процессов внутри законодательного органа власти. При этом само изменение нормы – комплексная задача, в ходе которой необходимо убедить парламентариев в необходимости корректировки «правил игры». Существующая академическая дискуссия объясняет внутренние трансформации процессами на уровне государства либо между крупными агентами парламента, упуская из виду причины, выражаемые самими депутатами, – их анализ позволяет выявить политические импликации трансформации процедуры на уровне самих участников. С опорой на материалы работы Государственной Думы России VII созыва в статье проводится изучение стратегий обоснования, которые выражают депутаты при обсуждении норм регламента на пленарных заседаниях. В результате было обнаружено, что в зависимости от конкретной поправки обоснование может быть связано как с тенденциями всей государственной системы (приведение норм в соответствие с федеральным законодательством), так и с элементами политической борьбы между фракциями за контроль над процедурой, в ходе которой участники обращаются к историческому опыту и ценностным ожиданиям работы парламента *per se*. Особую роль в дискуссии занимает дилемма «формальные процедуры – неформальные практики»: инициаторы поправок обращались к формальным правилам как инструменту ограничения существующих между депутатами практик. Исследование предлагает оригинальный взгляд на изучение законотворческого процесса и определяет перспективы изучения политической природы парламентской процедуры с позиции ее участников.

Ключевые слова: парламентская процедура; стратегия обоснования; Государственная Дума; нормы регламента; парламентский дискурс; институциональная трансформация.

Введение

Пятого октября 2016 г. на первом пленарном заседании Государственной Думы ФС РФ (далее – Госдумы) VII созыва кандидат в председатели палаты В. Володин выступил с речью, в которой помимо приоритетных направлений законотворчества отметил не менее значимую для депутатов тему – желаемый для кандидата порядок и принципы работы палаты. К их числу относились: популяризация практики нулевого чтения, при котором Госдума обсуждает с правительством законопроект до его официального внесения на рассмотрение в парламент; вовлечение в обсуждение законопроектов более широкого круга участников; расширение полномочий фракций. Завершил предлагаемый образ будущего ответ на вопрос руководителя фракции «Справедливая Россия» С. Миронова о стиле руководства: «Дума должна быть и местом для дискуссии, и местом для диалога» (05.10.2016)¹.

Дальнейшая работа созыва сопровождалась изменениями, направленными на реализацию озвученных планов: была принята практика участия депутатов в межправительственных комиссиях, институционализированы экспертные советы, фракции получили право выступать во внеочередном порядке и др. Но при этом регламент дополнялся и иными содержательными поправками в части дисциплинирования депутатов, включения правительства в законотворческий процесс внутри палаты

© Зарипов Н. А., 2024

¹ Здесь и далее при цитировании депутатов будут указаны: автор высказывания, связанная с ним фракция и дата выступления. Все стенограммы пленарных заседаний Госдумы были взяты с официального сайта: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.03.2024).

и увеличения полномочий отдельных внутренних структур (председателя Госдумы, Совета Думы) (Помигуев, Зарипов, 2023).

Опыт изучения регламента законодательных органов обладает самостоятельной традицией в политической науке: в ходе определения политических последствий изменения параметров «черного ящика» ученые обнаружили влияние последних на отношения «вето-игроков», взаимодействие и поведение депутатов, изменение фактических статусов внешних и внутренних структур, права оппозиции и др. (Chaisty, Whitefield, 2019; Tsebelis, 2022; Vallejo Vera, 2023; Wegmann, 2020). В том или ином виде институциональные изменения внутри парламента рассматриваются в основном как результат применения нормы, в большинстве случаев без внимания остается предыдущий этап – сама процедура принятия.

В случае примера работы Госдумы обе группы изменений не являлись результатом объективной необходимости менять парламентскую процедуру. Более того, во многих случаях они затрагивали интересы отдельных политических агентов и меняли их конфигурацию внутри парламента. Поскольку все поправки проходили через этап голосования на пленарном заседании, у инициаторов для получения поддержки в палате возникала необходимость обосновать предлагаемые изменения, привести причины, по которым они должны быть приняты. В ходе дискуссии обсуждаются необходимость внесения и мотивы инициатора – другими словами, причины, по которым предлагается нарушить сложившийся порядок, статус-кво (Tsebelis, 2022). Большинство исследований в данном направлении стремится связать изменения института с более широкими трансформациями политической системы: влиянием правительства, партийной системы и политического режима в целом (Elgie, 2005; Tunyan, Goetz, 2024). В подобной оптике причины изменения «правил игры» сводятся к адаптации парламента к внешним условиям, результат которой – новая конфигурация законотворческого процесса: корректируются полномочия участников, возникают новые структуры, формируется новый порядок взаимоотношений. Подобные изменения отражают определенные интересы, предыдущий опыт анализа которых сводился к поиску получателей выгоды впоследствии, уже после внесенных изменений (Schmidt, 2020). Подобная рамка нуждается в дополнении изучения институциональной трансформации мнением, которое выражают сами участники законотворческого процесса – депутаты.

Изучение парламентского дискурса вокруг изменений регламента представляет собой перспективное направление исследований, способное помимо конфигурации интересов определить соотношение фактического политического процесса с его формальными свойствами. Существующая практика конструктивистского анализа дискуссий между депутатами уделяет внимание как ее возникновению (причинам перехода дебатов в публичное поле, стратегиям коммуникации (Kondratenko, Kiselova, Zavalska, 2020)), так и содержанию (ценностным интерпретациям концептов (например, идентичности, обсуждению policy (Schmidt, Schmid, Sewerin, 2019; Wodak, 2009)). В большинстве случаев дискурс рассматривается в контексте избирателя как конечного адресата, доверие которого выступает одним из определяющих факторов формирования позиции (Pie, 2003). В этом заключается ключевое отличие обсуждения регламента: главной его целью становится распределение власти в парламентском процессе в *будущем*, в котором депутаты стремятся договориться между собой. Самостоятельной исследовательской задачей, которую способен решить анализ дискуссии, выступает определение действительных участников последней: парламентарии в ней могут выражать как персональные интересы, так и становиться ретрансляторами связанных с ним структур: фракций, комитетов или партий (как происходит, например, при обсуждении политически значимых вопросов в законотворческом процессе (Kreppel, Tsebelis, 1999)).

Наряду с выражением в «правилах игры» определенных интересов и определения субъектности депутатов, полемика по вопросу процедуры является частью процесса институциональной трансформации. Существующая академическая дискуссия предлагает два пути формирования институтов: институционализацию фактических практик и трансплантацию институтов (Мелешкина, 2012). Отчасти указанные подходы совпадают с логикой упомянутого выступления В. Володина: работа должна быть направлена не только на введение новых практик, но и на расширение существующих, а в некоторых случаях – их исключение из правового поля. Направления таких изменений редко носят формальный характер – как правило, они затрагивают структурный (число комитетов и включение в нормы субститутов), агентивный (полномочия отдельных акторов, например председателя палаты или оппозиции) либо процедурный (запрет либо ограничение законодательных технологий) компонент законотворческого процесса (Помигуев, Зарипов, 2023). Предлагаемая неинституциональной рамкой конфигурация формальных правил и сложившихся правил «fair play» (North, 1991) проходит в

парламенте регулярное обновление, дополнение правового и системного уровней анализа анализом дискурса позволит воссоздать комплексную картину работы института и его изменения.

Необходимость в изучении дискуссии о правилах дискуссии выступает для политической науки важной частью развития теории институциональной трансформации и позволяет рассмотреть процесс с точки зрения входящих в него участников. В качестве примера анализа следует обратиться к опыту российского парламентаризма, занимающего в законодательных исследованиях особое место.

Принятый 22 января 1998 г., за время своего действия регламент Госдумы изменялся порядка 200 раз. Редакция 2021 г. значительно отличается от своего первоначального варианта в части как количества статей, так и их содержания. Крылатые выражения в отношении принципов работы парламента подчеркивают не только динамику статуса-кво правил общения, но и доминирующие в них ценностные компоненты, влияющие, как демонстрирует упомянутый пример В. Володина, на всю систему принятия решений.

Опыт изучения российского парламентаризма обращает внимание на роль регламента в увеличении влияния правительства на законотворческий процесс (Chaisty, Whitefield, 2023), появлении фактических «вето-игроков», росте значимости внутренних (председатель, Совет Думы) и внешних (Совет законодателей) структур (Помигуев, 2016; Помигуев, Зарипов, 2023). Благодаря поправкам, установлению одних правил и устранению других изменяется время рассмотрения законопроектов и структура взаимодействия депутатов. Обнаруженные эффекты во многом отражают последствия принятия изменений, что способно пролить свет на существующую в политической науке лакуну и дать ответ на вопрос: какие существуют в парламентском дискурсе стратегии обоснования изменения процедуры, выраженной в нормах регламента?

Метод и эмпирические данные

Для анализа был выбран период работы VII созыва Госдумы (с 18 сентября 2016 г. до 12 октября 2021 г.). Ограничение периода обусловлено рядом особенностей созыва: смена председателя палаты, установление фракцией «Единая Россия» конституционного большинства в палате и наибольшее число поправок в нормы регламента за все созывы позволяют учитывать специфику как социального контекста дискуссии, так и входящих в нее игроков.

Важно отметить, что поправки могут быть сформулированы председателем палаты либо другим инициатором, однако их принятие требует поддержки со стороны минимум половины от состава палаты. Поскольку регламент затрагивает работу всех 450 депутатов, а также их помощников и сотрудников Аппарата, возникает необходимость убеждения парламентариев в необходимости изменений. В контексте VII созыва успешно принять поправки удалось в 45 из 52 раз, при этом голосовали не только представители конституционного большинства – вопреки регулярным спорам поправки принимались представителями всех фракций, таким образом каждый раз удавалось достичь «ядра единодушия» (Помигуев, 2014). В качестве основного эмпирического материала были выбраны 52 стенограммы пленарных заседаний, на которых рассматривался вопрос о принятии поправок в регламент, обсуждение последнего постановления по данному вопросу прошло 15 декабря 2020 г. Стенограммы заседаний выложены в открытом доступе на официальном сайте Госдумы.

В качестве основного метода изучения дискурса используется понятие «стратегия обоснования» (justification) – рабочий инструмент исторического подхода критического дискурс-анализа (Reisigl, 2017). Стратегия представляет собой правило получения заключения путем логического рассуждения в отношении определенной темы. В рамках изучения парламентского дискурса ключевой интерес вызывает само рассуждение депутата, которое ведет к заключению в форме поддержки либо отклонения вносимых в регламент палаты изменений.

Работа с анализом стратегий аргументации состоит из двух этапов. На первом этапе предполагается выделение всех фрагментов выступлений, посвященных обсуждению поправок в регламент, и определение стратегии их обоснования. Второй этап включает в себя систематизацию полученных стратегий по направлениям изменений регламента. Результатом анализа становится определение

1 Например, ставшая популярной, приписываемая председателю Госдумы IV и V созывов Б. В. Грызлову фраза: «Парламент – не место для дискуссий».

2 Стенограммы заседаний, *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/transcripts/> (дата обращения: 13.04.2024)

стратегий обоснования по отношению к изменению «правил игры», высказываемых за рассматриваемый период как инициаторами, так и оппонентами, а также частота их упоминания.

Согласно порядку выступления на пленарном заседании при обсуждении инициатив, реализацию дискурса можно рассматривать в двух форматах: инициирование поправок и реакция на предложение и речь инициатора. В первую очередь следует рассмотреть форматы объяснений, которые транслируются автором предложений.

Стратегии обоснования изменений регламента

Отношение процедур и неформальных практик. Во многих случаях действующие нормы регламента адаптируются под фактический порядок парламентского процесса: так инициаторы стремятся освободить процедуру от формализма. При внесении подобных поправок можно зафиксировать первичность практики перед правилом.

Подобную тенденцию можно наблюдать в ходе отмены «часа голосования»: по мнению главы профильного комитета О. Савастьяновой («Единая Россия»), «сегодня на “час голосования” выносятся только те законопроекты, которые предлагается отклонить, мы предлагаем сразу же по итогам обсуждения принимать решение, голосовать» (10.02.2017). Логика доминирования практики над правилом наблюдается и при дополнении регламента: подобная ситуация сложилась при обсуждении возможности обоснования своей позиции в третьем чтении: «У нас сформировалась практика работы над законопроектами, но не все эти нормы закреплены в регламенте /.../ просто закрепляются нормы, которые сложились, существуют на сегодняшний день в работе Госдумы» (21.12.2017). Фактические нормы используются в качестве аргумента в дискуссии О. Савастьяновой в отношении председателя одного из комитетов из фракции ЛДПР: «Мы не ваше представление в норму вводим, а то фактическое состояние, которое на сегодняшний день есть» (19.05.2017).

«Практика» существует не только в отношении внутренней структуры, но и в отношении взаимодействия с другими институтами: так, при обсуждении принципов работы полномочных представителей палаты в Верховном и Конституционном судах (инициатором выступил Комитет по государственному строительству и законодательству) О. Савастьянова отметила: «Данный проект /.../ устраняет пробел в регламенте с учетом той практики, которая сегодня сложилась в Госдуме» (02.12.2016).

На пересечении норм регламента и фактического поведения отдельно стоит отметить процедуру формализации институтов, которые уже работали прежде: так, закрепляется порядок работы экспертных институтов, которые до этого уже работали. По словам В. Володина, «У нас при заместителях председателя и при председателе есть экспертные советы, – вот чтобы повысить роль экспертных советов /.../ предлагается в регламенте предусмотреть возможность представлять их мнение» (23.06.2020). Подобная стратегия была использована и в отношении Совета законодателей, который был впервые упомянут в регламенте в июне 2015 г. – спустя три года после официального начала работы структуры (Помигуев, Зарипов, 2022).

Третьим направлением отношений выступает поддержка фактической практики формальными нормами. Это заметно на примере обсуждения процедуры оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ) для законопроектов, прошедших в третье чтение. Для всех депутатов является очевидным, что инициативы во втором чтении подвергаются значительным изменениям, в связи с чем проводить ОРВ на предыдущих этапах нецелесообразно: по мнению В. Гартунга («Справедливая Россия»), «Действительно, во втором чтении законопроекты у нас меняются до неузнаваемости, и порой ОРВ после второго чтения надо проводить» (05.04.2017). Таким образом, новые нормы позволяют дополнить порядок, который допустим регламентом, но не конкретизирован им.

Закрепление неформальной практики в некоторых случаях выступает лейтмотивом поправок, вносимых системной оппозицией. В июне 2016 г. представитель фракции КПРФ А. Куринный предложил дать депутатам право состоять в двух комитетах, аргументируя свое предложение устоявшимся порядком приходиться многим парламентариям на заседания своих непрофильных комитетов. В ответ О. Савастьяновой был представлен следующий довод: «Нет никаких препятствий для того, чтобы активно работать в других комитетах, комиссиях и рабочих группах. И у нас у всех есть одинаковое право решающего голоса на пленарном заседании, где мы принимаем решения» (09.11.2016).

Отношение нормативного и фактического уникально и зависит от конкретной нормы и ее участников (в том числе правительства). При этом существует категория поправок, которыми инициатор стремится ограничить существующие практики. Для этой категории используется особое обос-

нование, которое находит поддержку среди оппозиционных фракций, поскольку связано с увеличением их значимости: речь идет о дисциплинированности депутатов.

Дисциплина выступает одним из принципов работы Госдумы, определенных В. Володиным в начале работы VII созыва. В ходе изменения регламента были введены штрафы за отсутствие депутатов на пленарном заседании, обязательства депутатов перед фракциями в уведомлении о внесении собственных инициатив и др. (Помигуев, Зарипов, 2023). Подобные изменения выступают своеобразным «ядром единодушия» фракций: «Мы поддерживаем инициативу, что от фракции может выступать только руководитель, а остальные депутаты должны довольствоваться временем, отведенным им для выступления» (А. Диденко, ЛДПР) (09.11.2016).

Фракция в данном направлении становится самостоятельным элементом дискурса, к которому обращаются для согласования инициатив депутатов в регламент («Сначала обсудите с руководителем фракции, а то получится, что эта инициатива у вас не найдет поддержки» (В. Володин, 10.02.2017)), персонального контроля за работой парламентариев («У фракции появляется возможность спросить за соблюдение норм регламента, насколько я понимаю эту норму» (В. Володин, 19.05.2017)), продвижения нерегламентированной практики согласования («Если говорить о нашей фракции, то у нас есть комиссия, которая рассматривает законотворческие инициативы, и, в общем-то, это позитивно влияет на качество законотворческого процесса» (В. Гартунг, «Справедливая Россия», 19.05.2017)). В некоторых случаях используется стратегия обращения к взаимным обязательствам («Фракция несет ответственность за своего депутата, так и депутат несет ответственность за фракцию» (В. Пинский, «Единая Россия», 05.10.2016); «Если те вопросы, о которых вы сегодня говорите, есть, то они должны решаться за счет внутренней самоорганизации фракции» (О. Савастьянова, 19.03.2020)). Кроме того, представители фракций поддерживают механизмы контроля депутатов со стороны парламента как института и предлагают собственные механизмы («Дисциплина должна быть в широком смысле слова: что делает депутат, какова оценка его работы? Вот мы ввели механизм (это передовой опыт, я не буду вам рассказывать, чтобы вы его не переняли), есть элементарный способ контроля за тем, как депутат работает с избирателями на местах» (В. Жириновский, ЛДПР, 16.11.2016)). Консенсус фракций по вопросу подотчетности им парламентариев может оказать влияние на законотворческое поведение последних. Отчасти последствия подобной позиции выражаются в факторах законотворчества: поскольку фракция обретает большую роль в активности парламентариев, чем комитеты, комиссии и другие структуры, принадлежность к ней сужает круг депутатов для взаимодействия.

Поддержку со стороны фракций получает и ряд других инициатив: в таком случае стратегией выступает готовность формирования новых практик на основании новых норм. Примером такой реализации является поддержка А. Диденко (ЛДПР) сокращения сроков вступления в соавторство: «Мы поддержим, но в дальнейшем было бы правильно подумать, как учесть интересы регионов, чтобы они могли участвовать в этом процессе без потери оперативности и качества работы над законопроектами» (21.06.2018). Похожее предложение было высказано В. Гартунгом («Справедливая Россия») при обсуждении ОРВ: «Посмотрим правоприменительную практику: если будет действительно исчерпывающим образом закрываться весь перечень вопросов, скажем так, которые возникают у депутатов по законопроектам, то, наверное, на этом можно будет остановиться» (14.04.2017). В случае поддержки инициатив фракции во многом обращаются к их дальнейшей фактической реализации как возможности реализовать собственные интересы.

Обращение к истории как элементу порядка. VII созыв Госдумы работает в том числе по принципам и традициям, сложившимся в парламенте с 1993 г. Один из аргументов в пользу сохранения действующего порядка основан на накопленном историческом опыте. Так, В. Володин при обсуждении поправок А. Куринного отметил: «Регламент Госдумы – это плод семи созывов, и он включает в себя опыт работы на протяжении двадцати трех лет, и этот вопрос никогда не вызывал сомнений» (17.03.2017). Другим ярким примером выступает аргумент спикера в дискуссии вокруг увеличения сроков региональной недели: «Мне мои коллеги /.../ говорят, что за историю существования Госдумы никогда не было больше одной региональной недели» (10.02.2017). Стратегия обоснования также отражена в выступлении В. Пинского («Единая Россия») против смены порядка вступления в комитеты: «По этому же принципу комитеты формируются уже два десятка лет, начиная с 98-го г., и такой порядок из созыва в созыв сохраняется в регламенте Госдумы, тем самым обеспечивается стабильность нашей работы и соблюдение баланса интересов всех фракций» (14.06.2017).

Стратегию обращения к истории используют также депутаты оппозиционных фракций: О. Нилов («Справедливая Россия») в обращении по поводу депутатов, не принимающих участие в голо-

совании, привел в пример I созыв: «В положениях регламента Думы первого созыва было одно наказание – за неучастие в голосовании: /.../ депутат наказывался штрафом – 25 рублей. Может нам рассмотреть возможность введения такой же меры воздействия?» (21.10.2016). Здесь отмечается иной порядок использования темы: возвращение к опыту прошлого как пути решения текущих проблем.

В ряде случаев история становится элементом, который необходимо изменить. В. Володин при рассмотрении отмены практики лишения депутата права голоса отметил: «Исходите из того, что мы исключаем норму, которая на протяжении 25 лет в регламенте присутствовала и применялась многократно» (15.11.2018). В данном случае действие «традиции» на протяжении прошлых созывов не стало причиной отказа от ее пересмотра, что во многом объясняет политическую логику обращения к дискурсу.

Рис. 1. Стратегии обоснования изменений регламента

Таким образом, в отношении обеих групп стратегий обоснования – связи формального и неформального и опыта прошлого – стоит отметить вариативность их применения инициаторами поправок и обусловленность конкретными содержательными изменениями регламента. Более того, во многом данные стратегии выступают не только обоснованием для принятия инициатив, но и их критики в случае, если они предложены оппозицией. Существующие конфигурации обоснования изменений представлены на рис. 1.

Стратегии оппонирования

Основное «политическое» направление обсуждений возникает в парламенте в двух форматах: в вопросах докладчику и выступлении представителей фракций. Опыт изучения российского парламентаризма во многих случаях обращает внимание на роль регламента в сокращении субъектности Госдумы в пользу правительства РФ и президента РФ (Chaisty, Whitefeld, 2023). В этом отношении дискурс системной оппозиции в VII созыве позволяет определить мнение самих депутатов по поводу данной тенденции. Среди основных стратегий «против» можно выделить несколько категорий.

Обращение к поправкам как к новым механизмам затягивания законотворческого процесса. Время в законотворчестве обладает политической природой, определение механизма его управления изменяет роль отдельных участников процесса. В рамках Госдумы VII созыва вопрос времени стал одним из направлений вопросов и критики инициатив, связанных со взаимоотношением парламента и исполнительной власти.

При обсуждении инициатив, подлежащих первоочередному рассмотрению, А. Куринный (КПРФ) отметил важность того, чтобы расширение списка законов от правительства не стало препятствием для принятия законов, «которые будут вноситься именно депутатами либо другими субъектами права законодательной инициативы» (21.12.2016). Более радикальная риторика была вызвана в отношении ожидания отзывов правительства перед третьим чтением – С. Иванов (ЛДПР) высказывается: «От правительства иногда месяцами приходится ждать заключение или соответствующий документ, а тут мы сами себе связываем руки!» (21.12.2016). Подобная стратегия прослеживается и в формате вопроса А. Куринного (КПРФ) с идейной позицией о затягивании процесса в отношении поправки об ОРВ: «А как-то регламентированы в постановлении правительства сроки, механизмы проведения ОРВ, чтобы это не было дополнительным, скажем так, элементом затягивания законотворческого процесса?» (14.04.2017). Существующее в академической дискуссии предположение о времени подтверждается политической аргументацией самих депутатов, которых беспокоит увеличение влияния со стороны правительства на ускорение и задержку рассмотрения отдельных законопроектов.

Ограничение возможностей выражения интересов фракций. Специфика регламента, способного поставить в преимущественное положение отдельных участников законотворческого процесса, во многом обуславливает риски, которые высказываются при обсуждении его изменения. Поскольку депутаты артикулируют интересы фракций, ограничение прав последних становится одной из стратегий оппонирования.

В дополнение темы о взаимодействии ветвей власти представители системной оппозиции озвучивают свои варианты поправок. Так, О. Нилов («Справедливая Россия») предложил дать фракциям право первоочередного порядка рассмотрения своих проектов, чтобы «не устраивать очередь из первоочередных законопроектов правительства, президента, спикеров» (02.12.2016). Кроме того, депутатами рассматривается инициатива согласования представителей палаты во внешних организациях, опыт которых не совпадал с интересами ряда фракций. На примере работы полномочного представителя в Конституционном суде Я. Нилов (ЛДПР) предложил установить в регламенте процедуру формирования мнения: «Каким образом формировалась позиция, абсолютно непонятно, и мы не смогли в Конституционном суде доказать нашу правоту!» (02.12.2016). Не является исключением и порядок работы внутри парламента: А. Куринный (КПРФ) в контексте работы правительственного часа отметил отсутствие времени для выступления представителей фракций, а В. Жириновский (ЛДПР) усомнился в наличии принципа фракционности в профильных комиссиях. Наконец, С. Иванов (ЛДПР) заметил ограничение оппозиции в порядке рассмотрения законопроектов: «При таком графике мы просто-напросто можем не доходить до рассмотрения законопроектов первого чтения, которые вносятся оппозицией, а не являются первоочередными» (27.07.2018). Подобная стратегия используется вне зависимости от раздела регламента – определение возможных препятствий для работы фракций прослеживается в большинстве дискуссий. При этом важно отметить специфику подобных предложений – большинство поправок были в итоге реализованы, вопрос о сопоставлении опасений и фактических последствий вызывает отдельный исследовательский интерес.

Ограничение возможностей выражения интересов депутатов. Депутат как основная единица парламента обладает рядом полномочий и прав их реализации. Изменение возможностей и порядка его работы затрагивается в дискурсе даже с учетом трансформации фракционного и комитетского компонента в структуре законотворческого процесса.

Как правило, данная тема высказывается парламентариями в тесной связи с персональным опытом: в отношении поправок А. Куринного Н. Коломейцев (КПРФ) указал на проблему, которую решают нововведения: «Вот в повестке на сегодня восемьдесят семь законопроектов, из них два /.../ появились ночью, и к каждому из этих законопроектов имеются материалы на нескольких десятках страниц. /.../ С моей точки зрения, коллега /.../ предлагает защитить права депутатов» (17.03.2017). Особенность стратегии заключается в обращении ко всем депутатам, а не только представителям своей фракции: А. Диденко (ЛДПР) в одном из обсуждений отметил возможное ограничение всех «депутатов-одномандатников» (19.05.2017), а Н. Коломейцев (КПРФ) указал на «попытку цензурировать деятельность депутата» (23.06.2020) при публикации депутатских запросов. При этом, как было упомянуто ранее, большинство обсуждений этого направления встречают одобрение – усиление дисциплины является конвенциональной логикой Госдумы VII созыва, регулирование которой отводится

не столько парламенту, сколько фракциям. Итоговая конфигурация стратегий оппонирования представлена на рис. 2.

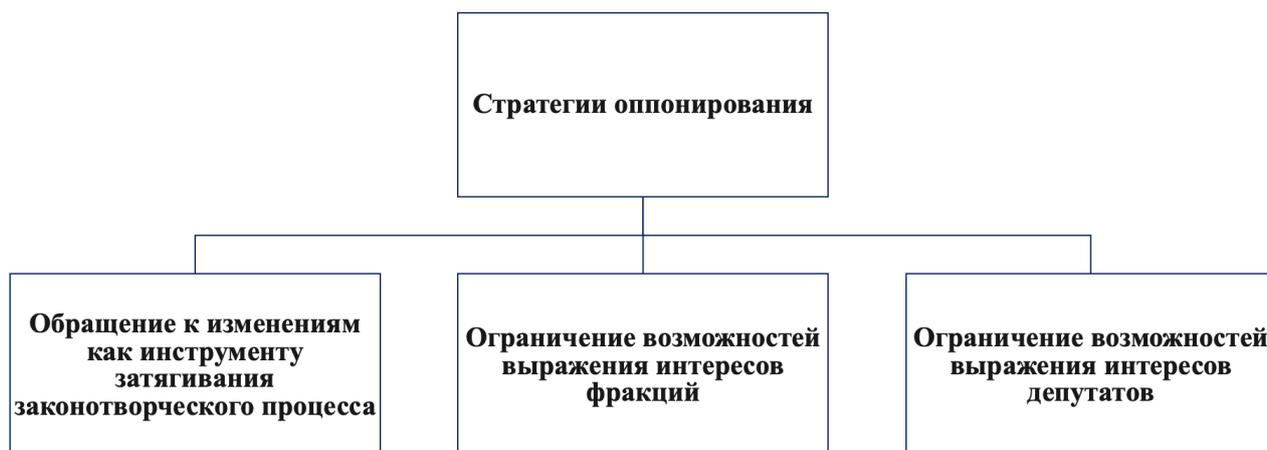

Рис. 2. Стратегии обоснования при оппонировании изменений регламента

Представления о должном в парламентской дискуссии

История и отношение формального и неформального выступают основными, но не исчерпывающими элементами дискурса. Нередко депутаты стремятся дать в публичном поле ответ на вопрос о том, что из себя представляет регламент и какие цели преследует парламентская процедура. Непосредственную оценку документа парламентарии дают в соотношении с конкретными ценностями, достижению и реализации которых он служит.

Эффективность как главный индикатор работы Госдумы. В риторике парламентариев в ряде случаев прослеживается связь между эффективностью и оперативностью, под которой подразумевается адаптивность к текущим изменениям и быстрое исполнение собственных полномочий. В отношении рассмотрения писем от избирателей П. Крашенинников («Единая Россия») предложил поправки, которые позволяют комитетам «сделать так, чтобы избиратели получили ответы на письма достаточно быстро» (09.11.2016). Похожая идейная установка была предложена В. Володиным при обосновании поправок о взаимодействии с правительством: «Это очень важное решение, которое однозначно позитивно скажется на наших избирателях и в целом на эффективности работы органов государственной власти» (21.12.2016), где под эффективностью подразумевается реагирование на социально важные инициативы. Подтверждают данный аспект работы и слова А. Исаева («Единая Россия») при обсуждении поправок А. Куриного: «Мы обязаны оперативно реагировать на то, что происходит в обществе» (17.03.2017). Дискурс об оперативности также используется депутатами как аргумент о затягивании некоторыми депутатами законодательного процесса: «По поводу срочности рассмотрения и оперативности работы. Уважаемые коллеги, разве у нас здесь есть враги, которые пришли сюда исключительно с целью затормозить законотворческий процесс?» (А. Куринный, КПРФ, 17.03.2017). Подобная стратегия коммуникации в совокупности с идейным представлением о парламенте еще раз подчеркивает озабоченность представителя фракции о том, что время рассмотрения инициатив может быть использовано в качестве инструмента достижения политических целей (например, продвижения отраслевых групп интересов).

Второй стратегией выступает ассоциация эффективности с качеством, где под последним понимается проработанность законопроекта. По мнению некоторых депутатов, например Н. Николаева («Единая Россия»), подобная работа в предыдущих созывах не проводилась: «Я горд тем, что начал работать в Госдуме именно этого созыва – когда Дума начала очень серьезную системную работу по повышению качества законотворческого процесса» (10.03.2017).

В отличие от оперативности, качество является лейтмотивом смысла изменения регламента в риторике О. Савастьяновой. В отношении поправок об отзыве правительства депутат отмечает: «Данные поправки усиливают роль депутатов и Госдумы в принятии законов, в том, чтобы было обеспечено их исполнение и повышалось их качество» (21.12.2016). Отдельная составляющая в рам-

ках качества связана с предварительным согласованием с профильными органами исполнительной власти – элементом, который, по мнению представителей оппозиции, приводит к снижению субъектности парламента. Качество также используется депутатом в оценке инициатив, например смены недели работы с избирателями: «Регламент – это документ, в который нежелательно часто вторгаться, но, если мы видим, что какие-то моменты позволяют нам более качественно осуществлять работу, я думаю, такие изменения мы с вами всегда должны поддерживать» (07.10.2016).

Ценность работы депутата. Отдельное место в дискуссии занимает осмысление работы самих депутатов: в центре данного направления полемика о статусе депутата как представителя народа и эксперта.

Идея о парламенте как месте представительства интересов населения регулярно находит свое выражение при обсуждении поправок: «Позиция нашего парламента базируется на таких ценностях, как диалог, конкурентность, открытость, экспертность, но и появляется все больше инструментов и механизмов, для того чтобы эта позиция реализовывалась, усиливается представительная функция нашего парламента» (О. Савастьянова, 21.12.2016). Подобная мотивация сопровождается поправками в регламент, согласно которым депутатам запрещалась передача права голоса: «Логика предлагаемых изменений в порядок нашей с вами работы основана на понимании того, что каждый из нас был делегирован гражданами представлять их интересы» (С. Неверов, «Единая Россия», 21.10.2016). Логика представительства легла в основу всех изменений, связанных с порядком работы с избирателями. В некоторых случаях можно отметить связь между дискурсом о представительстве и качестве работы: «Отличительными особенностями этой работы были консенсус и общее желание действительно повысить качество нашей работы, потому что этого от нас с вами ждут наши избиратели» (О. Савастьянова, 10.03.2017).

Стоит отметить, что статусы «народный избранник» и «эксперт» в понимании выступающих не находят внутреннего противоречия: по мнению А. Диденко (ЛДПР), «депутат должен быть погружен, вникать, быть осведомленным и быть для своих избирателей абсолютно, непререкаемо авторитетным экспертом» (09.11.2016). Поправки, возлагающие на депутата личную ответственность при ответе на письма избирателей, должны демонстрировать экспертизу по всем отраслям законодательства, но не предлагают при этом экспертной законотворческой работы.

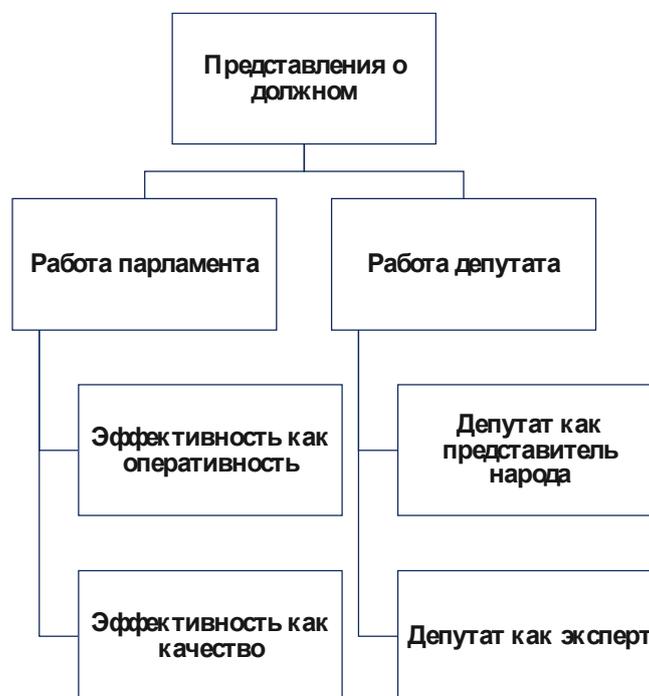

Рис. 3. Представления о должном в ценностно-ориентированной стратегии обоснования изменений регламента

В отношении роли депутата нет полноценного консенсуса о том, что является его приоритетом. Подобное состояние отчасти совпадает с классической дискуссией о разнице между моделями доверительства и делегирования (Hoffman, 2006). При этом конвенционально местом экспертной работы считается комитет. Подобную позицию артикулирует, в частности, П. Крашенинников: «В нашем комитете кто-то из коллег занимается гражданским законодательством, кто-то уголовным и так далее, и такой профессионализм, на мой взгляд, пойдет только на пользу всем» (09.11.2016). Как и в случае со стратегиями обоснования при внесении поправок и оппонирования, конфигурации в отношении представлений о должном представлены на рис. 3.

Выводы

«Дискуссия о правилах дискуссии» – фраза, вынесенная в тему статьи, – во многом отражает особенность внутреннего изменения института и проливает свет на научную значимость предмета исследования. Вопреки доминирующей в политической науке оптике изучения последствий изменений процедуры, в данной работе была предпринята попытка обратить внимание на ее причины в виде обоснования вносимых поправок. Итоговая конфигурация, представленная в таблице, демонстрирует отсутствие единой для всех случаев стратегии обоснования – ее выбор зависит от содержания конкретной поправки.

Соотношение использования стратегий обоснования при изменении регламента Госдумы VII созыва

№ п/п	Стратегия обоснования	Количество обращений к стратегии
Отношение формальных процедур и неформальных практик		
1	Первичность нормы в организации законотворческого процесса	15
2	Первичность практики в организации законотворческого процесса	12
3	Ограничение практики как инструмент дисциплины в отношении депутатов	9
4	Ограничение практики как инструмент дисциплины в отношении фракций	10
Обращение к истории		
5	Сохранение действующего порядка	3
6	Опыт прошлого как решение существующих проблем	6
7	Исторический опыт, который необходимо изменить	3
Ценностная характеристика работы парламента		
8	Эффективность парламента	21
Ценностная характеристика работы депутата		
9	Депутат представляет интересы народа	10
10	Депутат выполняет экспертную роль	7
Процессуальные обоснования		
11	Предварительное согласования правок между фракциями	16
12	Приведение процедуры в соответствие с законодательством и регламентами других органов власти	5

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Дискуссия о «правилах игры» обладает политической природой, что выражается во фракциях основных участников полемики с одной стороны и характером вносимых поправок и обоснованием – с другой. Стремление исключить одни практики и институционализировать другие сопровождалось логикой конкретных интересов, что выражалось в совокупности идеологических обоснований: использованием истории, ценностных представлений о «должной» работе парламента и др.

2. Наиболее неочевидной и значимой для понимания парламентской процедуры дискуссией стала рамка *«формальные процедуры – неформальные практики»*. Стремление формализовать сложившиеся «правила игры» стало одним из главных причин изменения регламента, при этом сама аргументация отличается высокой вариативностью и зависит от конкретной нормы. В этой рамке отмечается *единогласная поддержка увеличения дисциплины депутатов* за счет сокращения существующих практик. Формализация работы депутата устанавливает контроль над его участием в процедуре, что становится отдельной характеристикой работы института.

3. К числу распространенных причин изменений также *относится регулярная апелляция к прошлому*: с помощью порядков, существовавших в предыдущие созывы парламента, инициаторы нередко стремятся решить текущие проблемы, а также отменить «устаревшие» нормы.

4. Некоторые изменения стремятся обратить внимание на «должную» работу парламента и роль депутата. Не меньшую роль в данной категории играют и ценности самого процесса – парламента должен быть *эффективным и оперативным*, а законотворчество – *качественным*.

Указанные стратегии обоснования в перспективе могут стать рабочей исследовательской рамкой для более детального изучения места ценностного компонента в «правилах игры» и его соотношения с конкретными нормами регламента.

Помимо самооценки изучения VII созыва обнаруженные закономерности открывают перспективы для дальнейших исследований. Так, для понимания природы развития российского парламентаризма интерес вызывает вопрос о трансформации стратегий обоснования между созывами Госдумы: переход палаты от многопартийной системы I созыва к системе пяти фракций в VIII, смена социального контекста неизбежно оказывает влияние на подходы к созданию и изменению правил совместной работы. Кроме того, интересным выглядит направление развития самой методики за счет изучения мультимодальности дискуссии, а также совмещения с инструментами количественного анализа для определения роли регламента, например в организации сетевого взаимодействия депутатов. Что касается связи парламентских процедур в межстрановой перспективе, предлагаемая к анализу аналитическая рамка открывает ряд исследовательских лакун. К их числу относится связь изменения норм регламента с характеристиками политической системы, взаимозависимость формальных процедур и неформальных практик с учетом влияния социально-политических факторов, а также роль отдельных институциональных акторов (главы государства, правительства и судов) в их формировании. Изучение того, как в контексте развития институтов изменяются внутренние правила игры или, более того, как договариваются об этих правилах ее участники, является востребованной для объяснения институциональных трансформаций характеристикой.¹

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках деятельности Проектной группы работников факультета социальных наук НИУ ВШЭ: «Выявление эпистемических сообществ в парламентском поле России: опыт дискурс-сетевого анализа», <https://social.hse.ru/pg/parliament>.

¹ Статья написана по результатам исследования, проведенного в рамках одноименного курсового проекта.

Список литературы / References

- Мелешкина, Е. Ю. (2012) *Формирование новых государств в Восточной Европе*. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, сс. 1–251. [Meleshkina, E. Ju. (2012) *The formation of new States in Eastern Europe* [Formirovanie novykh gosudarstv v Vostochnoj Evrope], Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam Rossijskoj akademii nauk, pp. 1–251. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А. (2016) 'Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель?', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 171–183. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.12 [Pomiguev, I. A. (2016) 'The Council of the State Duma: is the real veto player or a technical performer?' [Sovet Gosudarstvennoï Dumy: real'nyi veto-igrok ili tehničeskii ispolnitel?], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2, pp. 171–183. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А. (2014) 'Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления', *Политическая наука*, 1, сс. 199–210. [Pomiguev, I. A. (2014) 'The concept of veto players: a new approach to the study of forms of government' [Konceptcija veto-igrokov: novyj podhod v izuchenii form pravlenija.], *Political science*, 1, pp. 199–210. (In Russ.)].
- Помигуев, И. А., Зарипов, Н. А. (2024) 'Между дисциплиной и ответственностью: политическая природа изменений Регламента работы нижней палаты парламента в России', *Политическая наука* (в печати). [Pomiguev, I. A., Zaripov, N. A. (2024) 'Between discipline and responsibility: the political nature of changes in the Rules of Procedure of the Lower house of Parliament in Russia' [Mezhdju disciplinoy i otvetstvennost'ju: političeskaja priroda izmenenij Reglamenta raboty nizhnej palaty parlamenta v Rossii], *Političeskaya nauka* (v pečati). (In Russ.)].
- Помигуев, И. А., Зарипов, Н. А. (2022) 'Влияние Совета законодателей на законотворческую деятельность региональных legislatures', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(4), сс. 345–362 [Pomiguev, I. A., Zaripov, N. A. (2022) 'Influence of the Council of Legislators on the legislative activity of regional legislatures' [Vlijanie Soveta zakonodatelej na zakonotvorčeskiju dejatel'nost' regional'nyh legislatur], *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 24 (4), pp. 345–362. (In Russ.)].
- Chaisty, P., Whitefield, S. (2023) 'Building voting coalitions in electoral authoritarian regimes: a case study of the 2020 constitutional reform in Russia', *Post-Soviet Affairs*, pp. 1–18.
- Chaisty, P., Whitefield, S. (2019) 'The political implications of popular support for presidential term limits in Russia', *Post-Soviet Affairs*, 35 (4), pp. 323–337.
- Elgie, R. (2005) 'From Linz to Tsebelis: three waves of presidential/parliamentary studies?', *Democratization*, 12 (1), pp. 106–122.
- Hoffman, D. C. (2006) 'Paine and prejudice: Rhetorical leadership through perceptual framing in Common Sense', *Rhetoric & Public Affairs*, 9 (3), pp. 373–410.
- Ilie, C. (2003) 'Discourse and metadiscourse in parliamentary debates', *Journal of language and Politics*, 2 (1), pp. 71–92.
- Kondratenko, N. V., Kiselova, A. A., Zavalska, L. V. (2020) 'Strategies and tactics of communication in parliamentary discourse', *Studies about languages*, 36, pp. 17–29.
- Kreppel, A., Tsebelis G. (1999) 'Coalition formation in the European Parliament', *Comparative Political Studies*, 32 (8), pp. 933–966.
- North, D. C. (1991) 'Institutions', *Journal of economic perspectives*, 5 (1), pp. 97–112.
- Reisigl, M. (2017) *The discourse-historical approach*, *The Routledge handbook of critical discourse studies*. Routledge, pp. 44–59.
- Schmidt, T. S., Schmid N., Sewerin S. (2019) 'Policy goals, partisanship and paradigmatic change in energy policy—analyzing parliamentary discourse in Germany over 30 years', *Climate Policy*, 19 (6), pp. 771–786.
- Schmidt, V. A. (2020) *Discursive Institutionalism as the Fourth 'New' Institutionalism, Interpreting politics: Situated knowledge, India, and the Rudolph legacy*. Oxford University Press.
- Tsebelis, G. (2022) 'Constitutional rigidity matters: A veto players approach', *British Journal of Political Science*, 52 (1), pp. 280–299.
- Tunyan, B., Goetz, K. H. (2024) 'Parliaments and evidence-based lawmaking in the Western Balkans: A comparative analysis of parlia-

mentary rules, procedures and practice’, *SIGMA*, 68, p. 155.

Vallejo, Vera S. (2023) ‘By invitation only: on why do politicians bring interest groups into committees’, *The Journal of Legislative Studies*, 29 (1), pp. 1–38. DOI: 10.1080/13572334.2021.1905327.

Wegmann, S. (2020) ‘Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective’, *The Journal of Legislative Studies*, pp. 1–25.

Wodak, R. (2009) *Discursive construction of national identity*. Edinburgh University Press, p. 288.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

"DISCUSSION ON THE RULES OF DISCUSSION": REASONS FOR THE CHANGE OF THE PARLIAMENTARY PROCEDURE IN THE DISCOURSE OF DEPUTIES ON THE EXAMPLE OF THE STATE DUMA OF THE VII CONVOCATION

N. Zaripov

Nikita Zaripov, graduate student, lecturer of the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences,

HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: nzaripov@hse.ru (ORCID: 0000-0003-4834-4665. ResearcherID: HHN-5790-2022).

Abstract. It is generally accepted that the parliamentary process is used to establish and regulate political processes within the legislature. Simultaneously, altering the norm itself is a challenging task that requires convincing parliamentarians of the need to change the "rules of the game". The current academic discourse explains internal changes through processes at the state level or among major actors of parliament, failing to consider the reasons stated by the delegates themselves, while their analysis allows us to determine the political ramifications of altering the process at the level of the participating parties themselves. Based on the materials from the work of the Russian State Duma of the VII convocation, this paper analyzes the justifications offered by delegates during discussions of the rules of procedure in plenary sessions. The analysis led to the conclusion that, depending on the specific amendment under consideration, the justification for the proposal may be related both to general trends in the state system and to elements of a political struggle among factions for control of the process. The debate over the dichotomy of "formal procedures vs. informal practices" played an important role in this discussion: proponents of the amendments cited formal rules as a means of limiting informal practices among deputies.

Keywords: parliamentary process; justification strategies; State Duma; regulations; parliamentary discourse; institutional transformation.

Financial support: The article was prepared as part of a project group of employees from the Faculty of Social Sciences at the Higher School of Economics on the topic of "Identifying Epistemic Communities in the Parliamentary Field of Russia: The Experience of Discourse Network Analysis". The project can be found at the following link: <https://social.hse.ru/pg/parliament>.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-49-58

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. С. Белоусова

Белоусова Наталья Сергеевна, студентка 4-го курса историко-политологического факультета, направление «Политология», Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия. E-mail: belousova.n.s@yandex.ru (ORCID: 0009-0004-4172-6964. ResearcherID: KXR-9311-2024).

Аннотация

Изучение взаимосвязи экономики и языковой политики представляет собой сравнительно небольшой блок исследовательской литературы. Однако если политэкономические эффекты языковой политики рассмотрены относительно подробно, то экономические детерминанты ее проведения требуют специального внимания. Влияет ли, и в связке с какими иными факторами, экономическое положение регионов, образованных по этноязыковому принципу, на практики институционализации языковой политики в них? В качестве переменных рассмотрены: экономическое положение региона, доля «титульной» этноязыковой группы в составе населения региона, электоральная поддержка партии «Единая Россия», принадлежность губернатора к «титульной» для региона этноязыковой группе, удаленность региона от федерального центра. Исследование проведено на примере 26 регионов РФ. Данные проанализированы за 2016 г. посредством качественного сравнительного анализа (QCA). В результате исследования центральная гипотеза о влиянии экономического положения региона на степень изучения «титульного» для него языка в сфере среднего образования не подтвердилась. Наиболее значимыми для практик институционализации языковой политики в сфере образования оказались доля этноязыкового меньшинства в составе населения региона, губернатор, принадлежащий к данному меньшинству, а также электоральная поддержка «Единой России» на национальных выборах.

Ключевые слова: языковая политика; языковой режим; языковое многообразие; этноязыковые меньшинства; QCA практики институционализации языковой политики; экономические основания языковой политики.

Введение

Языковую политику как «деятельность государства по регулированию собственной языковой парадигмы» нельзя рассматривать изолированно (Мустафина, 2015). Она вписывается в другие направления политики, принимает во внимание их цели и может иметь эффекты для них, но в то же время и иные отраслевые политические курсы и решения имеют значение для нее.

В исследовательской литературе сложилось два основных подхода к изучению языковой политики: социолингвистический, в рамках которого написана основная часть работ, и политэкономический. Следует отметить, что данные подходы не противопоставляются и не являются конкурирующими – наоборот, они концептуально и методологически дополняют друг друга.

Обычно в рамках социолингвистического подхода языковая политика рассматривается как совокупность мер и действий, «направленных на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе» (Борисова, 2017). В этом отношении большое внимание уделяется изучению связи языковой политики с социальной стабильностью и общественным благосостоянием. Объектом исследования становится языковая политика как фактор этнополитической конфликтности (Борисова & Бородина, 2016), как инструмент нациестроительства (Ачкасов, 2011) и т. д.

В исследованиях, выполненных в рамках политэкономического подхода, языковая политика рассматривается сквозь призму экономической теории, в частности теории рационального выбора. Объектами исследований становятся взаимосвязь языковых навыков индивида и его благосостояния

(например, размера доходов, успеха в карьере) (Хилханова, 2022), политэкономические эффекты языковой политики (Liu, 2015) и т. д. Последнее направление исследований представляет особый интерес в рамках данной работы.

Несмотря на разную теоретико-методологическую базу, представители обоих подходов сходятся в следующем: языковая политика имеет экономические последствия (Едличко, 2017). Исследователи также утверждают, что связь является обратной, однако политэкономическим эффектам языковой политики уделяется больше внимания, чем экономическим детерминантам ее проведения. На наш взгляд, это можно объяснить двумя факторами: 1) экономическая теория языковой политики сравнительно мало разработана в научной литературе, поскольку исследователи фокусируют свое внимание на достаточно узких вопросах (Кадочников, 2016); 2) косвенный характер взаимовлияния экономики и языковой политики в целом значительно затрудняет его выявление и анализ. Это обосновывает научную новизну данного исследования: взаимосвязь экономики и языковой политики остается малоизученной и недостаточно эмпирически подтвержденной как в русскоязычной, так и в зарубежной исследовательской литературе.

Российская Федерация, будучи федеративным многонациональным государством, которое имеет дисбалансы в социально-экономическом развитии, представляет особый интерес для изучения. Субъекты РФ образованы как по территориальному (края и области), так и по этноязыковому принципу (республики, автономные округа и автономная область). Несмотря на разный политико-институциональный статус (в частности, республики, в отличие от автономных округов и автономной области, имеют исключительное право устанавливать свои государственные языки, которые в разных сферах общественной жизни могут использоваться наравне с русским – государственным языком), последние обладают бóльшим потенциалом для проведения масштабной и глубокой языковой политики. Вместе с тем она различается от субъекта к субъекту как по практикам институционализации (например, закон о языках как один из основных нормативно-правовых актов, регламентирующих использование языков, принят только в 20 республиках из 22), так и по комплексности и вариативности (например, изучение башкирского языка в Башкортостане является факультативным, в то время как татарского в Татарстане – обязательным для всех). Мы исходим из того, что данные различия можно объяснить диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов РФ. Дело в том, что языковая политика как комплекс мероприятий, включающий в себя подготовку учителей, преподающих миноритарные языки, разработку учебных программ, методических материалов и так далее, нуждается в серьезном финансовом обеспечении (Борисова, 2020). Предполагается, что более экономически развитые регионы осуществляют более комплексную языковую преференциальную политику. Таким образом, в данной работе мы ставим перед собой следующий исследовательский вопрос: влияет ли, и в связке с какими иными факторами, экономическое положение регионов, образованных по этноязыковому принципу, на практики институционализации языковой политики в них?

Теоретическая рамка и обзор литературы

Исследователи утверждают, что в многонациональных государствах этническое и языковое многообразие приводит не только к социальным и политико-культурным последствиям, но и к экономическим.

В. Истерли и Р. Левин на материалах Южной Африки и Восточной Азии доказывают, что этноязыковая фрагментация оказывает неблагоприятное воздействие на экономическое развитие и рост (Easterly & Levine, 1997). Она снижает качество государственного управления и приводит к институциональной и бюрократической неэффективности, поскольку требует расширения государственного аппарата (Annett, 2000). Кроме того, этноязыковые группы часто вступают в конкуренцию друг с другом за доступ к материальным и символическим ресурсам, что увеличивает объем лоббирования и коррупции, приводит к нестабильности (Вебер & Гинзбург, 2013).

¹ Например, как уже отмечалось выше, экономическая логика принятия решений об изучении языков (Куприна Т. В., Иброхимов А. С. Иностранные языки vs экономические процессы: результаты взаимодействия // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 10. С. 52–60), влияние владения миноритарным языком на доход индивида (Хилханова Э. В. Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4) и др. Как утверждает Д. В. Кадочников, дело в том, что исследователи скорее адаптируют теоретико-экономические концепции под решение конкретных задач, нежели целенаправленно разрабатывают данную исследовательскую область, в которой еще не сложился консенсус в отношении концептуализации основных понятий, методологического аппарата и т. д.

В ситуациях, когда политико-институциональный статус языков становится дискриминирующим и ущемляющим для этнических меньшинств, этноязыковая фрагментация может привести к социальным расколам и этнополитическим конфликтам. Иногда в начале конфликта этнический фактор может не проявлять себя или быть второстепенным, в то время как выдвигаются политические, экономические и другие требования. Однако существует большая вероятность того, что по мере эскалации конфликта этнический фактор станет если не главным, то одним из доминирующих в конфликтном взаимодействии (Осколков, 2021). Вместе с тем существуют и обратные ситуации, когда реальной причиной этнополитических конфликтов, «завязанных» на языке, является борьба за власть и материальные ресурсы (Косухин, 2011). Так или иначе, любой социальный или этнополитический конфликт приводит к негативным экономическим последствиям, что позволяет говорить о тесной связи языковой политики и экономики (Вебер & Давыдов, 2017).

Вместе с тем и экономические факторы могут оказывать влияние на языковую политику. Как отмечает Ф. Грин, при ее проведении органы власти сталкиваются с необходимостью оценки затрат и приведения их в соответствие с бюджетными ограничениями (Grin, 2003). Действительно, языковая политика, определяющая то, какие языки используются в дело- и судопроизводстве, в символических целях (например, двуязычные указатели), изучаются в сфере начального, среднего и высшего образования и так далее, нуждается в серьезном материальном обеспечении. Например, наделение миноритарного языка статусом одного из языков судопроизводства требует наличия в штате переводчиков, которых необходимо специально обучать (Борисова, 2017).

Данный факт позволяет говорить о том, что акторы, определяющие вектор языковой политики, исходят не только из политических или культурных соображений, но и из экономических (Wickström, et al., 2017).

Дизайн исследования

Выборка. Выборка включает в себя 26 регионов РФ (21 республика, четыре автономных округа, одна автономная область). Республика Крым исключена из выборки, поскольку вариативность и практики институционализации языковой политики в ней формировались под влиянием иных, отличных от российских структурных, агентских, контекстуальных и институциональных факторов. Кроме того, к 2016 году прошло всего лишь два года с момента вхождения Крыма в состав РФ, что обуславливает отсутствие релевантных данных.

Изучение языка «титულიной» группы в сфере среднего образования является факультативным в 13 случаях, обязательным для представителей «титულიной» группы в трех случаях и обязательным для всех – в десяти случаях.

Мы обращаемся к данным за 2016 год, поскольку речь В. В. Путина, прозвучавшая в 2017 году на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле, положила начало унификации практик регулирования языкового многообразия в регионах РФ. Если ранее основные решения в сфере языковой политики принимались преимущественно на региональном уровне, то теперь в процесс их принятия начал активно вмешиваться федеральный центр. Именно поэтому языковая политика в регионах РФ до 2017 года представляет особый интерес для изучения.

Метод. Применение многоуровневой регрессии в отношении российских регионов ограничено малым количеством случаев. Именно поэтому в работе используется метод качественного сравнительного анализа (QCA), который позволяет выявить наличие связи между сочетаниями разных характеристик и определить, какие их комбинации способствуют тому или иному исходу.

Эмпирические индикаторы. Зависимой переменной является языковой режим, который определяется как «система правил и норм, регулирующих распространение и использование языка в сообществе» (Борисова, 2017). Представляется, что наиболее очевидным способом ее операционализации является определение статуса языка «титულიной» для региона группы. Однако, во-первых, формальное признание языка официальным на уровне региона не позволяет отследить фактические масштабы его изучения. Во-вторых, не все регионы РФ, образованные по этноязыковому принципу и включенные в выборку, обладают правом устанавливать свои государственные языки (автономные округа и автономная область). Именно поэтому языковой режим операционализируется через практики преподавания языков «титულიной» для региона группы как предмета в сфере среднего образования. Степень изучения языков отражает, с одной стороны, практики институционализации языковой политики, с другой – вариативность способов и моделей ее реализации.

В качестве независимой переменной выступает экономическое положение регионов РФ, которое «традиционно» измеряется через ВРП на душу населения. Мы исходим из того, что образование как один из основных каналов государственного вмешательства в сферу языка представляет собой очень крупную статью бюджетных расходов. Включение в учебные программы предметов, связанных с изучением миноритарных языков, особенно нуждается в финансовом обеспечении, поскольку это требует серьезной ресурсной и методической поддержки со стороны государства и / или региона (подготовка учителей, преподающих данные языки, разработка и печать новых учебников и т. д.). Следовательно, мы можем сформулировать следующую гипотезу.

H1: Более экономически развитые и богатые в ресурсном отношении регионы обеспечивают более высокую степень изучения миноритарных языков как предмета в сфере среднего образования.

Мы также выделяем четыре контрольные переменные, которые в соответствии с теоретическими ожиданиями могут влиять на вариативность и практики институционализации языковой политики в регионах РФ.

H2: Чем выше доля этноязыкового меньшинства в населении региона, тем больше вероятность, что степень изучения его родного языка как предмета в сфере среднего образования будет более высокой.

Э. Лю утверждает, что на степень признания миноритарных языков и масштабы их изучения влияет размер этноязыковой группы, который является ресурсом этнической мобилизации и эффективным инструментом продвижения «языковых требований» (Liu, 2015). Однако, как отмечает Н. В. Борисова, на практики институционализации языковой политики оказывает воздействие не столько абсолютная численность этноязыковой группы, сколько ее доля в населении региона (Борисова, 2019). Исследование о масштабах и факторах вариативности преподавания языков этнических меньшинств в регионах России, выполненное на основе регрессии, подтверждает данный тезис (Панов, 2018).

H3: Чем выше электоральная поддержка партии «Единая Россия», тем больше вероятность, что степень изучения языка «титულიной» для региона группы как предмета в сфере среднего образования будет более высокой.

Электоральные результаты региональных и национальных выборов позволяют говорить о том, что для этнических территорий характерна более высокая поддержка партии власти «Единая Россия». Как правило, исследователи связывают это с плотностью этнических социальных сетей, которые являются важным ресурсом для электоральной мобилизации (Мухаметов, 2021). Вместе с тем цели обеспечения политической лояльности партии «Единая Россия» могут быть разными. Мы исходим из того, что во многом она создается с целью сохранения существующих предпочтений или получения новых, в том числе касающихся культурных и языковых особенностей (Панов, 2019).

H4: Если глава региона принадлежит к той же этноязыковой группе, что и «титულიная» для региона группа, он будет способствовать более высокой степени изучения языков этнолингвистических меньшинств с целью создания постоянного этнического ядра их электоральной поддержки.

Эмпирические исследования показывают, что чаще всего представители «титულიных» этноязыковых меньшинств предпочитают видеть в лице главы региона человека из той же этнической группы (Аствацатурова, 2016). Дело в том, что он воспринимается как гарант защиты их этнической региональной автономии, который, несмотря на давление центра, может защитить их особый статус, культуру и язык (Шкель, et al., 2022). В этих условиях «этнический» губернатор как рациональный актер будет способствовать принятию мер, направленных на защиту и поддержку языка «титულიной» для региона группы, как с целью создания постоянного этнического ядра своей электоральной поддержки, так и из-за этноязыковой «солидарности».

H5: Чем больше регион удален от федерального центра, тем больше вероятность, что степень изучения языка «титულიной» для региона группы как предмета в сфере среднего образования будет более высокой.

Мы исходим из того, что более удаленные регионы России менее зависимы от федерального центра и более автономны в принятии решений.

Правила кодировки обозначенных переменных представлены в табл. 1.

Калибровка данных

Переменная	Описание	Тип / Кодировка	Источник
lang_regime	Языковой режим	Ранговая: «0» – язык «титულიной» для региона группы не изучается в школах;	Ethnic Regional Autonomies Database (ERAD)
		«0,33» – изучается, но факультативно; «0,66» – является обязательным для представителей этноязыковой группы; «1» – является обязательным для всех	
GRP_pc	ВПП на душу населения (2016)	Дихотомическая: «0» – регион относительно бедный (меньше медианы); «1» – регион относительно богатый (больше медианы)	Федеральная служба государственной статистики (Росстат)
share_titul_pop	Доля этноязыкового меньшинства в населении региона	Дихотомическая: «0» – сравнительно небольшая доля (меньше 50 %); «1» – высокая доля (больше 50 %)	Ethnic Regional Autonomies Database (ERAD)
UR_election	Электоральная поддержка партии «Единая Россия» на национальных выборах в Государственную Думу (2016)	Дихотомическая: «0» – поддержка сравнительно невысокая (меньше 50 %); «1» – высокая поддержка (больше 50 %)	Данные Центральной избирательной комиссии РФ
governor	Этническая принадлежность главы региона	Дихотомическая: «0» – не принадлежит к «титულიной» для региона группе; «1» – принадлежит к «титულიной» для региона группе	Биографические данные, размещенные на официальных сайтах регионов, и профайлы «Атласа этнических региональных автономий»
distance	Удаленность региона (расстояние между столицами региона и государства)	Дихотомическая: «0» – регион находится сравнительно близко (меньше медианы); «1» – регион находится сравнительно далеко (больше медианы)	Самостоятельный расчет по данным «Google Карт»

Кодирование истинности или ложности приведено в табл. 2.

Таблица истинности

region_name	lang_regime	GRP_pc	share_titul_pop	governor	distance	UR_election
Адыгея	0,66	0	0	1	0	1
Алтай	0,33	0	0	0	1	0
Башкортостан	0,33	1	0	1	0	0
Бурятия	0,33	0	0	0	1	0
Дагестан	0,33	0	1	1	1	1
Еврейская автономная область	0,33	1	0	1	1	0
Ингушетия	1	0	1	1	0	1
Кабардино-Балкария	0,66	0	1	1	0	1
Калмыкия	1	0	1	1	0	1
Карачаево-Черкесия	0,66	0	1	1	0	1
Карелия	0,33	1	0	0	0	0
Коми	1	1	0	0	0	0
Марий Эл	1	0	0	0	0	0
Мордовия	1	1	0	0	0	1
Ненецкий автономный округ	0,33	1	0	0	1	0
Саха (Якутия)	1	1	0	1	1	0
Северная Осетия – Алания	1	0	1	1	1	1
Татарстан	1	1	1	1	0	1
Тыва	0,33	0	1	1	1	1
Удмуртия	0,33	1	0	1	0	0
Хакасия	0,33	1	0	0	1	0
Ханты-Мансийский автономный округ	0,33	1	0	0	1	0
Чечня	1	0	1	1	1	1
Чувашия	1	0	1	1	0	0
Чукотский автономный округ	0,33	1	0	0	1	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,33	1	0	0	1	1

В результате исследования была сформирована следующая модель вариативности и практик институционализации языковой политики в регионах России. Анализ данных проведен в программе fsQCA. В качестве техники вывода данных использован алгоритм Куайна – Маккласка (табл. 3).

Результаты QCA

Комбинация условий	Raw coverage	Unique coverage	Consistency	Cases
~GRP_pc*share_titul_pop*governor*~distance	0.265519	0.0614628	0.864	Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Чувашия
share_titul_pop*UR_election*governor*~distance	0.265519	0.0614628	0.864	Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Татарстан
~GRP_pc*~share_titul_pop*~UR_election*~governor*~distance	0.0614628	0.0614628	1	Марий Эл
GRP_pc*~share_titul_pop*UR_election*~governor*~distance	0.0614628	0.0614628	1	Мордовия
Solution coverage: 0.449908	Solution consistency: 0.915			

Результаты

Согласно результатам QCA, покрытие представленных решений составляет около 45 %. Интересующая нас независимая переменная (ВРП на душу населения) фигурирует в трех сценариях, однако работает в соответствии с нашими теоретическими ожиданиями только в одном, сочетаясь с высокой электоральной поддержкой партии «Единая Россия» (кейс Мордовии). Таким образом, центральная гипотеза исследования не подтверждается.

Вероятно, на степень изучения миноритарных языков влияет не столько ВРП на душу населения, сколько зависимость бюджета региона от трансфертов из федерального бюджета. Дело в том, что высокая доля безвозмездных поступлений в бюджеты регионов со стороны федерального центра может повышать их зависимость от него и приводить к сужению областей использования миноритарных языков в соответствии с политикой центра (Одинг et al., 2019). Вместе с тем для автономных округов характерна низкая доля безвозмездных поступлений (4–8 %), но степень изучения миноритарных языков невысока – они изучаются только факультативно (Школик, 2011). Можно предположить, что, во-первых, автономные округа ввиду специфики региональной экономики, связанной с нефте- и газодобычей, вносят в выборку отклонения в отношении экономических показателей (в частности, ВРП на душу населения в них значительно выше). Во-вторых, из-за добычи углеводородов для данных регионов характерна постоянная, масштабная трудовая миграция, что «размывает» общественный запрос на изучение миноритарных языков итак малочисленных коренных народов Севера. Так или иначе, примечательно, что в двух сценариях (менее статистически значимых, но объясняющих большее количество случаев) важной является комбинация высокой доли этноязыкового меньшинства в населении региона и принадлежности губернатора к данному меньшинству. Во многом это подтверждает гипотезу о том, что губернатор из той же этнической группы способствует принятию мер, направленных на защиту миноритарных языков.

Заключение

По результатам работы можно отметить, что центральная гипотеза о том, что более экономически развитые и богатые в ресурсном отношении регионы обеспечивают более высокую степень изучения миноритарных языков как предмета в сфере среднего образования, не подтверждается. Наиболее значимыми для практик институционализации языковой политики в сфере образования являются доля этноязыкового меньшинства в составе населения региона, принадлежность губернатора к данному меньшинству, а также электоральная поддержка «Единой России» на национальных выборах.

Таким образом, переменные, использованные в данном исследовании, не оказывают непосредственного влияния на вариативность и практики институционализации языковой политики – они не являются необходимыми или достаточными причинами для ожидаемого результата. Тем не менее при определенных обстоятельствах каждая из них может повлиять на результат. Это позволяет говорить о том, что на вариативность и практики институционализации языковой политики влияет сложная конфигурация факторов. Это требует дальнейшего эмпирического исследования.

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2011) 'Язык как инструмент «Строительства нации»: постсоветский контекст', *Политическая наука*, сс. 204–2018. [Achkasov, V. A. (2021) 'Language as a tool for "Nation Building": the post-Soviet context' [Yazyk kak instrument «Stroitel'stva natsii»: postsovetskii kontekst], *Politicheskaya nauka*, pp. 204–2018. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия. [Borisova, N. V. (2017) *When languages are on fire: challenging language regimes as a challenge to balance in interethnic relations* [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhethnicheskikh otnosheniyakh], Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В. (2019) 'Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных', *Вестник Пермского университета*, сс. 99–10. [Borisova, N. V. (2019) 'Language preferential policy and language policy in the ethnic republics of Russia: presentation of the database' [Yazykovaya preferentsial'naya politika i politika yazyka v etnicheskikh respublikakh Rossii: predstavlenie bazy dannykh], *Vestnik Permskogo universiteta*, pp. 99–110. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В. (2020) 'Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения', *Социо- и психолингвистические исследования*, сс. 7–16. [Borisova, N. V. (2020) Language policy in the regions of modern Russia: resource opportunities, public demand and political constraints [Yazykovaya politika v regionah sovremennoj Rossii: resursnye vozmozhnosti, obshchestvennyj zapros i politicheskie ogranicheniya], *Socio-i psiholingvisticheskie issledovaniya*, pp. 7–16. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В., Бородина, Л. С. (2016) '«Борьба за язык» и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии', *Ars Administrandi*, сс. 95–112. [Borisova, N. V., Borodina, L. S. (2016) 'The "Struggle for language" and language preferential policy as factors of ethno-political conflict in modern India' [«Bor'ba za yazyk» i yazykovaya preferentsial'naya politika kak faktory etnopoliticheskoy konfliktnosti v sovremennoj Indii], *Ars Administrandi*, pp. 95–112. (In Russ.)].
- Вебер, Ш., Гинзбург, В. (2013) *Лингвистическое разнообразие, культура и экономика*. Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. Санкт-Петербург, СПбГУП, сс. 47–51. [Veber, Sh., Ginzburg, V. (2013) *Linguistic diversity, culture and economics* [Lingvisticheskoe raznoobrazie, kul'tura i ekonomika], Dialog kul'tur: cennosti, smysly, kommunikacii, Sankt-Peterburg, SPbGUP, pp. 47–51. (In Russ.)].
- Вебер, Ш., Давыдов, Д. В. (2017) 'Социально-экономические эффекты языкового разнообразия', *Вопросы экономики*, сс. 50–62. [Veber, Sh., Davydov, D. V. (2017) 'Socio-economic effects of linguistic diversity' [Social'no-ekonomicheskie efekty yazykovogo raznoobraziya], *Economic issues*, pp. 50–62. (In Russ.)].
- Едличко, А. И. (2017) 'Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства', *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, сс. 118–126. [Edlichko, A. I. (2017) 'Commercialization of language in the aspect of the state's language policy' [Kommercializaciya yazyka v aspekte yazykovoj politiki gosudarstva], *Bulletin of the Moscow University*, pp. 118–126. (In Russ.)].
- Кадочников, Д. В. (2016) 'Теоретико-экономический взгляд на языковую политику', *Вопросы экономики*, 2, сс. 128–140. [Kadochnikov, D. V. (2016) 'Theoretical and economic view of language policy' [Teoretiko-ekonomicheskij vzglyad na yazykovuyu politiku], *Economic issues*, pp. 128–140. (In Russ.)].
- Косухин, Н. Д. (2011) 'Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология. Часть I', *Вестник Российского университета дружбы народов*, сс. 48–58. [Kosukhin, N. D. (2011) 'Ethno-political conflicts in Africa: origins and typology' [Etnopoliticheskie konflikty v Afrike: istoki i tipologiya], *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, pp. 48–58. (In Russ.)].

- Мустафина, Д. Н. (2015) *Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики* [Mustafina, D. N. (2015) *Regional languages: Russian and European experience of language policy* [Regional'nye yazyki: rossijskij i evropejskij opyt yazykovoj politiki] (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С. (2021) 'Региональные вариации голосования за "Единую Россию": роль глав регионов', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, сс. 110–119. [Mukhametov, R. S. (2021) 'Regional variations of voting for United Russia: the role of regional heads' [Regional'nye variacii golosovaniya za "Edinuyu Rossiyu": rol' glav regionov], *Bulletin of the Perm University. Series: Political Science*, pp. 110–119. (In Russ.)].
- Одинг, Н. Ю., Юшков, А. О., Савулкин, Л. И. (2019) 'Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты', *Terra Economicus*, сс. 112–130. [Oding, N. Yu., Yushkov, A. O., Savulkin, L. I. (2019) 'The use of national languages as state languages in the Republics of the Russian Federation: legal and economic aspects' [Ispol'zovanie nacional'nyh yazykov kak gosudarstvennyh v respublikah RF: pravovye i ekonomicheskie aspekty], *Terra Economicus*, pp. 112–130. (In Russ.)].
- Осколков, П. В. (2021) *Очерки по этнополитологии*. Москва: Аспект Пресс. [Oskolkov, P. V. (2021) *Essays on ethnopolitology* [Ocherki po etnopolitologii], Moscow: Aspect Press. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2018) 'Языки меньшинств в школьном образовании в России: масштабы и факторы вариативности', *Вестник Пермского университета*, сс. 120–136. [Panov, P. V. (2018) *Minority languages in school education in Russia: the scale and factors of variation* [Yazyki men'shinstv v shkol'nom obrazovanii v Rossii: masshtaby i faktory variativnosti], *Vestnik Permskogo universiteta*, pp. 120–136. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2019) 'Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, сс. 53–61. [Panov, P. V. (2019) 'Spatial localization of ethnic groups as a factor of voting in elections in the National Republics of the Russian Federation' [Prostranstvennaya lokalizaciya etnicheskikh grupp kak faktor golosovaniya na vyborah v nacional'nyh respublikah Rossijskoj Federacii], *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, pp. 53–61. (In Russ.)].
- Шкель, С., Щербак, А., Ткачева, Т. (2022) 'Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России', *Социологическое обозрение*, сс. 38–70. [Shkel, S., Shcherbak, A., Tkacheva, T. (2022) 'The anatomy of loyalty: mechanisms for the formation of electoral supermajority in the ethnic republics of modern Russia' [Anatomiya loyality: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverhbol'shinstva v etnicheskikh respublikah sovremennoj Rossii], *The Sociological Review*, pp. 38–70. (In Russ.)].
- Школик, О. А. (2011) 'Финансовый потенциал нефтегазодобывающих регионов России', *Экономические и гуманитарные исследования регионов*, сс. 211–220. [Shkolik, O. A. (2011) 'The financial potential of the oil and gas producing regions of Russia' [Finansovyj potencial neftegazodobyvayushchih regionov Rossii], *Economic and humanitarian studies of the region*, pp. 211–220. (In Russ.)].
- Annett, A., (2000) *Social Fractionalization, Political Instability, and the Size of the Government*. International Monetary Fund.
- Easterly, W. & Levine, R., (1997) 'Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions', *Quarterly Journal of Economics*, pp. 1203–1250.
- Ginsburgh, V. & Weber, S., (2020) 'The Economics of Language', *Journal of Economic Literature*, pp. 348–404.
- Grin, F., (2003) 'Language Planning and Economics', *Current Issues in Language Planning*, pp. 1–66.
- Liu, A., (2015) *Standardizing Diversity: The Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Wickström, B.-A., Templin, T. & Gazzola, M., (2017) *An Economics Approach to Language Policy and Linguistic Justice*. Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**ECONOMIC FOUNDATIONS OF LANGUAGE POLICY:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

N. Belousova

Natalya Belousova, 4th year student of the Faculty of History and Political Science,
Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: belousova.n.s@yandex.ru (ORCID: 0009-0004-4172-6964. ResearcherID: KXR-9311-2024).

Abstract. The study of the relationship between economics and language policy is a relatively small block of research literature. However, if the political and economic effects of language policy are studied more thoroughly, the economic determinants of its implementation require special attention. Does the economic situation of regions formed according to the ethnolinguistic principle affect the practices of institutionalization of language policy in them and in conjunction with other factors? The article considers the following variables: the economic situation of the region, the share of the "titular" ethnolinguistic group in the population of the region, the electoral support for "United Russia", the affiliation of the governor of the region with the "titular" ethnolinguistic group, the distance of the region from the federal center. The study is conducted on the example of 26 regions of the Russian Federation. The qualitative comparative analysis (QCA) of the 2016 data negates the central hypothesis about the influence of the economic status of the region on the level of learning the "titular" language during secondary education. The ethnolinguistic minority's share in the population, the governor's affiliation with this minority, and the electoral support of "United Russia" in national elections had the greatest impact on the institutionalization practices of language policy in education.

Keywords: language policy; language regime; linguistic diversity; ethnolinguistic minorities; qualitative comparative analysis (QCA); the practices of institutionalization of language policy; economic foundations of language policy.

УДК-323.173

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-59-68

АВТОНОМИЗМ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА

Ю. Н. Фролова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Институт истории и социальных наук,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Аннотация

Посвящена проблематике сепаратизма, в частности одной из его форм – автономизму внутригосударственных регионов и его возможным последствиям и влиянию на суверенитет. Автор делает акцент на том, что чаще именно сецессионизм рассматривается как основная угроза суверенному государству, однако автономизм, трансформируя суверенное государство изнутри, вероятно, формирует не менее серьезные вызовы. Методологическая основа работы представлена теориями суверенитета, регионализма, автономизма, сепаратизма, а также концептом внутригосударственного региона как актора мировой политики. Уделяется внимание проблематике трансформации суверенитета в современном мире и тому, какие именно перспективы этот процесс создает для развития движения автономизма. Рассматривая отдельные примеры автономизма, автор формулирует тезис о комплексности данного явления: это не только движение за приобретение политической субъектности, но и некоторая аналитическая и практически существующая структура, состоящая из указанного движения, а также многообразия взаимосвязанных акторов и проектов, которые в результате возникают как внутри государства, так и вне его – на пространстве всей мировой политики. В результате формулируются выводы о возможных последствиях для суверенитета, а также определяются дальнейшие направления исследования вопроса.

Ключевые слова: автономизм; сепаратизм; суверенитет; внутригосударственный регион; регионализм; Европа регионов; субъектность.

Введение

Сепаратизм является одним из глобальных вызовов для значительного количества суверенных государств мира как практическая реализация столкновения концептов суверенитета и права на самоопределение. В политическом движении сепаратизма можно выделить два направления: сецессионизм (как движение по достижению независимости территории) и автономизм (как движение, целью которого является расширение прав и автономии территории, а также повышение ее статуса внутри государства). В научной литературе чаще именно сецессионизм представляется как основная угроза суверенному государству, а значит, и основам миропорядка, и на его изучение направлено основное внимание академического сообщества. Однако автономизм представляет собой не меньшую угрозу, направленную на трансформацию суверенного государства изнутри. Важным для международной безопасности аспектом является не только изучение тех процессов, которые происходят внутри государства с развитием автономий, но и того, каким образом автономистские процессы влияют на общую структуру акторов мировой политики, а также как формируется взаимодействие с другими акторами. Целью данного исследования является выявление особенностей влияния процессов автономизма на мировую политику в целом, а также взаимосвязи феномена с трансформацией суверенитета в современном мире.

Обзор литературы

Давая характеристику современному состоянию исследований по проблеме, стоит отметить, что разные аспекты сепаратизма исторически вызывают большой интерес академического сообще-

ства, и работ по данной теме колоссальное количество. Укрупненно среди них можно выделить следующие категории. Первая группа работ связана с конструированием различных теорий суверенитета (Кокошин, 2006; Мусихин, 2010; Орлов, 2007; Сергунин, 2010; Черняк, 2005; Saeger, Costa, 2019; Srivastava, 2022; Duke, 2021) и проблемами его трансформации в современном мире (Энтин, Энтина, Толкунова, 2019; Евстафьев, Межевич, 2022; Вело, 2022; Grinin, 2018). Вторая группа представляет аспекты реализации права на самоопределение (Грушкин, 1997; Ланцов, 2012; Макаренко, 2009; Мартынов, 2000; Etzioni, 1993; Radan, 2018; Bursac, 2010). Отдельно стоит выделить группу работ по проблематике негосударственных акторов мировой политики (Цыганков, 2013; Холдоров, 2017; Wolfers, 1959; Risse, 2002), в особенности о роли регионов (Лебедева, Кузнецов, 2019; Макарычев, 2010; Барабанов, 2005; Faraj, Najm, 2022), а также о соотношении категорий «актор», «субъект», «агент» политики (Беляева, 2011; Скопин, Климов, Зайцев, 2015).

Отдельную, одну из наиболее многочисленных групп занимают исследования, посвященные различным кейсам европейского сепаратизма (Хенкин, 2016; Барабанов, 2005; Кожановский, 2014; Данилевич, 1995; Орошин, 2019; Еремина, 2011; McStone, Keating, 2022; Goga, 2021 и др.), особенно вопросам автономизма (Аникеева, 2007; Коваль, 2012; Дерябина, 2009; Иванов, 2013; Орлова, 2013; Грабевник, 2018; Peterlini, 2009), а также комплексные работы по особенностям европейского сепаратизма (Осколков, 2021; Институт Европы 2015). Стоит отметить, что в силу популярности тематики сепаратизма в научной литературе он рассматривается с самых разных точек зрения: существует пласт работ, помещающих сепаратизм в этнополитическую рамку исследования (Horowitz, 1985; Тишков, Шабаев, 2011; Тишков, 2003); работы, рассматривающие сепаратизм с точки зрения национализма (Smith, 1979; Gellner, 1983; Breuilly, 1982; Seton-Watson, 1977); работы, исследующие его с точки зрения практики международного права (Perea Unceta, 2014; Closa, 2017); работы, предлагающие системную пространственную типологизацию сепаратизма (Попов, 2012; Заяц, 1999) и др.

Методология

Теоретическая рамка исследования основана на комбинации ряда концепций. В работе Ф. А. Попова «География сепаратизма» автономизм рассматривается как один из вариантов сепаратизма – повышение степени автономии территории в рамках существующего государства (Попов, 2021: 23). В некотором смысле автономизм схож с понятием регионализма, при этом некоторые авторы (Заяц, 1999) рассматривают регионализм и автономизм как две последовательные стадии развития политической самостоятельности актора. Автономизм в работах Ф. А. Попова имеет сходство с концептом регионализма в работах П. В. Панова как движения, «которое стремится к политическому конструированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс» (Панов, 2020: 105), однако, как подчеркивает автор, регионализм более точно формулируется не через требование автономии, а через требование субъектности, в связи с чем автор выделяет три варианта коннотации регионализма. Кроме того, в отечественной научной литературе регионализм рассматривается не только как движение внутригосударственных регионов, но он также актуален в контексте образования наднациональных и транснациональных регионов. Такие процессы могут называться трансрегионализацией (Кузнецов, 2021), регионализмом (Лагутина, Михайленко, 2020), трансрегионализмом (Лебедева, Кузнецов, 2019). Такая многоликость термина связана с многообразием исследовательских задач, которые формируются вокруг него: «если в рамках раннего регионализма регион рассматривался преимущественно как пространство, расположенное между национальным и локальным уровнями внутри отдельно взятого государства (микрорегионы), то в современных исследованиях речь идет о выходе региона на макрорегиональный уровень» (Лагутина, Михайленко, 2020: 268). Следует отметить, что мы не можем полностью заменить регионализм на автономизм применительно к внутригосударственным регионам, так как в рамках теории регионализма П. В. Пановым предлагаются модели, служащие аналитическим инструментом при исследовании конкретных эмпирических случаев.

Классическое, или вестфальское понимание суверенитета, введенное работами Ж. Бодена в XVI веке и закрепившееся в процессе становления Вестфальской системы международных отношений в 1648 году, подразумевало под собой определенную гомогенную характеристику высшей степени субъектности политического актора. Принимая во внимание многообразие подходов к категории субъектности и ее использование в качестве общенаучной категории, в данной работе под политической субъектностью мы понимаем обретение механизмов и ресурсов собственного влияния на процессы. Суверенитет как экстремум этой субъектности долгое время являлся неотъемлемым атри-

бутом лишь государств, не предполагая собой выделения каких-либо отдельных элементов внутри (нередко упоминающееся деление суверенитета на внешний и внутренний не лишало его целостности). С развитием процессов глобализации не раз ставился вопрос об «отмирании» суверенитета, его «размывании», ограничениях и т. д. Стоит хотя бы вспомнить бурный рост количества теорий толкования суверенитета в XX в. Автор придерживается тезиса, что «десуверенизация глобальных процессов – пройденный этап» (Евстафьев, Межевич, 2022: 121), однако это не означает возвращения вестфальского суверенитета. Суверенитет становится многослойным, негомогенным, ситуативным, инструментальным. Выделяются виды суверенитета: информационный, продовольственный, экономический и т. д. При этом границы одного вида могут не совпадать с другим: так, «границы информационного суверенитета не совпадают с государственными» (Евстафьев, Межевич, 2022: 126). По некоторым данным, суверенитет перестает быть эксклюзивной характеристикой государств: так, утверждается право на формирование концепции «европейского суверенитета» (Made-to-measure Future(s)..., 2023: 151) как качественно иной формы субъектности.

Следующая методологическая категория, использованная в работе, – концепт внутригосударственного региона как актора мировой политики. В рамках данного исследования такой подход принципиально важен в связи с тем, что изучается влияние автономизма на мирополитические процессы, а не на процессы внутри государства. В современной науке о международных отношениях принято выделять крайне неоднородную и трудно поддающуюся подсчету группу негосударственных акторов мировой политики. Исследованиям роли негосударственных акторов в мировой политике дали толчок работы транснационалистов (прежде всего, Дж. Ная и Р. Кохейна). Ряд исследователей (например, М. М. Лебедева) к одним из наиболее влиятельных акторов мировой политики относят внутригосударственные регионы. Трансграничное взаимодействие регионов, особенно в экономической плоскости, не является чем-то новым и уникальным для истории, однако на сегодняшний день выявляются формы такого взаимодействия, которые носят все более политический и самостоятельный характер, ставящий под угрозу суверенные функции государства. Особенно это проявляется в европейском регионе, где, в частности, стала популярной концепция «Европа регионов», которая в своей реализации открывает широкие возможности для развития субъектности регионов.

Автономизм внутригосударственных регионов

Существуют отдельные исследования, демонстрирующие, что современные сепаратистские движения далеко не всегда ставят своей целью получение независимости. Более того, в последние годы в ряде регионов мира наблюдается тенденция отказа сепаратистов от проекта построения независимого суверенного государства и акцент на усиление субъектности внутригосударственных регионов. В этих случаях часто расширение автономии и приобретение определенной степени политической субъектности, в том числе для трансграничного взаимодействия с другими акторами за пределами суверенного государства, являются достаточными. По нашему мнению, автономизм представляет собой не просто движение какого-либо региона в сторону повышения субъектности, но и те внешние и внутренние факторы и проекты, которые формируются вокруг этого движения и в некоторых случаях являются определяющими для него. В результате формируется автономистский конструкт взаимодействующих элементов: регион, внешние силы, акторы и проекты. Следующие примеры демонстрируют многогранность проявлений, географии и влияния автономизма, среди которых: движение автономизма как создание конфедерации автономий вместо национальных государств; деятельность Комитета регионов в ЕС; движение автономизма для создания европейских регионов (особняком здесь стоит ситуация вокруг Северной Ирландии); формирование с помощью автономизма площадки для вмешательства внешних участников; повышение роли автономистских акторов с целью влияния на национальную политику.

В первую очередь среди таких примеров можно выделить идею создания курдских трансграничных автономий – автономизм как создание конфедерации автономий. Данный проект возник в качестве ответа на неприятие национального государства как продукта «капиталистической гегемонии (Европы)» (Лебский, 2017: 245). В качестве альтернативы рассматривается единая демократическая конфедерация автономных образований. Идея системы таких автономных сообществ также предполагает, что решения должны приниматься не в центре «национального государства», а на максимально низовом региональном уровне. В свою очередь, объединение таких автономий в конфедерацию гарантирует взаимосвязь органов местного самоуправления, где «решения принимаются не в отрыве друг от друга и не ограничиваются местными проблемами и обсуждениями» (Йонгерден,

2017: 251). Стоит отметить, что эта идея в целом экстраполируется и на весь Ближний Восток как способ решения непрекращающихся конфликтов между государствами и внутри них: «это единый обновленный Ближний Восток, вышедший из стадии непрекращающейся национально-религиозной резни» (Лебский, 2017: 245). Такая автономизация способствует максимальной децентрализации власти и вовлечению в процесс управления всех заинтересованных социальных акторов (своего рода возврат к практикам демократии Древней Греции).

Средоточием примеров автономизма является европейский регион. Здесь автономизм представляется в виде идеи европейских регионов, которые обладают значительным суверенным инструментарием. Практикой автономизма можно считать интерес со стороны умеренных баскских сепаратистов в лице правящей в регионе партии БНП (Баскской националистической партии) к различным формам трансграничного взаимодействия, в том числе в рамках Комитета регионов ЕС, активную политическую коммуникацию со своими диаспорами за рубежом, инициативы по повышению политической роли автономного сообщества, а также тезис руководства региона о том, что он европейский, а не испанский. При этом сама БНП на сегодняшний день не поддерживает идею сецессии. Схожая позиция относительно принадлежности региона к Европе наблюдается и в деятельности ШНП (Шотландской национальной партии), однако она, в свою очередь, представляет собой классического сецессионистского актора: с учетом планов «вернуть регион»¹ ЕС как суверенного актора, а также широкой кампании в поддержку референдума о независимости Шотландии от Великобритании. Элементом в структуре автономизма представляется и лидирующая партия Корсики – *Femu a Corsica* («Давайте сделаем Корсику») – с ее требованиями признания статуса корсиканского народа и языка с одновременным сохранением конструктивного диалога с Парижем. С учетом классификации моделей регионализма П. В. Панова (Панов, 2020: 112), представляется, что указанные случаи укладываются в описание всех трех моделей, где баскский регион иллюстрирует первую модель, когда «состояние отношений между центром и регионом уже характеризуется “наличием” у региона политической субъектности» (Панов, 2020: 112) – в данном случае зафиксированном в Статуте Герники 1979 г., а центр (испанское правительство) развивает взаимодействие с регионом, исходя именно из наличия этой субъектности. Стоит, правда, отметить, что в самой Стране басков регионалистское движение расколото: существуют как сецессионистские акторы (в лице партии *Eh Bildu* («Соберем Страну басков!»)), так и умеренные автономистские. Ситуация вокруг Корсики, вероятно, может классифицироваться в рамках второй модели, когда регион не обладает политической субъектностью, хотя некоторые элементы таких стремлений присутствуют. И третья модель иллюстрируется взаимоотношениями Шотландии и Великобритании, где центр не желает признавать политическую субъектность региона, хотя такое желание у самого региона присутствует. Такого рода регионализм уже не является автономизмом ввиду наличия сецессии как ключевой цели.

Другой пример реализации инструментария суверенитета – стоит отметить, уникальный для Евросоюза, – феномен Комитета регионов. Будучи изначально консультативным органом, на сегодняшний день этот институт представляет собой значимый инструмент влияния на политику ЕС (особенно после подписания в 1997 г. Амстердамского договора, по результатам которого орган фактически получил автономию), в рамках которого возрастает количество обязательных для институтов ЕС заключений. Для темы данной статьи примечательной является основная инициатива 2021 г.: «вернуть трансграничное сотрудничество на первое место в политической повестке дня ЕС» (Кондратьева, 2021). Имея в своей основе принцип субсидиарности (а именно обеспечение принятия решений на уровнях, максимально близких к гражданам) и концепцию «Европа регионов», Комитет регионов ЕС развивает активную деятельность на пространстве Союза. Логика деятельности Комитета основывается на тезисе, что современная мировая политика позволяет реализовать демократические ценности не только посредством национальных государств, но и других – субрегиональных и наднациональных акторов. Таким образом, в случае обладания значительными правами регионы ЕС сами по себе могли бы обеспечивать своих граждан требуемым демократическим управлением без посредничества национального центра. Передача большего числа суверенных полномочий на уровень

¹ Премьер Шотландии пообещала вернуть регион в ЕС в скором времени (2021) [Электронный ресурс]. *Интерфакс*, 1 янв. URL: <https://www.interfax.ru/world/743827> (дата обращения: 03.03.2024)

² Radiofrance. Gilles Simeoni: "Je suis dans une position de combat politique pour faire reconnaître mon peuple et ses droits". Available at: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/le-7-9/gilles-simeoni-je-suis-dans-une-position-de-combat-politique-pour-faire-reconnaitre-mon-peuple-et-ses-droits-6869640> (Accessed 24 March 2024).

регионов (а это одно из ключевых направлений деятельности Комитета¹) позволяет более эффективно и оперативно решать насущные проблемы. Интересно посмотреть и на то, находят ли подобные политические инициативы поддержку среди граждан ЕС, для чего обратимся к некоторым социологическим опросам. Проект *Future of Europe* демонстрирует, что у регионов все еще недостаточно полномочий, чтобы влиять на будущее Европы (64 %). А по другим данным значительная часть респондентов (25 %)² отметила в качестве приоритетного направления трансграничное взаимодействие с другими регионами. Такого рода процессы интересны европейским сепаратистам. С другой стороны, мы, вероятно, можем наблюдать парадокс: этот проект может действительно способствовать объединению Европы, но уже не Европы наций, а Европы регионов, где речь идет не о формировании сецессионизма, а об установлении автономизма.

На сегодняшний день в русле автономизма развивается и взаимодействие Северной Ирландии с Великобританией и ЕС посредством механизмов Североирландского протокола. Кейс Северной Ирландии несколько отличается от модели европейского региона по двум причинам: механизмы, созданные в результате Брексита, обладают своей уникальной спецификой; ключевые политические акторы на территории Северной Ирландии не являются строго автономистскими. Североирландский протокол в условиях Брексита де-факто «оставил» Северную Ирландию в составе ЕС, особенно это коснулось торговой политики. Данное соглашение регулирует движение товаров между Республикой Ирландия, Северной Ирландией и Великобританией, чтобы избежать «жестких» границ на острове. В 2023 году было заключено Виндзорское соглашение⁴, которое предусматривает дополнительные условия к Североирландскому протоколу, в том числе так называемый Стормонтский тормоз, который позволяет Ассамблее Северной Ирландии приостановить применение правил единого рынка ЕС в регионе. Парадоксально, что сами политические силы Северной Ирландии вряд ли можно классифицировать как автономистские (но можно говорить о регионализме): большинство мест в парламенте занимают либо строго сецессионистские силы (партии «Шинн Фейн»), либо юнионистские (ДЮП – Демократическая юнионистская партия), либо партии, дистанцировавшиеся от вопросов национализма / юнионизма (партия «Альянс» Северной Ирландии). Тем не менее уникальные механизмы, созданные в результате Брексита, фактически обеспечивают региону существование в рамках автономизма – получение высокого уровня субъектности и ряда суверенных инструментов с отсутствием перспектив на сецессию.

На наш взгляд, феномен автономизма во многом связан с трансформацией суверенитета в явление операционное с наличием конкретного «инструментария для обеспечения и политической воли» (Евстафьев, Межевич, 2022: 140). В этой ситуации суверенитет уже не интересен сам по себе как гомогенная характеристика, а нужны лишь определенные суверенные инструменты и функции (в ограниченном формате) для достижения конкретных целей. В условиях формирования постглобального мира внутригосударственные регионы сами становятся важными акторами мировой политики. С одной стороны, процессы автономизма не ведут напрямую к нарушению суверенности государств и их территориальной целостности, с другой – расширение полномочий региональных правительств и углубление их автономии фактически говорит о «перетягивании» ряда суверенных функций от центра к периферии, что, в свою очередь, «размывает» государственный суверенитет. От гомогенного, сакрального и эксклюзивного, дозволенного лишь национальным государствам, суверенитет становится все более практической категорией, включающей в себя отдельные самостоятельные элементы. Суверенитет фактически становится «многослойным», и эта «многослойность» дополняется новыми «слоями», которые возникают в результате ответа на вызовы времени. Примером появления нового «слоя» как ответа на современные вызовы является возникновение «суверенитета данных» как способности привести информационную, коммуникационную инфраструктуру и технологии в соответствие с законами, потребностями и интересами города, региона или страны, в которых находятся пользователи (*Made-to-measure Future(s)...*, 2023: 113). Такая задача явилась следствием стремительного развития цифровых технологий в последние годы и актуализировалась в результате

¹ Political Priorities 2020-2025. European Committee of the Regions. Available at: <https://cor.europa.eu/en/our-work/Pages/cor-priorities.aspx> (Accessed 10 November 2023).

² European Committee of the Regions. Local politicians of the EU and the Future of Europe. Report July-September 2021 (2021). *Flash Barometer*, October. Available at: <https://cor.europa.eu/en/our-work/EURegionalBarometerDocs/Survey%20Report.pdf> (Accessed 10 November 2023).

³ Regional and local barometer. Influence of regions and cities (2022). *Regional and local barometer*. Available at: https://cor.europa.eu/en/our-work/Documents/Local%20Politicians_infographics-%20barometer.pdf (Accessed 10 November 2023).

⁴ Northern Ireland Protocol: The Windsor Framework (2023). *House of commons Library*, 21 March. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9736/CBP-9736.pdf> (Accessed 20 March 2024).

пандемии ковида. Суверенное государство представляет собой эффективный инструмент управления сообществом в обеспечении безопасности и противостоянии окружающим «другим». Однако, если «этот специализированный орган сообщества – государство – демонстрирует глубокий и не поддающийся быстрому исправлению провал управления, у сообщества возникает соблазн «отступить» в политической практике к более ранним синкретическим формам организации; поддаваясь этому соблазну, сообщество возвращает себе функции политической субъектности» (Лапкин, 2023: 175). Представляется, что такого рода процессы могут происходить разными способами. Самый старый формат – возвращение государству ограниченной функции «ночного сторожа» с ограничением его вмешательства в другие сферы общественной жизни. Более современной тенденцией являются различные формы построения глобального гражданского общества как более эффективного инструмента для решения глобальных проблем (а) и как альтернатива дискредитировавшей себя модели неоллиберальной демократии, провозгласившей ранее свое главенство в мире (б). Формирование автономизированных сообществ и / или регионов через принцип субсидиарности также представляет собой форму передачи политической субъектности на уровень сообщества.

Еще одна грань автономизма, оказывающая значительное влияние как на суверенитет, так и на мирополитические процессы, – ситуации, в которых автономизированные территориальные единицы формируют площадку для вмешательства внешних акторов и реализации их собственных интересов на международной арене, иногда и в разрез с национальными интересами. Вспомним случай Гренландии и возросший к ней интерес со стороны крупных государств (прежде всего, США и Китая) после роста важности Арктики в мировой политике. Арктика становится внешнеполитическим приоритетом номер один для многих государств, что отмечено, в частности, в Концепции внешней политики РФ 2023 года¹, Стратегии национальной безопасности США 2022 года², а также Белой книге Китая³. Так, начиная с 2000-х годов Китайская Народная Республика наращивает связи с островом, делая ставку на экономическое и научное сотрудничество (Криворотов, 2021), что вписывается в логику их основной инициативы «Один пояс – один путь». По имеющимся данным, китайская сторона ежегодно отправляет своих рабочих на рыбопереработку в Гренландии, проводит культурные обмены и разрабатывает горнодобывающие проекты (Криворотов, 2021: 124). Кроме того, Гренландия рассматривается и как крупный источник сырья. США также демонстрируют рост заинтересованности в острове как минимум через неоднократно декларируемое стремление купить Гренландию. Такой интерес связан с выгодным транспортным положением острова, его ресурсами, а также заинтересованностью США в Арктике. Проблема с Гренландией как плацдармом столкновения политических интересов усложняется ее особым территориальным статусом, а также глубокой историей развития сепаратистского движения.

Ситуация вокруг специального административного района Гонконг представляется еще одним примером, где в результате автономизма формируется плацдарм столкновения интересов разных акторов. Отличительной особенностью китайской ситуации является форма автономизма – не как развитие центробежных сил и передача полномочий от центра к региону, а, наоборот, как способ интеграции региона в систему Китая. Формат взаимодействия Гонконга с материковым Китаем обусловлен формулой «одна страна – две системы», при которой Гонконг, являясь частью суверенного государства КНР после передачи в 1997 году от Великобритании, обладает широкими автономными полномочиями, имея в том числе самостоятельное представительство в некоторых международных организациях. Структура партийной системы Законодательного совета Гонконга демонстрирует поддержку политики материкового Китая (подавляющее большинство принадлежит пропекинским партиям). Однако встречаются и другие оценки политического процесса в Гонконге, которые представляют его как конфликтный (Курныкин, Папашвили, 2022). Привлекает внимание и вопрос идентичности граждан Гонконга (Салицкий, 2021: 138): помимо китайской идентификации наблюдается наличие смешанной самоидентификации и идентификация себя только как «гонконгцев», а не «китайцев». В ответ на обострение политической ситуации в САР в 2019 году правительство Китая приняло «Закон КНР о защите национальной безопасности в САР Гонконг». В результате закона «правоохранительная система получила механизм противодействия четырем основным видам нарушений:

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 20.03.2024).

² National Security Strategy (2022) *The White House*, 12 October. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Accessed 19 March 2024).

³ China's Arctic Policy. (2018) *The State Council Information Office of the People's Republic of China*, 26 January. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Accessed 19 March 2024).

сецессионизм (сепаратизм); подрывная деятельность; террористические действия; сговор с зарубежными странами или внешними элементами, угрожающий национальной безопасности» (Салицкий, 2021: 143). Данный акт вызвал дискуссию, причем эта дискуссия усугубилась действиями зарубежных акторов – в частности, высказывалась озабоченность автономным статусом Гонконга, которая привела к подписанию так называемого Закона об автономии Гонконга Конгрессом США в 2020 году. Данный документ осуждал действия Китая за нарушение автономии Гонконга и вводил соответствующие санкции против Китая. Таким образом, особый статус территории, формирующийся в результате движения автономизма и представляющий собой фактически «серую» зону государственного суверенитета, позволяет внешним акторам вмешиваться и / или продвигать свои интересы на данной территории. Примечательным здесь является вопрос о политической субъектности, о которой мы говорили как о составной части движения автономизма. В классической научной интерпретации политическая субъектность подразумевает собственное влияние на процессы, однако в представленных примерах мы видим не рост собственного влияния региона, а подверженность влиянию внешних акторов, чья субъектность, безусловно, больше, чем региональная. Иными словами, в данных ситуациях автономизм привел не к повышению самостоятельности региона, а к усилению его слабости перед воздействием внешних сил.

Другой аспект влияния автономизма на политические процессы – воздействие на национальную политику, напрямую не связанную с проблемами региона. В такой ситуации сепаратистские политические силы регионов выступают как значимая национальная сила: они оказывают влияние на вектор развития ключевых национальных вопросов. Примером первой тенденции является ситуация с досрочными парламентскими выборами в Испании в 2023 году, когда в результате голосования ни одна партия не смогла получить достаточно мест для формирования большинства в парламенте. В результате лидеру ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия) Педро Санчесу пришлось пойти на компромисс с каталонскими сепаратистскими партиями, чтобы сформировать большинство. В обмен был предложен законопроект об амнистии каталонских сепаратистов, вызвавший бурную реакцию в испанском обществе и даже в рядах самой ИСРП. Кроме того, вновь стал актуальным тезис о возможном пересмотре административно-территориального устройства Испании в сторону федерации, что в целом не является новой инициативой для ИСРП – ранее идея федерализации была частью программы партии². Таким образом, мы видим, что региональный сепаратистский актор может оказывать влияние на национальную политику не только в рамках традиционной дихотомии «унионизм / сепаратизм», но и по другим вопросам, как, например, определение национального лидера.

Заключение

Предполагается, что описываемая в статье тенденция не является на сегодняшний день магистральной: встречаются как сецессионистские, так и автономистские движения. Тем не менее благодаря «расслоению» суверенитета и возможности достаточно четко артикулировать и выделить такие «слои» у сепаратистски настроенных акторов появился «живой» инструмент получения реального влияния «малой кровью»: государство исторически больше всего опасается сецессии, а в случае автономизма ее не происходит. Однако в результате, вероятно, формируется некая форма субъектности, позволяющая регионам проводить определенную самостоятельную линию в обход государственного центра. При этом, как продемонстрировал случай Гонконга, автономизм не всегда подразумевает под собой рост субъектности.

В результате можно выделить основные последствия таких процессов для суверенитета и мировой политики в целом, вариации которых весьма широки: активное воздействие на внутреннюю политику – что является, вероятно, наиболее очевидной формой; проведение собственной внешнеполитической линии во взаимодействии с другими акторами международных отношений; формирование площадки развития конфронтации и / или вмешательства внешних акторов по ключевым вопросам мировой политики (как в примере с Арктикой); усложнение структуры акторов мировой политики, прежде всего негосударственных, что может вызвать дестабилизирующий эффект для мировой системы из-за, в том числе, непонимания, каким образом выстраивать взаимодействие и внешнюю политику с учетом этих тенденций. Представляется, что с развитием феномена автономизма форми-

¹ Public Law 116–149 116th Congress. July 14, 2020. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ149/pdf/PLAW-116publ149.pdf> (Accessed 19 January 2024).

² PSOE, Programa electoral – Elecciones generales 2015. Available at: https://www.psoe.es/media-content/2015/12/PSOE_Programa_Electoral_2015.pdf (Accessed 25 September 2021).

руется автономистский конструкт, который во всех случаях (даже при наличии вариаций каждой составляющей) состоит из региона, политических автономистских сил, внешних участников, заинтересованных в данном процессе, а также возникающих в результате этого процесса проектов. Примечательно, что отдельно взятые элементы данной системы могут, строго говоря, не быть автономистскими (как было продемонстрировано в примерах выше) – будь то конкретный актор или проект – что не мешает всему конструкту целиком развиваться в русле автономизма.

Кроме того, выявляется ряд вопросов для дальнейших исследований тематики. Почему суверенитет перестает быть основной целью сепаратистов? Идет ли речь о формировании новой формы актора мировой политики и есть ли в ней черты суверенности? Формирует ли субъектность внутренних регионов качественно нового актора мировой политики? Какие угрозы основам мирового порядка и возможности может нести в себе этот процесс?

Список литературы / References

- Евстафьев, Д. Г., Межевич, Н. М. (2022) 'Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире', *Политическая наука*, 4, сс. 121–144. [Evstaf'ev, D. G., Mezhevich, N. M. (2022) 'Post-westphalian sovereignty in the post-global world' [Postvestfal'skii suverenitet v postglobal'nom mire], *Political Science*, 4, pp. 121–144, (In Russ.)], DOI: 10.31249/poln/2022.04.06
- Заяц, Д. В. (1999) Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма. Дисс. канд. геогр. наук. Москва. [Zayats, D. V. (1999) Territorial conflicts on the modern political map of the world: hotbeds and risks of separatism [Territorial'nye konflikty na sovremennoi politicheskoi karte mira: ochagi i riski separatizma]. Cand. Diss. (Geogr.): Moscow (In Russ.)]
- Йонгерден, Й. (2017) 'Освобождение Рожавы не произойдет в одночасье', в: Жизнь без государства: революция в Курдистане. сост. Д. Окрест, Д. Петров, М. Лебский, Москва: Common Place, сс. 248–257. [Jongerden, I. (2017) 'The liberation of Rojava will not happen overnight' [Osvo-bozhdenie Rozhavy ne proizoidet v odnochas'e], in: 'Life without a State: the Revolution in Kurdistan' [Zhizn' bez gosudarstva: revolyutsiya v Kurdistane] sost. D. Okrest, D. Petrov, M. Lebskii, Moscow: Common place, pp. 248–257. (In Russ.)]
- Кондратьева, Н. Б. (2021) 'Региональная политика ЕС и деятельность Комитета регионов (июнь–август 2021)', *Европейский Союз: факты и комментарии*, 105, сс. 42–46. [Kondrat'eva, N. B. (2021) 'Regional policy of EU and activities of the Committee of Regions (June–August 2021)' [Regional'naya politika ES i deyatel'nost' Komiteta regionov (iyun'-avgust 2021)], *European Union: facts and comments*, 105, pp. 42–46. (In Russ.)].
- Криворотов, А. К. (2021) 'Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (14), сс. 118–134. [Krivorotov, A.K. (2021) 'Green land and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay' [Grenlandiya i Daniya: arkticheskii setsessionizm v silovom pole mirovoi politiki], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 1 (14), pp.118–134 (In Russ.)]. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6
- Кузнецов, Д. А. (2021) 'Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике', *Вестник МГИМО Университета*, 5 (14), сс. 65–80. [Kuznetsov, D. A. (2021) 'Transregionalization in the Context of Globalization' [Sootnoshenie transregionalizatsii i globalizatsii v mirovoi politike], *MGIMO Review of International Relations*, 5 (14), pp. 65–80. (In Russ.)]. DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80. EDN HBAHNS.
- Курныкин, О. Ю., Папашвили, Г. З. (2022) 'Особенности политического процесса в специальном административном районе Гонконг (1997–2021 гг.)', *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (124), сс. 50–54. [Kurnykin, O.Yu., Papashvili, G. Z. (2022) 'Features of the Political Process in the Hong Kong Special Administrative Region (1997–2021)' [Osobennosti politicheskogo protsessa v spetsial'nom administrativnom raione Gongkong (1997-2021)], *Izvestiya of Altai State University*, 2 (124), pp. 50–54. (In Russ.)]. DOI: 10.14258/izvasu(2022)2-07
- Лагутина, М. Л., Михайленко, Е. Б. (2020) 'Регионализм в глобальную эпоху: обзор зару-

- бежных и российских подходов’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2 (20), сс. 261–278. [Lagutina, M. L., Mikhailenko, E. B. (2020) ‘Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches’ [Regionalizm v global’nyu epokhu: obzor zarubezhnykh i rossiiskikh podkhodov], *Vestnik RUDN. International Relations*, 2 (20), pp. 261–278, (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278
- Лапкин, В. В. (2023) ‘Территориальное государство и сложное общество: императив коэволюции в пространстве политики’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 172–191. [Lapkin, V. V. (2023) ‘Territorial state and complex society: the imperative of co-evolution in the space of politics’ [Territorial’noe gosudarstvo i slozhnoe obshchestvo: imperativ koevolutsii v prostanstve politiki], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 172–191. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.11. EDN: NRKPPJ
- Лебедева, М. М., Кузнецов, Д. А. (2019) ‘Трансрегионализм – новый феномен мировой политики’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 71–84. [Lebedeva, M. M., Kuznetsov, D. A. (2019). ‘Transregional integration as a new phenomenon of world politics: nature and prospects’ [Transregionalizm – novyi fenomen mirovoi politiki], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 71–84. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06
- Лебский, М. (2017) ‘Почему курды отказались от собственного государства?’, в: *Жизнь без государства: революция в Курдистане* сост. Д. Окрест, Д. Петров, М. Лебский, Москва: Common Place, сс. 240–247. [Lebskii, M. (2017) ‘Why did the Kurds abandon their own state?’ [Pochemu kurdy otkazalis’ ot sobstvennogo gosudarstva?], in: ‘Life without a State: the Revolution in Kurdistan’ [Zhizn’ bez gosudarstva: revolyutsiya v Kurdistane] sost. D. Okrest, D. Petrov, M. Lebskii, Moscow: Common place, pp. 240–247. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) ‘Многоликий регионализм’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 1 (14), сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) ‘Many faces of regionalism’ [Mnogolikii regionalizm], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1 (14), pp. 102–115. (In Russ.)]. DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115. EDN GGUBXG
- Попов, Ф. А. (2021) *География сепаратизма*. Москва: Новый хронограф. [Popov F.A. (2021) *Geography of secessionism* [Geografiya setsessionizma], Moscow: Novyi khronograf]. (In Russ.)].
- Салицкий, А. И., Виноградов, А. В. (2021) ‘Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты’, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (14), сс. 135–150. [Salitskii, A. I., Vinogradov, A. V. (2021) ‘Hong Kong’s Stand-off: Indigenous Dynamics and International Perspective’ [Gonkongskoe protivostoyanie: vnutrennyaya dinamika i vneshnie aspekty], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 1 (14), pp.135-150. (In Russ.)]. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7
- ‘Made-to-measure Future(s) for Democracy? Views from the Basque Atalaia’ (2023) Ed. by Julen Zabalo, Igor Filibi, Leire Escajedo San-Epifanio Cham, Switzerland: Springer.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 05.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**POTENTIAL OF AUTONOMY OF INTRA-STATE REGIONS:
OUTCOMES FOR SOVEREIGNTY**

Yu. Frolova

Yulia Frolova, candidate of political science, assistant professor of the Department of Political Science, Institute of History and Social Sciences, Herzen University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Abstract. The article is dedicated to the issue of separatism, specifically one of its forms – the autonomism of intra-state regions and its possible consequences and influence on sovereignty. The author emphasizes that secessionism is more often considered as the main threat to a sovereign state, however, autonomism, transforming a sovereign state from within, probably creates even more serious challenges. The methodological basis of the work is presented by the theories of sovereignty, regionalism, autonomism, separatism, as well as the concept of an intra-state region as an actor in global politics. The article focuses on the problems of the transformation of sovereignty in the modern world and the prospects this process creates for the development of the autonomism movement. Considering some examples of autonomism, the author formulates a thesis about the complexity of this phenomenon: this is not only a movement to acquire political subjectivity, but also an analytical and existing structure consisting of the movement itself and a variety of interrelated actors and projects that arise both inside and outside the state, in global politics. As a result, conclusions are formulated about the possible consequences for sovereignty, as well as further directions of research on the issue.

Keywords: autonomism; separatism; sovereignty; intra-state region; regionalism; Europe of regions; subjectivity.

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-69-78

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПРОТЕСТНОГО УЧАСТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Ю. Е. Морева

Морева Юлия Евгеньевна, стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: yuli-more@hotmail.com (ORCID: 0000-0002-3005-6991).

Аннотация

Политический протест – один из важных индикаторов наличия политического конфликта в обществе. До начала эпидемии коронавирусной инфекции во всем мире наблюдалась тенденция к увеличению уровня протестной активности. Россия не осталась в стороне от общемировой тенденции: по данным опросов, в 2019 году, в России наблюдалось повышение уровня протестных настроений. Широкое распространение феномена протеста заставило исследователей, политиков и все мировое сообщество задаться вопросом о причинах протеста, о том, каковы факторы, влияющие на увеличение числа протестов. В рамках настоящей статьи изучается вопрос влияния таких факторов протестного участия, как субъективное благополучие, ценности и уровень экономического развития региона. Были проанализированы данные опроса 11 045 респондентов в 36 регионах России, проведенного в 2018 году. С помощью применения метода многоуровневой логистической регрессии к опросным данным делается вывод о том, что респонденты с постматериальными ценностями и те, кто живет в более богатых регионах, в большей мере склонны участвовать в протестах. Субъективное благополучие не имеет статистически значимой связи с участием в протестах.

Ключевые слова: политическое участие; участие в протестах; субъективное благополучие; счастье; удовлетворенность жизнью; постматериальные ценности; ценностные ориентации; ценности выживания; ценности самовыражения.

Введение

В условиях, когда окружающая действительность подвержена постоянным изменениям, протест может быть одним из ожидаемых ответов общества на эти изменения. Последние несколько лет развитие российского общества сопровождается кризисными явлениями (в частности, связанными с пандемией и конфликтом в Украине). В этом контексте исследование факторов протестного поведения россиян приобретает особую актуальность.

Ряд российских и зарубежных исследователей обращаются к изучению разного рода объективных факторов, влияющих на протест. Такие факторы (например, развитие демократии или экономическое благосостояние) непосредственно не связаны с самой личностью протестующего. В то же время для нас особый интерес представляет то, как ценностные ориентации человека и субъективная оценка собственной жизни влияют на желание принять участие в протестах. Попытка изучить протест с помощью опросных данных сопряжена с рядом трудностей, однако позволяет приблизиться к тому, чтобы взглянуть на ситуацию глазами протестующих, сохраняя при этом возможность обобщить полученные результаты на всю генеральную совокупность.

Таким образом, цель настоящего исследования – определить, как субъективное благополучие и ценностные ориентации россиян связаны с протестной активностью. Для достижения цели необходимо выполнить ряд задач, а именно: 1) определить, существует ли связь между субъективным бла-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

гополучием россиян и протестной активностью, и выявить характер этой связи; 2) определить, как ценности влияют на протестную активность россиян и 3) определить, какая связь существует между социально-экономическими показателями региона Российской Федерации и протестной активностью его жителей.

Теоретические представления о протестной активности

Рассмотрим основные подходы к изучению протестов. С точки зрения теории коллективного поведения основой для протестного потенциала общества служит накопившееся социальное напряжение. В рамках данного подхода хотелось бы выделить социопсихологическое направление, представленное в теории относительной депривации. Относительная депривация определяется как «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» (Gurr, 1970). Результатом такого расхождения является особое психологическое состояние – фрустрация, которая проявляется в актах политического насилия (Там же). Несмотря на то, что рассматриваемая теория существует уже много лет, современные исследователи продолжают развивать ее идеи и использовать их в научных работах о причинах продолжительных протестных движений в разных странах мира (Power, 2020). Фокус во многих таких исследованиях сделан на восприятии несправедливости и неравенства в обществе.

Согласно социополитической интерпретации протеста в рамках теории коллективного действия, причина протестных действий лежит в желании протестующих поменять среду, изменить конкретные социальные условия (Smelser, 1963). При этом учитывается недоверие и враждебность протестующих к власти, а также жесткий социальный контроль со стороны властей.

Теория мобилизации ресурсов концентрирует внимание на возможности мобилизации недовольства. В структуру политических возможностей включаются характеристики политической системы (степень открытости для новых акторов), общественных движений (наличие сторонников) и элит общества (Tarrow, 1994). Ряд известных политологов, таких как С. Хантингтон и С. Липсет, выделяли характеристики политической системы, а именно политический режим, как фактор, определяющий форму политического участия. Для демократий характерно добровольное, автономное участие в политической жизни, а для тоталитарных обществ – мобилизованное участие (Lipset, 1959; Huntington, 1996). Чарльз Тилли – другой теоретик «мобилизации ресурсов» – говорил о том, что в обществе всегда существует определенное количество недовольных, но для того, чтобы это недовольство вылилось в совместные коллективные действия, направленные на общественные изменения, должны быть созданы подходящие условия (Tilly, 2004). Теория мобилизации ресурсов стала ответом на протестную волну 60-х гг. XX в. Современные протесты сильно отличаются от них, сейчас исследователи говорят о роли оптимизации таких ресурсов, как социальные сети и интернет-СМИ (Abdullah, 2020).

Теория идентичности объясняет протестную активность через идентичность – представление человека о том, кто он такой, и представление других людей о нем и о себе (Jenkins, 2004). Выделяют индивидуальную и социальную идентичность. Социальная идентичность определяется через отношение человеком себя к определенной социальной категории. Несколько эмпирических работ (Stryke et al., 2000; De Weerd et al., 1999) доказало существование положительной связи между социальной идентичностью (тем, в какой степени человек ассоциирует себя с группой) и участием в протестах. Осознание себя «своим» (то есть осознание своей группой идентичности приятно протестующему, он чувствует, что действует как должно) мотивирует его повторно принимать участие в акциях протеста (van Leeuwen, 2016). В то же время осознание себя частью группы является важным элементом благополучия (Turner & Tajfel, 1986).

Эмоциональная сторона личности (то, как реагирует человек на окружающую действительность, переживает важные жизненные события) может отражаться на ее политических действиях. Эмоции являются одним из ключевых компонентов сложной каузальной модели (van Stekelenburg, 2013), объясняющей участие в коллективных действиях. Модель включает множество компонентов, например идентичность, эффективность и одобряемость протеста в обществе. Эмоции отражают восприятие себя и окружающих, социальной ситуации, самого протеста и риска, который может принести участие в протесте (Ayapanian & Tausch, 2016). Среди эмоций, характерных для участников протестных акций, гнев и злость выделяют как основные (van Stekelenburg & Klandermans, 2017).

Субъективное благополучие как фактор протестной активности

Субъективное благополучие уже несколько десятилетий используется как показатель, отражающий уровень жизни людей в различных странах. Так, например, известно, что субъективное благополучие россиян значительно снизилось после кризиса, связанного с распадом Советского Союза, и продолжительное время оставалось на довольно низком уровне. Этот показатель является универсальным, хотя факторы, влияющие на него, неодинаковы в разных странах и в разное время. Например, зачастую кризисные явления снижают субъективное благополучие, однако после присоединения Крыма, несмотря на экономический упадок и введение санкций западными странами, субъективное благополучие россиян возросло. Такая динамика объясняется ростом национальной гордости.

Разберемся подробнее в том, что подразумевает под собой понятие «субъективное благополучие». Рональд Инглхарт определял субъективное благополучие как «суждение человека об его общем благополучии» (Inglehart, 2002). Согласно определению Динера, субъективное благополучие – это «субъективное восприятие и опыт положительных и отрицательных эмоциональных реакций и глобальных и специфических когнитивных оценок удовлетворенности жизнью» (Diener, Lucas & Oishi, 2002).

Последнее из определений позволяет нам связать субъективное благополучие и протестную активность через роль эмоций в протестных движениях, описанную выше. Кроме того, депривационные теории обладают объяснительной силой в отношении исследуемой связи: фрустрация, будучи особым психологическим состоянием, вызываемым депривацией, оказывает влияние на оценку человеком своей жизни, что, в свою очередь, может отражаться на его действиях. К тому же можно использовать теорию социальной идентичности, которая, с одной стороны, показывает сильную положительную связь между степенью идентификации себя с группой, а с другой – доказывает, что принадлежность к группе является важным элементом благополучия человека. Тем не менее было бы ошибочным на основании этой теории с уверенностью утверждать, что субъективное благополучие и протестная активность связаны положительно. Теория социального сравнения позволяет сделать вывод о том, что на субъективное благополучие влияет не столько сам факт принадлежности к какой-либо группе, сколько положение этой группы в обществе (Fujita, 2008). Таким образом, принадлежность к привилегированной значимой группе и, наоборот, идентификация себя с дискриминируемой группой могут оказывать разный эффект на субъективное благополучие. Положение протестующих в российском обществе нельзя назвать привилегированным (Lankina & Tertychnaya, 2020; Lankina & Voznaaya, 2015).

Ряд исследователей доказали связь между политическим участием и уровнем удовлетворенности жизнью. Так, эмпирически доказано, что в Латинской Америке (Weitz-Shapiro & Winters, 2010) и США (Flavin & Keane, 2011) существует каузальная связь между участием в голосованиях на демократических выборах и уровнем субъективного благополучия. Несмотря на то, что упомянутые работы описывают в основном эффект, который уровень удовлетворенности оказывает на голосование на демократических выборах, авторы отмечают, что их выводы могут быть перенесены на другие формы конвенционального политического участия, в том числе на согласованные митинги.

Р. Райн и Е. Деси в статье о взаимосвязи субъективного благополучия и политической активности утверждают, что, когда человек с помощью своих политических действий получает то, что хочет, его уровень субъективного благополучия возрастает (Ryan & Deci, 2001). В противоположном случае, как это описывают Кристофер Андерсон и соавторы, человек ощущает неудовлетворение и недовольство, которое может привести к участию в акциях протеста и бойкотах (Anderson et al., 2005). В исследовании, проведенном Дж. Лоренцини, эмпирически доказана связь уровня субъективного благополучия неработающей молодежи с участием в протестной активности (Lorenzini, 2015). К тому же была доказана положительная связь между неудовлетворенностью жизнью и участием в мирных протестах (Witte, et al., 2019).

Для описания взаимосвязи субъективного благополучия и участия в протестах можно использовать модель EVL (Exit, Voice and Loyalty – выход, голос и лояльность), разработанную А. Хиршманом. Модель объясняет, что человек или группы людей могут делать в ситуации ухудшения условий среды. Автор и его многочисленные последователи развили эту модель и применили ее к различным областям жизни – от анализа поведения покупателей определенных товаров до осмысления социополитических процессов (Clarck et al., 2017). Так, можно задаться вопросом о том, как гражданин реагирует, если государственная политика негативно скажется на его благосостоянии. Если уровень благополучия высок, то гражданин может оставаться лояльным правительству (loyalty), а если нет – выходить на протесты (voice).

Что касается научных работ, созданных на основе российских данных, то в них доказывается положительная связь между гордостью за свою страну и субъективным благополучием жителей России (Камалов и Понарин, 2020; Reeskens et al., 2011; Ponarin et al., 2018), которая ранее была доказана для других стран (Morrison et al., 2011). Если существование такой связи доказано, то можно предположить, что со снижением национальной гордости уровень субъективного благополучия снижается. В то же время если высокий уровень национальной гордости может быть связан с позитивной оценкой действий властей, то негативная оценка может снижать уровень субъективного благополучия и приводить к протесту.

Одна из категорий, раскрывающих понятие «субъективное благополучие», – удовлетворенность жизнью. В работе за авторством Гусейнова и коллег, посвященной изучению ценностных ориентаций людей, склонных к различным формам протестного поведения, авторы указывают на то, что характерные для личности со склонностью к оппозиционному поведению непонимание смысла жизни, невозможность удовлетворить потребности и осуществить жизненные задачи приводят к неудовлетворенности жизнью (Гусейнов и др., 2018). Неудовлетворенность своей жизнью определяется как значимый элемент характеристики протестующих и в других отечественных исследованиях. Кроме того, аналитики Всероссийского центра исследования общественного мнения определили основные черты социопсихологического облика участников акции протеста 12 июня 2012 г.: потребность в самореализации, высокая степень недовольства изменением ситуации в стране и в своей жизни. Самореализация является ключевой ценностью для 78 % участников акции. При этом только 46 % опрошенных в целом удовлетворены тем, как складывается их жизнь; около половины (49 %) не удовлетворены. Что касается ситуации в стране, то большая часть (64 %) участников протестной акции не удовлетворены положением дел в государстве (ВЦИОМ, 2012).

Опираясь на вышеизложенные исследования, можно сделать предположение о связи субъективного благополучия и протестной активности: чем ниже уровень субъективного благополучия личности, тем выше вероятность того, что человек будет принимать участие в протесте.

Ценностная ориентация личности как фактор протестной активности

Одной из основных теорий, на которую опирается наша статья, является концепция постматериалистических ценностей Рональда Инглхарта. Согласно его книге «Тихая революция: изменение ценностей и политических стилей среди западной общественности», постматериализм – это «ценностная ориентация, которая превозносит самовыражение и качество жизни над экономической и физической безопасностью» (Inglehart, 1977). Теория Инглхарта дает нам следующую интерпретацию ценностей: приоритеты индивида отражают социально-экономическую среду, при этом индивиды придают наибольшую субъективную ценность тем вещам, нехватку которых испытывают.

Рональд Инглхарт в своей работе об изменениях мотивации людей доказал, что в современном обществе преобладают не материальные, а постматериалистические ценности. Доминирование таких ценностей стимулирует протестную активность. Современного человека толкает на площадь не желание улучшить материальные условия своего существования, лучше удовлетворить свои потребности, а, наоборот, ключевой ценностью для него является свобода, равноправие и возможность обеспечить будущим поколениям жизнь в экологически устойчивой среде (Inglehart, 2018).

Теория постматериалистических ценностей была также продолжена и расширена К. Оппом. Он также является автором определения протеста, используемого в настоящем исследовании: «совместное (то есть коллективное) действие отдельных лиц, направленное на достижение их цели или целей путем влияния на решения цели» (Opp, 2009). К. Вельцель и Ф. Дойч также описывают роль ценностной ориентации в ненасильственном протесте (Welzel & Deutsch, 2012).

Эмпирические научные работы о протестах в разных странах подтвердили теорию Инглхарта. Например, положительная связь между участием в акциях протеста и приверженностью постматериалистическим ценностям доказана для случая этнополитического протеста валлийцев (McAllister & Mughan, 1983), американской (Booth, 2017) и турецкой (Tekinalp, 2016) экологической протестной активности, европейских политических движений (Grasso & Giugni, 2016) и протестов против экономической политики правительства в Великобритании (Henn, Oldfield, & Hart, 2018). В то же время некоторые ученые утверждали, что постматериалистические ценности могут влиять на поведение протестующих противоположным образом. Например, вывод о том, что приверженность постматериалистическим ценностям негативно влияет на протестную активность, сделан в одном из исследований, посвященных протестным движениям в Китае (Jian-Hua & Stanley, 1993).

Идеи теории постматериалистических ценностей были развиты в теории эмансипативных ценностей. Р. Инглхарт и К. Вельцель говорят о том, что демократизация порождает развитие эмансипативных ценностей (Welzel & Inglehart, 2008), которые определяются как набор ценностных ориентаций, выделяющий значимость свободы выбора, равенства возможностей и равного права граждан участвовать в определении будущего своей страны (Welzel, 2013). Теоретические выводы авторов были проверены эмпирическим исследованием, включающем анализ на основе данных 33 стран с политическим режимом, определяемым как электоральная автократия (Zavadskaya & Welzel, 2014). В указанной работе делается вывод о влиянии эмансипативных ценностей на голосование на выборах и на санкционированный ненасильственный постэлекторальный протест, что подтверждает выводы предыдущих исследований (Welzel & Deutsch, 2012). При этом приверженность эмансипативным ценностям не влияет на другие формы протеста. Более того, неудовлетворенность материальным состоянием играет значительную роль в такого рода протестах (Zavadskaya & Welzel, 2014). Эти выводы особенно интересны, так как могут быть в той или иной степени перенесены на закономерности, связанные с политическим поведением в нашей стране.

Несмотря на существующее противоречие выводов предшествующих нашему исследованию, полагаясь на концепцию Инглхарта и его последователей, а также обращая внимание на то, что большинство эмпирических исследований подтверждает эту концепцию, мы предполагаем, что люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями.

Особенности протестной активности в регионах России

Региональной специфике протеста в России посвящены многие научные работы (Люлька, 2015; Sokolov et al., 2015; Lankina & Tertytchnaya, 2020). Наличие региональной специфики не удивительно, если учесть различия в социально-экономическом развитии регионов нашей страны. В более бедных регионах протесты носят скорее экономический характер, часто бывают связаны с резким ухудшением экологической обстановки (Люлька, 2015). В центральных регионах России, таких как Москва и Санкт-Петербург, протесты чаще носят политический и правозащитный характер.

Наше предположение о положительной связи между уровнем экономического развития региона и политической активностью его жителей связано с так называемым туннельным эффектом (Hirschman et al., 1973) и выводами, сделанными на основе теории модернизации (Inglehart & Welzel, 2005). Дело в том, что улучшение экономического положения стимулирует ожидание политических и гражданских свобод. Когда это ожидание не удовлетворено, это может привести к чувству глубокого разочарования и обиды, что, в свою очередь, может мобилизовать граждан. К тому же в богатых регионах, несмотря на более высокий (в сравнении с другими регионами) средний доход, уровень неравенства между социальными группами с разным доходом осознается как более острый, что также приводит к неудовлетворенности и протестам.

Таким образом, можно предположить, что люди, проживающие в экономически развитых регионах, чаще будут участвовать в акциях протеста.

На основании предыдущих исследований можно сформулировать следующие гипотезы:

H1: Чем ниже уровень субъективного благополучия личности, тем выше вероятность того, что человек будет принимать участие в протесте.

H2: Люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями.

H3: Люди, проживающие в экономически развитых регионах, с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди, проживающие в регионах с более низким уровнем экономического развития.

Данные и метод

Эмпирической базой для работы послужили данные опроса, проведенного в 2018–2019 годах ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований). В указанной базе собраны данные о 12 039 респондентах в 38 регионах России. В нашем исследовании проанализировано 11 045 наблюдений в 36 регионах, так как данные по некоторым переменным отсутствуют по двум регионам.

Протестная активность респондентов измерялась с помощью вопроса «Сейчас я назову Вам ряд действий или мероприятий, а Вы скажете, принимали Вы в них участие за последние два года

или нет? Участие в акциях протеста, пикетах, демонстрациях». Ответ на этот вопрос мог быть «Да, принимал» либо «Нет, не принимал».

Субъективное благополучие представляет собой среднее значение переменных «удовлетворенность жизнью» и «счастье». Такой способ измерения считается более обоснованным и надежным в сравнении с использованием отдельных показателей (Inglehart et al., 2008). Удовлетворенность жизнью определяется с помощью вопроса «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» в опроснике с использованием шкалы от 1 («Совершенно не удовлетворен») до 5 («Полностью удовлетворен»). Счастье измеряется вопросом «Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы...», подразумевающим, что респондент определит уровень счастья от 1 («Очень счастливы») до 4 («Совсем не счастливы»). Для того чтобы сделать из двух перечисленных переменных индекс субъективного благополучия, необходимо было привести их к единой шкале.

Чтобы проверить, является ценностная ориентация респондента материалистической или постматериалистической, использовался индекс постматериализма Инглхарта (Inglehart & Abramson, 1999). В нем учитываются ответы на следующие вопросы: Если бы Вы могли выбирать, что из следующего Вы назвали бы самой важной целью нашей страны на ближайшие 10 лет? А что Вы считаете следующим по важности?

- А. Поддержание порядка в стране.
- Б. Дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений.
- В. Борьба с ростом цен.
- Г. Защита свободы слова.

Согласно шкале постматериализма Инглхарта была создана переменная, которая может принимать значения от 1 до 4: «материалист», «скорее материалист», «скорее постматериалист» и «постматериалист». Если респондент выбирает две постматериальные ценности: б) дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений и г) защита свободы слова, он считается «постматериалистом». Если первая выбранная ценность постматериалистическая, а вторая – материалистическая: а) поддержание порядка в стране или в) борьба с ростом цен, то респондент «скорее постматериалист». Если он выбирает материалистическую ценность в качестве своего первого приоритета и постматериалистическую в качестве второго, предполагается, что он «скорее материалист». Если респондент выбирает две материальные ценности: а) поддержание порядка в стране и в) борьба с ростом цен, он считается «материалистом».

Для анализа влияния субъективного благополучия на протестную активность россиян используется метод многоуровневой бинарной логистической регрессии. Такой выбор метода обусловлен тем, что зависимая переменная является бинарной, и тем, что гипотезы подразумевают присутствие в модели предикторов двух уровней (индивидуального и регионального). Кроме того, нельзя не принимать во внимание региональную специфику протестов, которой, в силу различного социально-экономического положения регионов, нельзя пренебречь. Используется модель с рандомизированным наклоном прямой и интерцептом (random slope random intercept model).

В качестве зависимой переменной в регрессионной модели использовалось участие в акциях протеста / демонстрациях. Независимые переменные можно разделить на предикторы индивидуального и группового (регионального) уровней. К первым относится субъективное благополучие, степень приверженности материалистическим ценностям (ранговая шкала от 1 до 4) и контрольные переменные – социодемографические характеристики (пол, возраст, уровень образования (биномиальная переменная – высшее образование, среднее или среднее специальное образование), доход домохозяйства (ранговая шкала от 1 до 10)). Предиктором группового уровня является ВРП региона (в млрд руб.) на душу населения за 2018 г. Группирующей переменной для многоуровневой модели является регион проживания респондента.

Все количественные предикторы шкалированы. Анализ данных производился с помощью R и RStudio.

Результаты

Многоуровневая модель протестного поведения

Что касается доли дисперсии зависимой переменной, которая объясняется групповыми различиями, то она равняется 1 % (ICC = 0,007). Это очень низкое значение, но мы построим многоуровневую модель, так как предполагаем влияние предикторов второго уровня на зависимую переменную.

Возраст, образование, ценности человека и ВВП региона, в котором он проживает, значимо влияют на отношение шансов участия в протесте (таблица). Субъективное благополучие не оказывает статистически значимого влияния на вероятность участия в акциях протеста.

Таблица

Результаты регрессионного анализа участия в акциях протеста

№ п/п	Предиктор	Участие в акциях протеста (отношение шансов)
1	Интерсепт	0,07 ***
2	Субъективное благополучие	0,94
3	Ценностная ориентация	1,18 ***
4	ВВП региона	1,08*
5	Пол: Женский	0,98
6	Возраст	0,88***
7	Образование: Среднее	0,82**
8	Доход	1,00
<i>Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01</i>		

Так, изменение уровня приверженности материальным ценностям на одно стандартное отклонение увеличивает отношение шансов участия в протестах к неучастию на 18 %. Это означает, что приверженцы постматериалистических ценностей в большей мере склонны к протестной активности, чем люди с материалистическими ценностями.

С увеличением возраста на одно стандартное отклонение отношение шансов участия в акциях протеста снижается на 12 %. Отношение шансов участия в протесте к неучастию на 18 % ниже для участников исследования со средним образованием в сравнении с теми, у кого есть высшее образование или научная степень.

Увеличение ВВП региона на одно стандартное отклонение способствует увеличению отношения шансов участия в протесте на 8 %. Жители регионов с более высоким уровнем ВВП с большей вероятностью примут участие в протестной активности.

Что касается качества построенной модели, можно сказать, что она описывает данные плохо ($R^2 = 0,022$).

Выводы

Во-первых, проведенный анализ не показал статистически значимого влияния субъективного благополучия на протестную активность россиян. То, что уровень субъективного благополучия личности не оказывает значимого влияния на вероятность участия в протесте, противоречит не только нашим первоначальным предположениям, но и выводам предшествующих научных работ (Lorenzini, 2015; Ryan & Deci, 2001; Anderson et al., 2005). Можно предположить, что причиной такого расхождения является различие в факторах, которые формируют субъективное благополучие в разных странах. К тому же особенности политической системы могут ограничивать возможности протестного политического участия граждан. Альтернативное объяснение может быть связано с нежеланием россиян делиться информацией об участии в акциях протеста, а также с малым числом участников акций протеста. Последнее ограничение может быть преодолено в дальнейших исследованиях с помощью использования других методов статистического анализа.

Во-вторых, предположение относительно позитивной связи между приверженностью постматериалистическим ценностям и участием в акциях протеста подтвердилось. Вывод о том, что люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью примут участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями, подтверждает теоретические и эмпирические исследования на эту тему (McAllister & Mughan, 1983; Booth, 2017; Tekinalp, 2016).

В-третьих, последняя гипотеза, выдвинутая в данной работе, определяла связь между уровнем экономического развития региона и также нашла подтверждение в рамках анализа. Люди, проживающие в экономически развитых регионах, с большей вероятностью примут участие в протесте, чем те, кто живет в более бедных регионах.

Ограничения

Одним из ограничений работы является непонимание того, в какой мере выводы могут быть перенесены на неконвенциональные формы протеста. Кроме того, вопрос об участии в протестах, использовавшийся в анкете опроса, задан в формулировке, которая не позволяет узнать, в какой конкретно форме гражданского участия (протест, пикет или демонстрация) принимал участие респондент. К тому же в статье используются данные 2018 г., что осложняет применение полученных выводов к более поздним периодам, особенно с учетом кризисного контекста пандемии и вооруженного конфликта.

Другое ограничение – чувствительность и специфичность темы протеста. Не каждый человек способен честно отвечать на вопросы, связанные с участием в акциях протеста (Kuran, 1991). Особенности социополитической обстановки также могут влиять на честность респондентов. К тому же тему счастья и удовлетворенности жизнью тоже можно отнести к чувствительным.

Список литературы / References

- Гусейнов, А. Ш., Рябикина, З. И., Фоменко, Г. Ю., Шиповская, В. В. (2018) 'Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация', *Российский психологический журнал*, 14 (4), сс. 78–96. [Guseynov, A. Sh., Rjabikina, Z. I., Fomenko, G. Ju., Shipovskaja, V. V. (2018) 'The phenomenon of protest activity of the individual: subjective-existential interpretation' [Fenomen protestnoj aktivnosti lichnosti: subektno-bytijnaja interpretacija], *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 14 (4), pp. 78–96. (In Russ.)].
- Камалов, Э., Понарин, Э. (2020) 'Национальная гордость и субъективное благополучие россиян', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, сс. 177–205. [Kamalov, E., Ponarin, E. (2020) 'National pride and subjective well-being of Russians' [Nacional'naya gordost' i sub"ektivnoe blagopoluchie rossijan], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1, pp. 177–205. (In Russ.)].
- Люлька О. Ф. (2015) 'Протестная активность в России: общенациональные тенденции и региональная специфика', *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, сс. 218–226. [Lyul'ka O. F. (2015) 'Protest activity in Russia: national trends and regional specific' [Protestnaya aktivnost' v rossii: obshchenacional'nye tendencii i regional'naya specifika], *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 4, pp. 218–226. (In Russ.)].
- Социальный портрет протестного движения в Москве (2012) *ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnyj-portret-protestnogo-dvizheniya-v-moskve> (дата обращения: 20.03.2024) [Social portrait of the protest movement in Moscow (2012) [Sotsial'nyi portret protestnogo dvizheniya v Moskve] *WCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnyj-portret-protestnogo-dvizheniya-v-moskve> (accessed: 20.03.2024)].
- Abdullah, F. H. (2020) 'Revolution in Egypt: Political Movements and Mobilisation of Resources'. *Insight on Africa*, 12 (1), pp.7–28.
- Ayanian, A. H., & Tausch, N. (2016). 'How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising', *British Journal of Social Psychology*, 55 (4), pp. 700–721. DOI: 10.1111/bjso.12164
- Booth, D. (2017) 'Postmaterialism and Support for the Environment in the United States', *Society & Natural Resources*, pp. 1401–1420.
- Clark, W., Golder, M., & Golder, S. (2017) 'The British Academy Brian Barry Prize Essay: An Exit, Voice and Loyalty Model of Politics', *British Journal of Political Science*, 47 (4), pp. 719–748. DOI: 10.1017/S0007123416000442
- De Weerd, M., Klandermans, B. (1999) 'Group identification and political protest: Farmers' protest in the Netherlands. *European Journal of Social Psychology*, 29, pp. 1073–1095.
- Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S. (2002) 'Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction'. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology*. Oxford University Press.
- Fujita, F. (2008) 'The Frequency of Social Comparison and its Relation to Subjective'. In M. Eid & R. J. Larsen (Eds.). *The science of subjective well-being*. The Guilford Press.

- Grasso, M. T., Giugni, M. (2016) *Protest, Social Movements, and Global Democracy since 2011: New Perspectives*. Emerald Group Publishing.
- Gurr, T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Henn, M., Oldfield B. and Hart J. (2018) 'Postmaterialism and young people's political participation in a time of austerity', *BJS*, pp. 712–737.
- Hirschman, A., Rothschild, M. (1973) 'The changing tolerance for income inequality in the course of economic development', *The Quarterly Journal of Economics*. 4 (84), pp. 544–566.
- Huntington, S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Inglehart, R., Abramson, P. R. (1999) 'Measuring Postmaterialism', *American Political Science Review*, 93 (3), pp. 665–677. DOI: 10.2307/2585581.
- Inglehart, R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (2002) 'Gender, Aging, and Subjective Well-Being', *International Journal of Comparative Sociology*, 43 (3-5), pp. 391–408.
- Inglehart, R., Foa, R., Peterson, C., Welzel, C. (2008) 'Development, freedom, and rising happiness: A global perspective (1981–2007)', *Perspectives on Psychological Science*, 3 (4), pp. 264–28.
- Inglehart, R., Welzel, C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Jenkins, R. (2004) *Social Identity*. Abingdon: Routledge.
- Jian-Hua, Z., Stanley, R. (1993) 'From discontent to protest: Individual-level causes of the 1989 pro-democracy movement in China', *International Journal of Public Opinion Research*, pp. 234–249.
- Kuran, T. (1991) 'The East European Revolution of 1989: Is it Surprising that We Were Surprised?', *The American Economic Review*, 2 (81).
- Lankina, T., Tertytchnaya, K. (2020) Protest in electoral autocracies: a new dataset', *Post-Soviet Affairs*, 1 (36), pp. 20–36.
- Lankina, T., Voznaya, A. (2015) 'New Data on Protest Trends in Russia's Regions', *Europe-Asia Studies*, 68 (2).
- Lipset, S. (1959) 'Some Social Requisites of Democracy', *American Political Science Review*, 1 (53).
- Lorenzini, J. (2015) 'Subjective well-being and political participation: A comparison of unemployed and employed youth', *Journal of Happiness Studies*, 16 (2), pp. 381–404.
- McAllister, I., Mughan, A. (1983) 'Values, Protest and Minority Nationalism in Wales', *British Journal of Political Science*, pp. 230–243.
- Morrison, M., Tay, L., & Diener, E. (2011) 'Subjective well-being and national satisfaction: findings from a worldwide survey', *Psychological science*, 22 (2), pp. 166–171. DOI: 10.1177/0956797610396224
- Opp, Karl-Dieter. (2009) *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. Routledge.
- Ponarin E., Komin M. (2018) 'The Russian Elite's Imperial Nationalism and the Russian Society: The Emergence of a Grand Consensus', *Sociology Compass*, 12.
- Power, S. A., Madsen, T., & Morton, T. A. (2020). 'Relative deprivation and revolt: current and future directions', *Current opinion in psychology*, 35, pp. 119–124. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.06.010
- Reeskens T., Wright T. (2011) 'Subjective Well-Being and National Satisfaction: Taking Seriously the "Proud of What?" Question', *Psychological Science*, 22 (11), pp. 1460–1462.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). 'On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being', *Annual Review of Psychology*, 52, pp. 141–166. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141
- Smelser, N. J. (1963) *Theory of collective behavior*. The free press of Glencoe.
- Sokolov, V. A., Zagrebina, V. V. (2015) 'Social protest in the context of the Russian region', *Social'nye i gumanitarnye znania*, 2 (5).
- Stryke, S., Owens T.J., White, R.W. (2000) *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis. University of Minnesota Press.
- Tarrow, S. (1994) *Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics*. Cambridge University Press.
- Tekinalp, S. (2016) 'Value Priority and Humor as a Defense to Cultural Schism: Analysis of Istanbul Gezi Park Protest', *International Journal of Communication*.

- Tilly, C. (2004) *Social Movements*. Boulder: Paradigm Publishers.
- Turner J. C., Tajfel H. (1986) 'The Social Identity Theory of Intergroup Behavior'. In J. T. Jost & J. Sidanius (Eds.), *Political psychology: Key readings*.
- van Leeuwen, A., van Stekelenburg, J., Klandermans, B. (2016) 'The phenomenology of protest atmosphere: A demonstrator perspective', *Eur. J. Soc. Psychol.*, 46, pp. 44–62.
- van Stekelenburg J. (2013), 'The Political Psychology of Protest', *European Psychologist*, pp. 224–234. DOI: 10.1027/1016-9040/a000156
- van Stekelenburg, J., Klandermans, B. (2017) 'Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention'. In Roggeband, C., Klandermans, B. (eds) *Handbook of Social Movements Across Disciplines. Handbooks of Sociology and Social Research*. Springer, Cham.
- Weitz-Shapiro, R., Winters, M. S. (2010) 'The Link between Voting and Life Satisfaction in Latin America', *Latin American Politics and Society*, 53 (4), pp. 101–126. DOI: 10.2139/ssrn.1702969
- Welzel, C., Inglehart, R. (2008) 'The Role of Ordinary People in Democratization', *European Journal of Political Research*, 6 (45).
- Welzel, C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press.
- Welzel, C., Deutsch, F. (2012) 'Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of 'Ecological' Effects', *British Journal of Political Science*, pp. 465–473.
- Witte, C. T. and Burger, M. J. and Ianchovichina, E. (2019). 'Subjective Well-Being and Peaceful Uprisings', *World Bank Policy Research Working Paper No. 8705*, Available at: <https://ssrn.com/abstract=3317211>
- Zavadskaya, M., Welzel, C. (2014) 'Subverting autocracy: emancipative mass values in competitive authoritarian regimes', *Democratization*, 22 (6), pp. 1105–1130.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 31.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

SUBJECTIVE WELL-BEING AND VALUES AS PREDICTORS OF PROTEST PARTICIPATION IN REGIONS OF RUSSIA¹

Iu. Moreva

Iuliia Moreva, research assistant, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics, PhD student, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia. E-mail: yuli-more@hotmail.com (ORCID: 0000-0002-3005-6991).

Abstract. Political protest is an important indicator of political conflict in a society. Prior to the outbreak of the coronavirus pandemic, there was a worldwide trend of increasing protest activity. Russia was not left aside from the global trend. According to polls, the level of protest sentiment increased in 2019. Researchers, politicians and the entire global community was faced with the issue of protests as a widespread phenomenon, including the causes and factors that influence the increase in the number of protests. This paper studies the influence of such factors of protest participation as subjective well-being, values, and the level of economic development of the region. The database includes 11045 respondents from 36 regions of Russia. The survey was conducted in 2018. Using multilevel regression on the survey data, the author concludes that respondents with post-material values and those living in wealthier regions are more likely to participate in protests. Subjective well-being has no statistically significant correlation with participation in protests.

Keywords: political participation; protest participation; subjective well-being; happiness; life satisfaction; postmaterial values; value orientation; survival values; self-expression values.

¹ The article/review was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-79-89

КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: МЕЖДУ ДЕЛИБЕРАЦИЕЙ И ИМИТАЦИЕЙ

К. А. Шамшура

Шамшура Кирилл Александрович, аспирант 3-го курса Департамента политологии и международных отношений,

НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kshamshura@hse.ru (ORCID: 0000-0002-5716-2356. ResearcherID: B-1585-2019).

Аннотация

Предпринята попытка дать ответ на вопрос о том, почему в одних регионах консультативно-совещательные органы по вопросам культурного наследия при высших должностных лицах и высших органах исполнительной власти субъектов РФ действительно становятся институтами-медиаторами (посредниками), обеспечивающими гражданское участие в процессе выработки и принятия политико-управленческих решений, а в других лишь имитируют взаимодействие власти и общества. В качестве примеров для сравнительного анализа выбраны КСО из Санкт-Петербурга, Ленинградской и Псковской областей – регионов с высокой концентрацией объектов культурного наследия. Каждый из этих органов возник в различных условиях и по разным причинам, что обусловило траектории их развития. При этом ни один из КСО не имел автономии, находясь в зависимости от региональных властей. Сделан вывод о том, что КСО в ряде случаев были способны оказывать влияние на принятие политико-управленческих решений. Однако результативность их деятельности как институтов-медиаторов полностью зависела от: 1) заинтересованности высших должностных лиц субъектов РФ во взаимодействии с общественными объединениями и экспертными сообществами для решения проблем; 2) участия в КСО представителей общественных объединений, активно выступающих за сохранение культурного наследия.

Ключевые слова: консультативно-совещательные органы; общественные советы; общественный контроль; гражданское общество; культурное наследие; культурная политика.

На протяжении последних двух десятилетий в российских регионах широкое распространение получили разнообразные консультативно-совещательные органы (КСО) с участием представителей общественности и экспертов (Сулимов, 2018). Одной из разновидностей подобных структур являются КСО, создаваемые для обсуждения вопросов в области культурного наследия.

Ранее было выявлено, что функционирование КСО по вопросам культурного наследия имеет существенные кросс-региональные вариации. Так, имелись свидетельства о том, что в некоторых регионах КСО обладали возможностью оказывать влияние на принятие политико-управленческих решений, в то время как во многих регионах КСО скорее имитировали взаимодействие власти и общества (Тарасенко и др., 2011; Шамшура, 2023). В связи с этим возникает вопрос о том, почему в одних случаях КСО действительно становились институтами-медиаторами (посредниками), обеспечивающими гражданское участие в процессе выработки и принятия политико-управленческих решений, а в других лишь имитировали взаимодействие власти и общества.

Консультативно-совещательные органы в России

Изучение специфики российских КСО ведется в научной литературе сравнительно давно. Во многих работах такие структуры рассматривались в качестве делиберативных институтов, создаваемых для вовлечения общественности и экспертов в обсуждение подготавливаемых органами власти проектов политико-управленческих решений (Руденко, 2007; Петрова, Сунгуров, 2012). При этом отмечалось, что участие граждан в подобных практиках способно повысить качество принимаемых решений (Мерсиянова, Якобсон, 2011). Близкий подход к пониманию КСО нашел свое отражение и в

контексте административной теории, где подобные структуры могут рассматриваться в качестве механизмов общественно-государственного управления (Барабашев, 2016). Такая модель управления подразумевает активное участие негосударственных акторов в процессах выработки, принятия и реализации политико-управленческих решений в условиях неопределенности. Помимо этого, КСО рассматриваются как институты общественного контроля над деятельностью органов власти (Дьякова, 2017). В то же время в литературе уже давно имеются свидетельства о том, что КСО могут как выполнять посреднические функции, так и имитировать их (Горный, 2011). Некоторые авторы полагают, что российские КСО представляют собой субституты, которые берут на себя часть функций неработающих демократических институтов представительства интересов (Petrov et al., 2014). Иными словами, субституты не являются полноценными институтами по причине их полной зависимости от должностных лиц и органов власти, при которых они созданы. Также исследователи отмечают, что государство выступает в роли заказчика и получателя рекомендаций от КСО, обеспечивая их деятельность в организационном и финансовом отношении (Руденко, 2007: 121). По сути, это является принципал-агентскими отношениями. Согласно несколько иной точке зрения, КСО в России являются санкционированными государством институтами, посредством которых обеспечивается ограниченное гражданское участие в процессе разработки и имплементации политико-управленческих решений (McCarthy et al., 2020). Исследования показывают, что ограниченное гражданское участие в деятельности КСО рассматривается государством как важный механизм получения обратной связи (Owen & Bindman, 2019).

Вместе с тем в литературе пока что имеется нехватка сведений о практической стороне деятельности российских КСО и причинах вариаций в их функционировании. В частности, не совсем понятными остаются вопросы об оценке результативности КСО (Брянцев и Евстифеев, 2020). Так, некоторые авторы оценивали КСО на предмет эффективности функционирования, под которой понималась способность КСО активно участвовать в процессе формирования политического курса (способность выносить актуальную повестку дня и возможность влиять на принятие решений органами власти) (Тарасенко и др., 2011: 16-17). В других работах внимание акцентируется на персональном составе КСО (Дьякова, Трахтенберг, 2019; Турцева, 2023) и информационной открытости КСО (Кпюх, Япенюва, 2017; Сунгуров и др., 2020; Вяткин и др., 2021), что может влиять на результаты их деятельности. Отдельные исследования показывают, что члены КСО занимаются преимущественно социально-ориентированными проектами и решением локальных проблем, но при этом стараются избегать конфронтации с органами власти или затрагивать «острые» вопросы, например борьбу с коррупцией (McCarthy et al., 2020). Такая деятельность менее заметна для внешних наблюдателей и имеет гораздо меньше возможностей влияния на политический курс. Однако она может оказывать некоторый эффект на качество управления на местах.

КСО по вопросам культурного наследия в российских регионах к настоящему времени функционируют в трех основных вариантах. Первые представлены в виде общественных советов при региональных органах государственной охраны объектов культурного наследия. Широкое распространение они приобрели в первой половине 2010-х годов, в период проведения второго этапа административной реформы, когда массово создавались общественные советы при региональных органах исполнительной власти. Эти общественные советы, в соответствии с Федеральным законом № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», являются субъектами общественного контроля, а их формирование обычно меньше зависит от руководителей тех органов власти, при которых действуют советы. Ко второму варианту относятся КСО при высших должностных лицах и высших органах исполнительной власти субъектов РФ. Эти КСО стали появляться с середины 2000-х годов, однако причины их появления практически не изучены. Кроме того, при региональных органах государственной охраны культурного наследия существуют научно-методические (экспертные) советы, однако они остаются за пределами данной работы.

Методология исследования

В данном исследовании КСО по вопросам культурного наследия рассматриваются в качестве институтов-медиаторов (Петрова, Сунгуров, 2012) или «пограничных структур» (Guston, 2001), обеспечивающих взаимодействие различных акторов публичной политики. В то же время КСО могут становиться местом притяжения разного рода лобби-коалиций (advocacy coalitions), отстаивающих определенные интересы (Sabatier & Weible, 2007). В этом контексте важное значение приобретает

участие в деятельности КСО групп защиты общественных интересов. К последним можно отнести группы защиты культурного наследия (heritage advocacy groups) (Pollock-Ellwand, 1992), способные превращаться в полноценные лобби-коалиции и выступать в защиту объектов культурного наследия (Mozaffari, 2015; Lee, 2016).

В теоретическом отношении работа базируется на типологии моделей взаимодействия органов власти и структур гражданского общества, в которой выделяются: партнерское взаимодействие (модель поддержки; партнерская модель; модель архитектора); взаимодействие, основанное на доминировании власти (патерналистская модель; модель приводных ремней); отсутствие взаимодействия (модель игнорирования); конфронтация (модель борьбы с противником; модель гражданского неповиновения) (Нездюров, Сунгуров, 2008). При этом модели взаимодействия постоянно трансформируются.

Данная работа опирается на предположение о том, что, будучи институтами-медиаторами, КСО отражают те же самые модели взаимодействия. Результативность же функционирования КСО как институтов-медиаторов может изменяться на протяжении всего периода их существования в зависимости от переговорных возможностей разных сторон, главенствующей из которых является региональная власть.

Целью статьи является поиск ответа на вопрос о том, почему в одних случаях КСО по вопросам культурного наследия становились действительно работающими институтами-медиаторами и могли влиять на процесс принятия решений, а в других – нет. Для достижения поставленной цели был проведен сравнительный анализ процессов возникновения и эволюции КСО по вопросам культурного наследия при высших должностных лицах и высших органах исполнительной власти субъектов РФ.

В рамках исследования были проанализированы следующие КСО: Совет по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга (с 2004 г.); Общественный совет по вопросам культурного наследия при Губернаторе Псковской области (2009–2017 гг.); Общественный совет по сохранению культурного наследия при Губернаторе Ленинградской области (с 2016 г.); Совет по вопросам охраны объектов культурного наследия в Псковской области (с 2020 г.). Выбор случаев для анализа основан на том, что в предыдущих исследованиях высказывалось предположение о сравнительно высокой результативности КСО в Санкт-Петербурге и Псковской области, в то время как КСО в Ленинградской области не демонстрировал активной работы (Тарасенко и др., 2011; Шамшура, 2023). Кроме того, в данных регионах сконцентрировано большое количество объектов культурного наследия и нередкими являются конфликты по поводу исторических объектов.

В качестве источников эмпирических данных выступили нормативно-правовые акты, положения и протоколы заседаний КСО, материалы СМИ, экспертные полуструктурированные интервью с бывшими и действующими членами КСО (6 человек), а также официальные ответы из органов власти, направленные в ответ на обращения автора. Так, применительно к Совету в Санкт-Петербурге были проанализированы 102 протокола заседаний, охватывающие период с начала 2004 года до начала 2024 года.

Санкт-Петербург

Совет по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга был создан в 2004 года на основе уже существовавшего научно-методического совета при Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП). Он стал первым подобным КСО в России. Изменение статуса данного органа было связано с вступлением в 2003 г. в должность губернатора В. И. Матвиенко, которая начала реформы в сфере градостроительства и охраны исторической застройки города. По мнению нескольких членов Совета, «Матвиенко хотела показать, что она не настолько связана со строительным и инвестиционным бизнесом, как Яковлев [предыдущий губернатор]», «по вопросам сохранения культурного наследия к предыдущей администрации Владимира Яковлева и к исполняющему обязанности после ухода Яковлева были претензии общественности. Поэтому Матвиенко демонстрировала внимание к этим проблемам». Определенную роль мог сыграть и тот факт, что в середине 2000-х годов должен был состояться плановый международный мониторинг Санкт-Петербурга как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО.

При этом сама В. И. Матвиенко председательствовала на заседаниях Совета только в тех случаях, когда нужно было принимать предлагаемые органами власти нормативно-правовые акты, изменяющие принципы охраны исторической застройки. С 2004 по 2011 год губернатор посетила лишь пять из 59 заседаний. С 2006 по 2009 год В. И. Матвиенко на заседания Совета не приходила. В отсутствие губернатора руководила деятельностью Совета председатель КГИОП В. А. Дементьева. Этим же органом полностью контролировалась деятельность Совета: «никакие вопросы в обход властей не могли попасть на Совет <...> состав Совета формировался КГИОП и утверждался постановлением Правительства». Анализ протоколов заседаний в 2000-е годы показывает, что на Совете обсуждалось множество разных вопросов и высказывались разные точки зрения. Однако Совет был не более чем консультативной площадкой, где эксперты могли высказывать свои соображения по вопросам, предложенным органами власти (патерналистская модель взаимодействия). Возможность вносить вопросы в повестку дня заседаний появилась у членов Совета позднее.

Проводимые в городе в середине 2000-х годов реформы не привели к улучшению ситуации. Еще со второй половины 1990-х годов в Санкт-Петербург стал активно привлекаться крупный бизнес, что привело к массовому сносу исторической застройки и росту числа градостроительных конфликтов. С 2002 по 2010 год было разрушено больше сотни исторических зданий в охранных зонах исторического центра Санкт-Петербурга. На месте снесенных исторических зданий возникали торговые и бизнес-центры, элитные жилые комплексы. Проблема дополнительно усугублялась по причине того, что значительная часть исторических зданий в городе находилась в аварийном или предаварийном состоянии. Именно такие здания сносились в первую очередь. По мнению одного из координаторов движения «Живой город», проблема сноса исторической застройки во многом была связана с наличием «лазеек» в законодательстве. По его словам, законодательство в то время «очень многое отдавало на откуп решениям экспертов <...>. Что именно должно входить в список предметов охраны памятника, какие объекты на территории его охранной зоны представляют ценность, а что можно снести, перестроить, реконструировать <...> определялось заключениями историко-культурных экспертиз. Заказать экспертизу может любое заинтересованное лицо <...>. И экспертные конторы <...> в 2000-х годы начали массово “штамповать” экспертизы, направленные на удовлетворение интересов заказчиков». Совет же не мог оказать серьезного влияния на то, чтобы остановить массовые сносы исторических зданий. На заключения экспертов ссылается и В. И. Матвиенко: «Не я ведь принимала решение, не правительство. Есть официальная экспертиза. Когда экспертиза говорит, что здание не подлежит восстановлению, такие здания пришлось сносить». Лишь в конце 2008 года Законодательным Собранием был принят региональный закон, ставший серьезной преградой для разрушения исторических объектов. Годом ранее еще один региональный закон ввел правило, согласно которому для наделения исторического объекта статусом объекта культурного наследия (или лишения статуса) требуется заключение экспертного совета. С тех пор на Совет была возложена эта функция, что привело к увеличению его роли в городской политике.

В конце 2000-х годов на фоне протестов из-за разрушения исторической застройки и проекта строительства небоскреба «Охта-центр» в городе усилилось общественное движение в защиту культурного наследия. В итоге известный деятель культуры А. Н. Сокуров смог договориться с В. И. Матвиенко о создании неформальной группы из числа градозащитников, которая регулярно встречалась с губернаторами и вице-губернаторами для обсуждения наиболее острых проблем в сфере охраны культурного наследия. Тогда же в состав Совета были включены члены этой группы, добившиеся изменения Положения для того, чтобы при поддержке трети членов Совета любой вопрос включался в повестку дня заседаний. Впоследствии В. И. Матвиенко вспоминала, что недостаточное взаимодействие с градозащитниками было ее ошибкой: «Да, надо было с градозащитниками более активно работать. <...> В силу занятости, не потому, что я этого недопонимала... Может быть, я мало этому уделяла внимания, в чем я себя виню».

Наибольшее влияние на принятие решений Совет приобрел в 2010–2018 годах. Так, респондент Б отмечает: «Совет с приходом группы Сокурова стал более эффективным. К приходу Полтавченко [губернатор с 2011 г.] он был более независим, активен и востребован. Несмотря на все сложности и трудную борьбу, это были лучшие годы в истории Совета». Другой эксперт считает, что «Совет очень активно работал, когда вице-губернатором был Игорь Николаевич Албин [2014–2018], а руководителем КГИОПа был Александр Игоревич Макаров [2011–2014]». Важно, что в это время в Совет входили представители общественных объединений, а все решения принимались коллегиально: «рассматривались тогда очень серьезные вопросы, происходило тогда настоящее обсуждение и

голосование». Кроме того, при Совете стала активно функционировать рабочая группа по рассмотрению экспертных заключений, на основании которых органы власти принимают решения. Посредством участия в деятельности Совета «градозащитники отклоняли вредные экспертизы и принимали хорошие, включали ценные объекты в памятники, меняли и иногда полностью отменяли разрушительные проекты, влияли на нормотворчество, на состав предметов охраны охраняемых памятников и их границы...». Таким образом, в данный период можно говорить о партнерской модели взаимодействия и высокой результативности КСО как института-медиатора.

После вступления А. Д. Беглова в должность губернатора Санкт-Петербурга в 2018 году началось угасание Совета. Заседания стали проводиться редко, а градозащитники постепенно стали выводиться из состава Совета. Так, за период с 2019 до конца 2022 года было проведено пять заседаний Совета и рассмотрено 11 вопросов. В то же время при предыдущем губернаторе ежегодно проводилось от трех до семи заседаний, где было рассмотрено более сотни различных вопросов. По словам респондента Б, «при Беглове Совет постепенно был возвращен к состоянию малой влиятельности и малой эффективности». В 2021–2022 годах руководство города фактически прекратило взаимодействие с независимыми общественными объединениями по поводу охраны объектов культурного наследия. Респондент В отмечает: «Совет изменился... Он стал формальной организацией. Почти на нет было сведено голосование». Данное утверждение подтверждается анализом протоколов, в которых отображаются результаты голосований и решения Совета. Если в 2010-х годах имели место бурные дискуссии, а Совет мог принимать решения, идущие вразрез с позицией властей, то в 2020-е годы Совет стал безоговорочно одобрять все действия органов власти.

Результативность Совета была производной от заинтересованности городского руководства во взаимодействии с общественными объединениями и присутствием в Совете коалиции защитников культурного наследия: «Дементьева и Матвиенко были настроены на то, чтобы показывать свою работу с наиболее демократичной, с такой как бы объективной стороны. А нынешний Макаров [Макаров С. В., председатель КГИОП с 2014 г.] и тем более Беглов... они вообще не заинтересованы ни в чем... поэтому им только мешает вот этот самый орган».

Совет по сохранению культурного наследия в Санкт-Петербурге стал единственным КСО подобного рода в России, который непрерывно функционирует уже в течение двух десятилетий. За период с марта 2004 года по март 2024 года было проведено 102 заседания Совета, на которых было рассмотрено более 300 вопросов, касающихся исторических объектов. Фактически произошла институционализация данного органа. В то же время роль Совета как института-медиатора изменялась в зависимости от позиции губернаторов. В 2000-е годы Совет, по сути, представлял собой расширенный вариант научно-методического совета при КГИОП. Но уже с конца десятилетия стал играть важную роль в городской политике в области культурного наследия. Применительно к первой половине 2010-х годов его можно было бы даже считать инструментом государственно-общественного управления культурным наследием (партнерское взаимодействие). Однако изменение руководства КГИОП, а затем и регионального руководства, привело к тому, что Совет к настоящему времени превратился в орган для обоснования правильности принимаемых городским руководством решений (модель приводных ремней).

Ленинградская область

Общественный совет по сохранению культурного наследия при Губернаторе Ленинградской области был создан распоряжением губернатора в июле 2016 года. За несколько месяцев до этого были опубликованы поручения президента РФ, в которых давалась рекомендация органам исполнительной власти субъектов РФ в срок до 1 августа 2016 г. «образовать общественные советы по вопросам культурного наследия, наделив их правом рассмотрения архитектурно-строительных, реставрационных проектов и проектов по приспособлению объектов культурного наследия народов РФ для современного использования».

К функционированию Общественного совета региональные власти с самого начала не проявили интереса и спустя некоторое время он перестал созываться. Как отметил один из членов КСО, «совет собирался <...> всего лишь пару раз». В официальном ответе на обращение автора в правительство Ленинградской области указывалось, что в последний раз совещание методической секции Совета проходило осенью 2021 года.

В 2022 году при Комитете по сохранению культурного наследия Ленинградской области был создан научно-методический совет, состав которого формировался из числа экспертов-профессионалов. В деятельности Совета явно прослеживается экспертная, а не посредническая функция. Однако, по словам одного из его членов, «Совет продолжает собираться, но редко. Людей на заседания ходит очень мало. <...> [председатель Комитета], который должен председательствовать, на заседания не ходит. Острые вопросы на заседания не выносятся и особых дискуссий нет». Анализ имеющихся протоколов показывает, что заседания проходят под руководством заместителя председателя Комитета. На них обсуждаются акты по результатам государственных историко-культурных экспертиз, проекты границ территорий объектов культурного наследия, вопросы установки памятников, проекты ремонтно-реставрационных работ и т. п. Таким образом, научно-методический совет выступает в качестве площадки, на которой привлеченные ведомством эксперты обсуждают узкоспециализированные вопросы управления объектами культурного наследия. При этом не рассматриваются конфликтные ситуации между разными акторами публичного пространства.

Таким образом, Общественный совет по сохранению культурного наследия при Губернаторе Ленинградской области, вероятно, был создан для формального исполнения поручений президента РФ. Созывался он редко, а через несколько лет после создания перестал функционировать по причине отсутствия интереса у региональных властей к данной переговорной площадке. Научно-методический совет имеет иные функции, и в нем практически не представлены организации гражданского общества. Кроме того, в силу ведомственного характера он не может иметь такого влияния на принятие решений, как КСО при губернаторе. Можно сказать, что в Ленинградской области отсутствуют институционализированные площадки для взаимодействия органов власти и общественных объединений в сфере культурного наследия (модель игнорирования).

Псковская область

Общественный совет по вопросам культурного наследия при Губернаторе Псковской области возник летом 2009 года. Примечательно, что в феврале того же года губернатором Псковской области на первый срок был назначен А. А. Турчак. Возможно, что необходимость в дополнительной общественной поддержке в условиях отсутствия прямых губернаторских выборов могла стать одной из причин создания Совета в важной для жителей Псковской области сфере (Тарасенко и др., 2011: 26-27). Респондент Д отмечает: «Совет был частью позитивного имиджа губернатора и широко освещался в СМИ».

Вместе с тем следует сказать, что это была не первая попытка создать Совет по культурному наследию в Псковской области. Так, в 2005 году по инициативе заведующего отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН и члена Президиума Центрального Совета ВООПИиК А. Н. Кирпичникова уже созывался Совет по культурному наследию при губернаторе Михаиле Кузнецове. Первое и последнее заседание было посвящено проблемам застройки территорий, на которых расположены памятники археологии. На самом заседании губернатор заявлял: «все равно я буду принимать решение, от Совета мало что зависит, зависит от меня». По поводу созыва Совета он отмечал, что «глава администрации области отвечает за все, что происходит на вверенной ему территории, и обязан следить за соблюдением баланса интересов». Иными словами, губернатор лишь хотел услышать позиции разных групп интересов, включая представителей бизнеса и защитников культурного наследия. Больше Совет не созывался. А. Н. Кирпичников отмечал, что активность членов Совета в обсуждении проблем могла напугать губернатора. Тем не менее, по словам профессора, проблема сохранения культурного наследия в Пскове была «впервые поднята на уровне власти».

Общественный совет, возникший в 2009 году, просуществовал девять лет и прекратил свое функционирование с уходом с поста губернатора А. А. Турчака. За весь период с 2009 по 2017 год было проведено 20 заседаний Совета, более половины из которых пришлось на первые годы его работы. Председателем Совета был А. А. Турчак, а его заместителем был избран профессор А. Н. Кирпичников, известный своей активной позицией по защите культурного наследия. Благодаря КСО удалось расширить количество сотрудников органов власти, отвечающих за сохранение объектов культурного наследия, а также принять региональную программу по сохранению культурного наследия и усовершенствовать нормативно-правовое регулирование в данной сфере (Тарасенко и др., 2011: 21-22).

С самого начала Совет стал важной дискуссионной площадкой по обсуждению широкого спектра проблем, связанных с сохранением культурного наследия. Интересно, что на одном из заседаний была отдельно отмечена активная деятельность строительного лобби, которому можно было бы противопоставить «лоббизм ученых». Анализируя деятельность Совета, можно говорить о присутствии в нем коалиции защитников культурного наследия. По оценке одного из членов Совета того периода, «Примерно до 2015 г. Совет был вполне деятельным инструментом. Решения Совета в адрес чиновников, подчиненных губернатору и приглашенных на заседания, так или иначе выполнялись. Удавалось предотвратить исполнение некачественных проектов». Позднее «заседания стали приобретать более формальный характер, стало понятно, что механизм исполнения поручений требует юридической доработки Положения. На устные поручения реагирование ослабло и со стороны губернатора, и со стороны исполнителей».

После ухода А. А. Турчака с поста губернатора Псковской области Общественный совет перестал функционировать. Лишь в 2020 году при губернаторе М. Ю. Ведерникове, сменившем в 2017 г. А. А. Турчака, был создан Совет по вопросам охраны объектов культурного наследия в Псковской области. За период с 2020 по 2022 год было проведено пять заседаний Совета. Анализ протоколов показывает, что заседания восстановленного Совета были скорее похожи на планерку или отчет сотрудников профильного органа власти перед губернатором. После 2022 года заседания больше не проводились. Следует также отметить, что в 2020 году скончался А. Н. Кирпичников, который был инициатором воссоздания Совета. Именно благодаря авторитету этого человека и его связям в высших эшелонах власти удавалось налаживать взаимодействие между экспертами, общественностью и региональными чиновниками. В СМИ деятельность нового Совета практически не получила освещения. В результате можно констатировать тот факт, что этот орган не смог стать постоянно действующей площадкой для взаимодействия власти и негосударственных акторов.

Заключение

Таким образом, каждый из рассмотренных выше КСО имеет разные причины возникновения, определившие его траекторию развития. Совет по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга был сформирован на основе уже существовавшего научно-методического совета при одном из региональных органов исполнительной власти. Непосредственной причиной создания Совета стала необходимость обсуждения проектов реформ в градостроительной сфере, инициированных новым губернатором. Общественный совет по сохранению культурного наследия при Губернаторе Ленинградской области, судя по всему, был создан для формального исполнения поручений президента РФ. Вскоре этот орган прекратил какую-либо работу. Возникновение Общественного совета по вопросам культурного наследия при Губернаторе Псковской области, скорее всего, стоит связывать со стремлением вновь назначенного губернатора-«варяга» наладить взаимодействие с разными группами интересов в чувствительной для региона сфере, а также сформировать позитивный имидж. Этот Совет прекратил свою работу вслед за отставкой губернатора. Вновь созданный через несколько лет Совет фактически стал имитацией диалога власти и общества. Через некоторое время он и вовсе перестал созываться.

В результате единственным консультативно-совещательным органом, функционирующим без перерывов, является Совет по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга. Однако в последние годы из него почти полностью были удалены градозащитники, а сам Совет стал полностью контролируемым исполнительной властью.

Вместе с тем исследование показало, что наибольшая результативность деятельности советов в Санкт-Петербурге и Псковской области пришлась на один и тот же промежуток времени – 2009–2015 гг. Можно предположить, что некоторое влияние на развитие диалога власти и гражданского общества оказал наблюдаемый в указанный период подъем общественной активности в стране. По крайней мере, в Санкт-Петербурге представители общественного движения в защиту культурного наследия попали в Совет именно после волны протестов.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что результативность функционирования консультативно-совещательных органов в сфере охраны культурного наследия как институтов-медиаторов зависит от сочетания двух основных условий: 1) заинтересованности региональных властей во взаимодействии с общественными объединениями; 2) участия в деятельности консультативно-совещательных органов активных представителей коалиций защитников культурного наследия. При этом как первое,

так и второе условие могут являться следствием развития общественного движения в защиту культурного наследия, когда региональные власти становятся вынужденными идти на диалог с гражданским обществом и переходить к партнерской модели взаимодействия.

Список литературы / References

- Барабашев, А. Г. (2016) 'Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3, сс. 163–194. [Barabashhev, A. G. (2016) 'Crisis of State Governance and its Influence on Basic Administrative Paradigms of State and Bureaucracy' [Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyaniye na osnovnyye administrativnyye paradigmy gosudarstva i biurokratii], *Public Administration Issues*, 3, pp. 163–194. (In Russ.)].
- Брянцев, И. И., Евстифеев, Р. В. (2020) 'Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей)', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, сс. 115–136. [Bryantsev, I. I., Evstifeev, R. V. (2020) 'Problems of Evaluating the Effectiveness of the Institutions of State and Society Interaction (The Cases of Regional Public Chambers of the Vladimir and Saratov Regions)' [Problemy otsenki effektivnosti institutov gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya (na primere obshchestvennykh palat Vladimirskoi i Saratovskoi oblasti)], *Public Administration Issues*, 1, pp. 115–136. (In Russ.)].
- Вяткин, И. О., Кабанов, Ю. А., Карягин, М. Е., Кукарцев, С. М., Миронов, П. Д. (2021) 'Условия информационной открытости общественных консультативных советов в Санкт-Петербурге: сравнительный анализ', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, сс. 129–141. [Vjatkin, I. O., Kabanov, Yu. A., Karjagin, M. E., Kukarcev, S. M., Mironov, P. D. (2021) 'Information openness of public advisory councils in St. Petersburg: comparative analysis of conditions', [Uslovija informacionnoj otkrytosti obshchestvennykh konsul'tativnykh sovetov v Sankt-Peterburge: sravnitel'nyj analiz], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 2, pp. 129–141. (In Russ.)].
- Горный, М. Б. (2011) 'Общественно-консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга', *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2, сс. 14–24. [Gornyj, M. B. (2011) 'Public Advisory Structures under Government Bodies: The Experience of St. Petersburg' [Obshchestvenno-konsul'tativnye struktury pri organah vlasti: opyt Sankt-Peterburga], *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2, pp. 14–24. (In Russ.)].
- Дьякова, Е. Г. (2017) 'Общественные советы при органах исполнительной власти: к вопросу об общественном контроле', *Теории и проблемы политических исследований*, 6 (3А), сс. 96–117. [D'yakova, E. G. (2017) 'Public councils at the regional level: some areas of activity' [Obshchestvennye sovery pri organakh ispolnitel'noi vlasti: k voprosu ob obshchestvennom kontrole], *Theories and Problems of Political Studies*, 6 (3A), pp. 96–117. (In Russ.)].
- Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. (2019) 'Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики?', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6 (154), сс. 180–201. [D'yakova, E. G., Trahtenberg, A. D. (2019) 'Public Councils under the Executive Branch: Experts, Supervisors, or Worldly Petitioners?' [Obshchestvennye sovery pri organah ispolnitel'noj vlasti: eksperty, kontrolery ili mirskie chelobitchiki?], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 6 (154), pp. 180–201. (In Russ.)].
- Евстифеев, Р. В. (2018) 'Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы', *Научный результат. Социология и управление*, 4

- (4), сс. 87–100. [Evstifeev, R. V. (2018) 'Public chambers of the subjects of the Russian Federation in the regional system of government: the main problems of functioning and evaluation of the efficiency of work', [Obshhestvennye palaty sub'ektov Rossijskoj Federacii v sisteme upravlenija regiona: osnovnye problemy funkcionirovaniya i ocenki jeffektivnosti raboty], *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), pp. 87–100. (In Russ.)]. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8
- Мерсиянова, И. В., Якобсон, Л. И. (2011) 'Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, сс. 5–24. [Mersijanova, I. V., Jakobson, L. I. (2011) 'Cooperation between the state and civil society structures in solving social problems' [Sotrudnichestvo gosudarstva i struktur grazhdanskogo obshhestva v reshenii social'nyh problem], *Public Administration Issues*, 2, pp. 5–24. (In Russ.)]
- Нездюров, А. Л., Сунгуров, А. Ю. (2008) 'Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России', в: Якобсон, Л. И. (ред.) *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. Москва: Вершина, сс. 209–236. [Nezdyurov, A. L., Sungurov, A. Yu. (2008) 'Interaction between government bodies and civil society structures: possible models and their implementation in the socio-political life of modern Russia' [Vzaimodejstvie organov vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: vozmozhnye modeli i ih realizaciya v obshchestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii]. In L. I. (eds.) *Factors in the development of civil society and mechanisms of its interaction with the state* [Faktery razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodejstviya s gosudarstvom]. Moscow: Verzhina, pp. 209–236. (In Russ.)].
- Петрова, Л. А., Сунгуров, А. Ю. (2012) 'Институты-посредники между органами власти и обществом: Случай Санкт-Петербурга', *Вопросы государственного и муниципального управления*, (2), сс. 78–96. [Petrova, L. A., Sungurov, A. Yu. (2012) 'Mediators Institutes between Government and Society: Case of Saint-Petersburg' [Instituty-posredniki mezhdru organami vlasti i obshchestvom: Sluchaj Sankt-Peterburga], *Public Administration Issues*, (2), pp. 78–96. (In Russ.)].
- Руденко, В. Н. (2007) 'Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии', *Сравнительное конституционное обозрение*, 4, сс. 118–125. [Rudenko, V. N. (2007) 'Consultative public councils in the system of deliberative democracy' [Konsul'tativnye obshhestvennye sovetu v sisteme deliberativnoj demokratii], *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 4, pp. 118–125. (In Russ.)]
- Сулимов, К. А. (2018) 'Системы консультативно-совещательных органов в современной России как институциональные условия соуправления: между унификацией и разнообразием', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1, сс. 5–23. [Sulimov, K. A. (2018) 'Systems of Consultative and Advisory Bodies in Contemporary Russia as Institutional Conditions for Co-Governance: Between Unification and Diversity' [Sistemy konsul'tativno-soveshchatel'nykh organov v sovremennoj Rossii kak institutsional'nye usloviya soupravleniya: mezhdru unifikatsiei i raznoobraziem], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 1, pp. 5–23. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23
- Сунгуров, А. Ю., Дубровский, Д. В., Карягин, М. Е., Тиняков, Д. К. (2020) 'Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга)', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, сс. 7–31. [Sungurov, A. Yu., Dubrovsky, D. V., Karyagin, M. E., Tiniakov, D. K. (2020) 'Public Consultative Councils as a Way of Involving Expert Knowledge in Policy Decision Process (Case of St. Petersburg)' [Obshchestvenno-konsul'tativnye sovetu kak forma вовлечeniya ekspertnogo znaniya v process politiko-upravlencheskih reshenij (na primere g. Sankt-Peterburga)], *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, сс. 7–31. (In Russ.)].

- Peterburga)], *Public Administration Issues*, 2, pp. 7–31. (In Russ.)¹.
- Тарасенко, А., Дубровский, Д., Стародубцев, А. (2011) *Навести мосты между обществом и государством: общественно-консультативные структуры в регионах Северо-Запада*. Санкт-Петербург: Реноме. [Tarasenko, A., Dubrovskij, D., Starodubcev, A. (2011) *Building bridges between society and the state: public advisory structures in the regions of the North-West* [Navesti mosty mezhdru obshhestvom i gosudarstvom: obshhestvenno-konsul'tativnye struktury v regionah Severo-Zapada]. Sankt-Peterburg: Renome. (In Russ.)².
- Турцева, К. П. (2023) «Экспертная сбалансированность» в общественных экологических советах регионов России», *Ars Administrandi*, 3 (15), сс. 471–494. [Turtseva, Ch. P. (2023), “Fair balance” in the Russian regional public environmental councils’ [Jekspertnaja sbalansirovannost’ v obshhestvennyh jekologicheskikh sovetah regionov Rossii], *Ars Administrandi*, 3 (15), pp. 471–494. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-3-471-494.
- Шамшура, К. А. (2023) ‘Общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия в российских регионах: информационная открытость и персональный состав’, *Вестник Томского государственного университета*, 494, сс. 115–124. [Shamshura, K.A. (2023) ‘Public advisory councils for cultural heritage in the Russian regions: Information openness and composition’ [Obshhestvenno-konsul'tativnye sovery po voprosam kul'turnogo nasledija v rossijskih regionah: informacionnaja otkrytost' i personal'nyj sostav], *Tomsk State University Journal*, 494, pp. 115–124. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/15617793/494/12
- Guston, D. H. (2001) ‘Boundary organizations in environmental policy and science: an introduction’, *Science, technology & human values*, 26 (4), pp. 399–408.
- Knox, C., Janenova, S. (2017) ‘Public councils in Kazakhstan: a case of emergent participative democracy?’, *Central Asian Survey*, 2 (37), pp. 305–321. DOI: 10.1080/02634937.2017.1410467
- Lee, A. K. (2016) ‘Heritage conservation and advocacy coalitions: the state-society conflict in the case of the Enning Road redevelopment project in Guangzhou’, *International Journal of Heritage Studies*, 22 (9), pp. 729–747.
- McCarthy L.A, Stolerman K.A, Tikhomirov A.V. (2020) ‘Managed Civil Society and Police Oversight in Russia: Regional Police-Public Councils’, *Europe-Asia Studies*, 9 (72), pp. 1498–1522. DOI: 10.1080/09668136.2020.1832964
- Mozaffari, A. (2015) ‘The heritage ‘NGO’: A case study on the role of grass roots heritage societies in Iran and their perception of cultural heritage’, *International Journal of Heritage Studies*, 21 (9), pp. 845–861.
- Owen C., Bindman E. (2019) ‘Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia’, *Government and Opposition*, 1 (54), pp. 98–120. DOI:10.1017/gov.2017.13
- Petrov, N., Lipman, M., Hale, H. E. (2014) ‘Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin’, *Post-Soviet Affairs*, 30 (1), pp. 1–26.
- Pollock-Ellwand, N. (1992) ‘Heritage Advocacy in the Cultural Landscape’, *APT Bulletin: The Journal of Preservation Technology*, 24 (3/4), pp. 71–78.
- Sabatier, P. A., Weible, C. M. (2007) ‘The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications’, in Sabatier, P. A. (ed.) *Theories of the Policy Process*. Boulder; Colo: Westview Press, pp. 189–220.

¹ Настоящий материал (информация) произведён иностранным агентом Дмитрием Викторовичем Дубровским или касается деятельности иностранного агента Дмитрия Викторовича Дубровского.

² Настоящий материал (информация) произведён иностранным агентом Дмитрием Викторовичем Дубровским или касается деятельности иностранного агента Дмитрия Викторовича Дубровского.

³ Настоящий материал (информация) произведён иностранным агентом Николаем Владимировичем Петровым или касается деятельности иностранного агента Николая Владимировича Петрова.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**CONSULTATIVE AND ADVISORY BODIES ON CULTURAL HERITAGE ISSUES
IN RUSSIAN REGIONS: BETWEEN DELIBERATION AND IMITATION**

K. Shamshura

Kirill Shamshura, PhD Student, Department of Political Science and International Affairs,
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: kshamshura@hse.ru (ORCID: 0000-0002-5716-2356. ResearcherID: B-1585-2019).

Abstract. The article attempts to answer the question why in some regions consultative and advisory bodies on cultural heritage reporting to senior officials and senior executive bodies of Russian regions actually become mediating institutions (intermediaries) ensuring civil participation in the policy-making process, while in others they only imitate the interaction between government and society. Consultative and advisory bodies of St. Petersburg, Leningrad and Pskov regions were selected as examples for comparative analysis. Each of these bodies emerged under different conditions and due to different reasons, which determined their course of development. The study concludes that, in a number of cases, consultative and advisory bodies were able to influence the adoption of political and managerial decisions. However, the effectiveness of their activities as mediating institutions depended entirely on: 1) the interest of senior regional officials in interacting with public associations and expert communities to solve problems; 2) the participation of representatives of public associations actively advocating the preservation of cultural heritage.

Keywords: consultative and advisory bodies; public councils; public scrutiny; civil society; cultural heritage; cultural policy.

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-90-105

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НИЗОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Соколов, Е. А. Исаева, Е. Д. Гребенко

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий,
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374. ResearcherID: C-5767-2018).

Исаева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социального и семейного законодательства,
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: elenia2000@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7001-6161. ResearcherID: GRR-1624-2022).

Гребенко Егор Дмитриевич, ассистент кафедры социально-политических теорий;
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.
E-mail: grebenkoegor76@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9978-077X. ResearcherID: JMQ-6335-2023).

Аннотация

Низовая гражданская активность представляет собой практики, добровольно иницируемые гражданами с целью решения социально значимых проблем, возникающих на локальной территории. Наиболее распространенными практиками на сегодня являются волонтерство и добровольчество; деятельность некоммерческих организаций; инициативное бюджетирование; территориальное общественное самоуправление и благотворительность. Изучение этих практик с точки зрения нормативно-правового регулирования представляется актуальным и важным, особенно в аспекте формирования возможностей развития эффективных механизмов коммуникации власти и общества для принятия общественно-политических решений и снижения остроты локальных проблем. Целью данного исследования является выявление особенностей нормативного регулирования основных форм низовой гражданской активности в субъектах Российской Федерации. В исследовании использовался контент-анализ 1144 нормативных актов 85 субъектов Российской Федерации, регулирующих низовую гражданскую активность, на основе массива базы «КонсультантПлюс» (по следующим критериям: регион, дата принятия, форма регулируемой активности, регулирующий субъект, оказываемый эффект, формат поддержки, формат вовлеченности власти, формат участия, предусмотренное финансирование, вознаграждение инициатору, уровень реализации) с последующей обработкой в программе IBM SPSS Statistics. В результате обобщены современные подходы к пониманию низовой гражданской активности, проанализирована нормативно-правовая рамка регулирования низовой гражданской активности в субъектах Российской Федерации, выделены актуальные примеры регулирования отдельных форм низовой гражданской активности на региональном уровне. Также сделан вывод, что наибольшее количество нормативно-правовых актов принимается относительно форм низовой гражданской активности, направленных на решение локальных вопросов развития в области реализации общественных инициатив и решения социально значимых проблем, при этом основным инициатором нормативных актов являются органы исполнительной власти регионов.

Ключевые слова: низовая гражданская активность; волонтерство; добровольчество; территориальное общественное самоуправление; инициативное бюджетирование; регулирование; благотворительность.

Введение

Любая форма проявления низовой гражданской активности, будь то акт благотворительности или добровольчества, объединение жителей на территории проживания или инициативное бюджетирование, имеет определенный объем правового регулирования, нацеленного на то, чтобы закрепить конкретное явление, дав ему определение и право на законное существование.

Понимая ценность эффективно работающих институтов гражданского общества и роль государственного стимулирования позитивной гражданской активности, органы власти в последние годы выбрали вектор нормативного закрепления инструментов поддержки таких форм активности граждан, как добровольчество, благотворительность, территориальное общественное самоуправление, инициативное бюджетирование, реализация проектов СО НКО и др.

Региональный пласт законодательства демонстрирует очень разные модели правового регулирования форм низовой гражданской активности. Есть субъекты Российской Федерации, которые последовательно выстраивают систему поддержки позитивной гражданской активности через принятие финансируемых из бюджета государственных программ, профильных законов, включающих широкую палитру мер организационной, финансовой, информационной и иной помощи. Есть регионы, дублирующие в своем законодательстве федеральные нормы, не привнося в регулирование дополнительных акцентов, либо вообще не создающие региональных нормативных актов по исследуемой тематике, если их создание напрямую не предусмотрено федеральным законом в императивной форме.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена тем, что низовая гражданская активность играет важную роль в развитии государства и общества, так как она представляет собой деятельность обычных граждан, направленную на улучшение своей жизни и жизни своего окружения. Нормативная регламентация этой активности может способствовать повышению ее эффективности, а также защите прав и интересов граждан посредством создания прозрачных и справедливых правил игры. Исходя из всего вышесказанного, отметим, что научная проблема, на решение которой направлена статья, связана с малоизученностью феномена регламентации низовой гражданской активности различными органами власти субъектов Федерации, а также их приоритетов в этом направлении.

Теоретические основы исследования

Гражданская активность, осуществляемая в различных формах, выступает важнейшим компонентом гражданского общества как особой социальной общности (Барков, 2012). В современных исследованиях гражданская активность рассматривается как действия людей, направленные на решение общественно значимых проблем. В центре внимания исследователей находится объединение усилий граждан для решения общих социальных и политических задач (Парма, 2022). Опираясь на мнения исследователей, можно выделить сущностную характеристику гражданской активности – добровольность деятельности граждан, направленной на защиту как индивидуальных, так и групповых интересов. Таким образом, под гражданской активностью следует понимать участие граждан в общественной жизни, проявление заинтересованности и ответственности в отношении проблем и вопросов, касающихся как отдельных групп, территорий, так и государства в целом. Она включает в себя широкий спектр действий, направленных на улучшение общественной среды, решение социальных проблем, защиту прав и интересов граждан.

В современных исследованиях часто используется подход, при котором исследуемый объект рассматривается с точки зрения влияния на него «сверху» (исходит от государственных институтов власти) и «снизу» (инициатива идет от самих граждан и общественных организаций) (Wilderman at al., 2004). Государственная гражданская активность, или активность «сверху», осуществляется через органы власти и государственные структуры, например принятие законов, выдвижение инициатив, разработанных правительством для решения определенных проблем или достижения определенных целей. Государственная гражданская активность может быть эффективным инструментом развития государства, поскольку органы власти обладают необходимыми полномочиями и ресурсами для осуществления политических и социальных изменений (Кротова, 2020). Инициативу и конкретные действия, поступающие от самих граждан, можно обозначить как гражданскую активность «снизу» или низовую гражданскую активность (Рогач и др., 2022). Она играет важную роль в формировании общественного мнения, повышении осведомленности и мобилизации граждан; позволяет гражданам

выражать свои интересы и принимать участие в процессе принятия решений, а также оказывает влияние на органы власти с целью учета общественного мнения. Как отмечала И. А. Халий, отдельные граждане не могут осуществлять глобальные преобразования, но могут влиять на решение проблем, сформированных на локальном уровне (Халий, 2007). Тем самым они влияют как на социум, локальное пространство в целом, так и на самоощущение активистов, осознававших свою значимость в нем (Паченков, 2021).

Обобщая различные подходы, можем сформулировать авторское определение низовой гражданской активности как практик, добровольно иницируемых гражданами с целью решения социально значимых проблем, возникающих на локальной территории. Наиболее распространенными их формами являются волонтерство и добровольчество; деятельность некоммерческих организаций; инициативное бюджетирование; территориальное общественное самоуправление и благотворительность. Изучение этих практик с точки зрения их нормативного регулирования представляется актуальным, в том числе для их выявления, тиражирования с целью развития эффективных механизмов коммуникации власти и общества для принятия общественно-политических решений, снижающих социальную напряженность на различных территориях.

Эффективное регулирование общественных отношений посредством правовых норм и правил общественного поведения вносит существенный вклад в развитие объекта регулирования, в том числе посредством его институционализации. В частности, различные формы гражданской активности опираются в первую очередь на ту регулятивную систему, которая обусловлена потенциалом традиций, обычаев, норм нравственности и других правил общественного поведения. В отличие от многих правоведов, В. И. Шепелев акцентирует внимание на целесообразности в первую очередь складывающихся в обществе норм поведения и взаимодействия, и только в тех случаях, где они не демонстрируют эффективности, признают необходимость государственного регулирования (Шепелев, 2016).

В условиях становления, функционирования и развития низового гражданского активизма право выступает в качестве оперативного и эффективного инструмента, который в первую очередь иницирует благоприятные условия для полноценной реализации всеми заинтересованными членами общества естественных и неотчуждаемых прав и свобод, определяющих достоинство их существования (Ловинк, 2019).

Главная особенность функционирования регулятивной системы низового гражданского активизма заключается в том, что в процессе регламентации соответствующих общественных отношений правовые нормы и правила общественного поведения не изолированы друг от друга, они нередко вступают в процессы взаимосвязи и взаимодействия (Желина, 2021). Тем самым достигается успешное разрешение и развитие конкретных жизненных ситуаций, укрепляется социальный, нравственный, политический, правовой статус каждой заинтересованной личности (Володенков, 2021).

К числу важных и актуальных проблем, касающихся характеристики регулятивной системы общества, стремящегося обрести черты и свойства гражданского активизма «снизу», следует отнести выявление и оценку того неоднозначного влияния, которое оказывают на рассматриваемую нормативную систему имеющиеся в действующем законодательстве дозволения и запреты, затрагивающие многие стороны социальной и правовой действительности (Паченков, 2021).

Нормативная регламентация низовой гражданской активности означает набор правовых норм и положений, которые определяют процедуры и условия для организации и осуществления деятельности гражданского общества на низовом уровне, включая разные формы организации гражданской активности, такие как некоммерческие организации, общественные объединения и другие низовые институты (Никитин, 2022). Такая регламентация может включать в себя:

- 1) законы и нормативные акты, которые устанавливают правила для создания, регистрации и функционирования низовых организаций;
- 2) гарантии и привилегии, предоставляемые низовым организациям, такие как налоговые льготы или особые права и возможности для участия в принятии решений на местном уровне;
- 3) правила и порядок проведения гражданской активности (например, для организации публичных мероприятий, проведения петиций или обсуждения общественных вопросов);
- 4) механизмы поддержки и финансирования гражданской активности на низовом уровне, такие как гранты, субсидии или другие формы финансовой помощи.

Нормативная регламентация способствует обеспечению прав граждан на участие в общественной жизни, создает благоприятные условия для развития гражданского общества и фиксирует

правовые рамки для его деятельности. В связи с этим В. П. Гавриков проводит анализ различных подходов к интерпретации понятия регламентации общественных отношений, указывая, что она подразумевает разработку юридических норм либо издание правовых норм (Гавриков, 2016). Исходя из этого, можно говорить о том, что нормативная регламентация низовой гражданской активности предполагает закрепление в правовом акте определения понятия, сущности и порядка реализации конкретной формы низовой гражданской активности.

Таким образом, особенностью отечественной науки является изучение регулирования отдельных форм осуществления гражданской активности. Ввиду этого новизной и практической значимостью данного исследования является комплексный анализ нормативно-правовой базы 85 субъектов Российской Федерации (по причине отсутствия доступа к таковой у остальных четырех регионов в «КонсультантПлюс» и прохождения ими переходного периода), регулирующей низовую гражданскую активность на региональном уровне в стране.

Методика исследования

Целью исследования является выявление особенностей нормативного регулирования основных форм низовой гражданской активности в субъектах Российской Федерации. Для достижения данной цели основным методом был выбран метод количественной оценки развитости и сформированности региональной нормативно-правовой базы, так как он позволяет выявить масштабы регулирования, а также его ключевые характеристики.

Анализ был проведен по следующим формам низовой гражданской активности:

- волонтерство;
- поддержка СО НКО и общественных объединений (закон и программа);
- инициативное бюджетирование;
- территориальное общественное самоуправление;
- благотворительность;
- охрана общественного порядка;
- публичные мероприятия;
- самообложение граждан;
- гражданская законодательная инициатива;
- публичные слушания;
- отзыв должностных лиц.

Сбор нормативных актов проводился путем внесения в поисковую строку «КонсультантПлюс» контекстного запроса, направленного на вычленение искомых нормативных актов по ключевым словам и в соответствии с названием формы низовой гражданской активности. Для поиска использовались две опции: поиск слова (группы слов) в названии нормативного акта и поиск слова в тексте нормативного акта (так как значимое регулирование формы низовой гражданской активности могло осуществляться в нормативно-правовом акте с другим наименованием, как, например, Постановление Правительства Нижегородской области от 30.04.2014 № 298 «Об утверждении государственной программы "Социальная поддержка граждан Нижегородской области", регулирующей поддержку НКО»).

Таким образом был сформирован массив из 1144 нормативных актов 85 субъектов Российской Федерации, регулирующих низовую гражданскую активность. Его анализ осуществлялся по следующим критериям:

- 1) дата принятия акта;
- 2) форма регулируемой низовой гражданской активности;
- 3) формы и субъект регулирования (региональный закон, акт губернатора, акт высшего регионального органа исполнительной власти (правительство или администрация), акт регионального органа исполнительной власти, акт законодательного органа региона);
- 4) оказываемый нормативным актом эффект (поддерживает / стимулирует или ограничивает / бюрократизирует);
- 5) формат поддержки (нематериальный, материальный, комбинированный);

6) формат вовлеченности власти (предусматривает в ходе реализации формы низовой гражданской активности взаимодействие с органами публичной власти или не предусматривает взаимодействие с органами публичной власти);

7) формат участия (индивидуальное участие гражданина, групповое / коллективное участие гражданина, смешанный формат);

8) необходимость финансирования (требуется финансирование со стороны органов государственной власти; требуется финансирование со стороны органов местного самоуправления; требуется финансирование со стороны негосударственных источников; требуется комбинированное финансирование; не требуется финансирование);

9) вознаграждение инициатору (предусматривается материальное вознаграждение инициатора / инициаторов / участников; предусматривается нематериальное вознаграждение инициатора / инициаторов / участников; не предусматривается вознаграждения инициатора / инициаторов / участников);

10) закрепленный уровень реализации формы низовой гражданской активности (региональный, муниципальный, комбинированный).

В тех случаях, где оценка по критерию могла быть спорной (например, по характеру оказываемого эффекта), она осуществлялась независимо авторами исследования, а затем сопоставлялись выставленные три оценки. Если среди авторов не было первоначального консолидированного мнения по конкретному акту, то проводились дополнительно его обсуждение и выставление консолидированной оценки.

Ряд нормативно-правовых актов был направлен на регулирование нескольких форм низовой гражданской активности (главным образом законы, регулирующие благотворительность и добровольчество), их кодировали сразу по нескольким соответствующим формам.

Дальнейший анализ массива полученных данных проходил посредством программы IBM SPSS Statistics. Результатом работы с программой стали частотные таблицы по вышеописанным критериям и таблицы сопряженности по основным формам исследуемых активностей. Визуальные изображения группировки данных (графики) обработаны посредством программы Microsoft Excel.

Количественный анализ был дополнен качественным по четырем из пяти форм – лидеров по количеству актов о низовой гражданской активности: добровольчество (волонтерство), благотворительная деятельность, территориальное общественное самоуправление, инициативное бюджетирование. Выбор данных форм предопределялся наибольшим количеством актов, принятых в субъектах Российской Федерации, для их регулирования. В эту группу не была включена одна форма – поддержка НКО по причине значительного количества актов подзаконного характера, которые не были включены в выборку исследования из-за значительного их количества, анализ которого провести было невозможно.

В ходе этапа качественного анализа изучались соответствующие акты, проводилось обобщение и давалась их общая характеристика. Это позволило выявить общие и особенные параметры содержания регулирования форм низовой гражданской активности.

Данная конфигурация методов позволила не только выявить количественные параметры регулирования в субъектах Российской Федерации форм низовой гражданской активности, но и осуществить содержательную интерпретацию наиболее массовых групп актов. Таким образом, была возможность разностороннего рассмотрения объекта исследования.

В рамках исследования была сформулирована следующая гипотеза: в субъектах Российской Федерации наблюдается неправомерное (как по спектру закрепленных форм, так и по времени их закрепления) развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей формы низовой гражданской активности, при этом получившими наибольшее распространение являются акты о тех формах, которые иницируются на федеральном уровне и направлены на конструктивное взаимодействие с властью, а основным их инициатором выступают органы исполнительной власти, предусматривающие стимулирование и поощрение коллективного участия граждан.

Результаты исследования

В результате обработки запроса по ключевым словам через программу «КонсультантПлюс» в каждом субъекте Российской Федерации, за исключением регионов, вошедших в состав Российской Федерации по результатам референдумов в 2022 г. (по причине отсутствия нормативно-правовых актов из-за введенного переходного периода), были обнаружены нормативные акты, регулирующие низовую гражданскую активность. С целью первичной классификации они были сгруппированы в массивы по федеральным округам. Подобный подход был связан с предыдущим опытом авторов, который демонстрировал, что регионы, расположенные по соседству, часто копируют тексты нормативно-правовых актов друг у друга и лишь после незначительной корректировки включают в свое правовое поле. Тем самым демонстрируются территориальные особенности в рамках особых пространств страны.

Наибольшее количество актов было выявлено в Центральном (225) и Приволжском (222) федеральных округах. Меньше всего актов выявлено в регионах СКФО (66) и в Уральском федеральном округе (76). В других округах было обнаружено следующее количество нормативных актов: Дальневосточный – 130; Северо-Западный – 152; Сибирский – 128; Южный – 145. При этом необходимо учитывать общее количество регионов, входящих в состав каждого федерального округа, поэтому было вычислено среднее значение актов при расчете на общее количество регионов в каждом федеральном округе. Этот показатель составил 13,4. Наибольшие показатели наблюдаются в Южном (18,1 акта на каждый регион) и Приволжском федеральных округах (15,9). Средние значения – в Северо-Западном (13,8), Сибирском (12,8), Уральском (12,7), Центральном (12,5) и Дальневосточном (11,8) федеральных округах. Наименьшим по среднему количеству нормативных актов на регион оказался Северо-Кавказский федеральный округ – 9,4 акта на каждый регион округа. Подобные данные свидетельствуют о достаточно равномерном распределении нормативных актов на каждый федеральный округ России. Однако в каждом федеральном округе нормативные акты распределены в рамках регионов неравномерно, что говорит о разнице в регулировании низовой гражданской активности. В то же время следует отметить, что минимальное значение нормативных актов в каждом субъекте Российской Федерации обеспечивается за счет имплементации в региональном нормативном поле предусмотренных федеральными нормами процедур и форматов. Результаты вышеописанных данных представлены на рис. 1.

Рис. 1. Сопоставление общего количества законодательных актов со средним на каждый регион федерального округа

Анализ дат принятия актов, регулирующих низовую гражданскую активность в России, показал, что наиболее активным периодом принятия документов можно обозначить 2019–2021 гг., когда было принято порядка 42,3 % всех выявленных актов. При этом распределение дат в рамках федеральных округов подтверждает общую тенденцию принятия нормативных актов. Лишь некоторые округа начали массовое принятие актов на год раньше, в 2018 г. – ДФО, СКФО и УФО. Некоторые округа (ДФО и СЗФО) закончили массовое принятие в 2022 г.

В обозначенный выше «активный» период были приняты нормативные акты, регулирующие следующие формы низовой гражданской активности: территориальное общественное самоуправление (33,3 %); волонтерство (66,9 %); инициативное бюджетирование (44,9 %) и самообложение граждан (72,7 % в 2021 г.). Поддержка СО НКО и общественных объединений были приняты главным образом с 2011 по 2014 г. (55,2 %), так же как гражданские законодательные инициативы (50 %) и публичные слушания в 2012 г. (45,6 % за год). Регулирование охраны общественного порядка было принято в период 2014–2015 гг. (77 %), публичных слушаний – в 2012 г. (77,8 %). Раньше всех были инициированы и приняты акты по отзыву должностных лиц – с 2004 по 2007 г. (80 %). Подробное количество законодательных актов по годам принятия представлено на рис. 2.

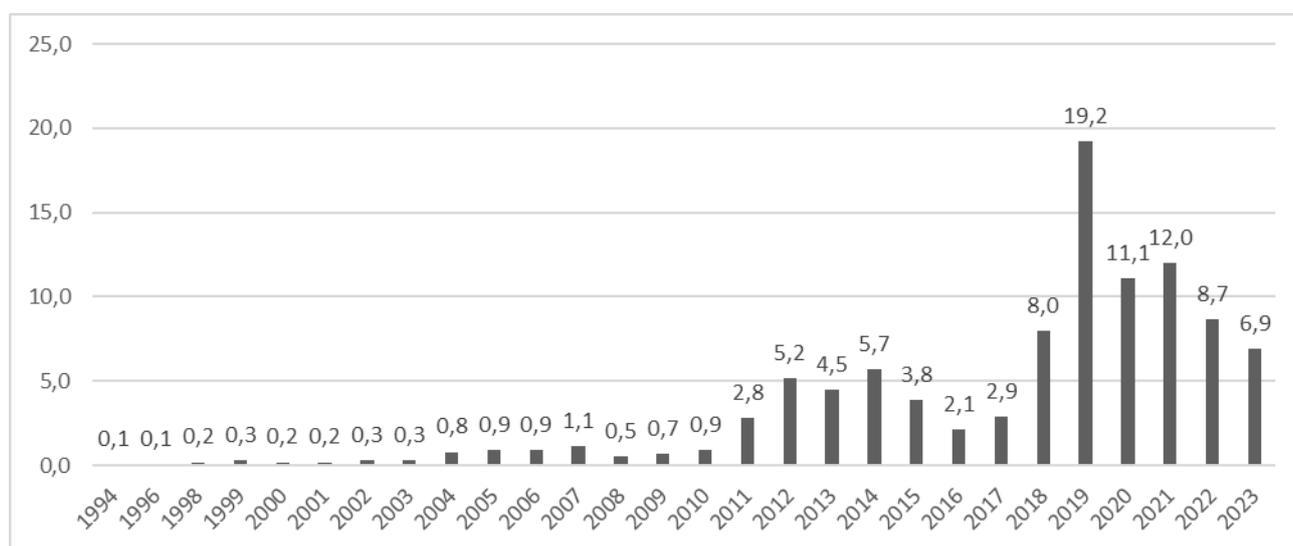

Рис. 2. Количество законодательных актов по годам принятия

Явным лидером среди всех форм низовой гражданской активности по регулированию выступает волонтерство (42,3 % от всех исследуемых актов). Вторым по популярности выступила поддержка СО НКО и общественных объединений – 12,5 %, третьим – инициативное бюджетирование (11,1 %), четвертым – территориальное общественное самоуправление (10 %). При этом не было обнаружено актов по следующим формам активности в каждом из федеральных округов:

1. ДФО – публичные слушания.
2. ПФО – публичные слушания.
3. СЗФО – публичные слушания.
4. СКФО – территориальное общественное самоуправление; гражданская законодательная инициатива; публичные слушания; отзыв должностных лиц.
5. СФО – публичные слушания; отзыв должностных лиц.
6. УФО – публичные слушания; отзыв должностных лиц.
7. ЦФО – присутствует регулирование всех форм низовой гражданской активности.
8. ЮФО – публичные слушания; отзыв должностных лиц.

Необходимо также отметить, что, если та или иная форма низовой гражданской активности присутствует в федеральном округе, это не означает того, что она есть и в каждом его регионе. Все вышеописанное говорит о том, что регулирование низовой гражданской активности неравномерно не только в рамках федеральных округов, но и в рамках субъектов Российской Федерации. Подробные данные представлены на рис. 3.

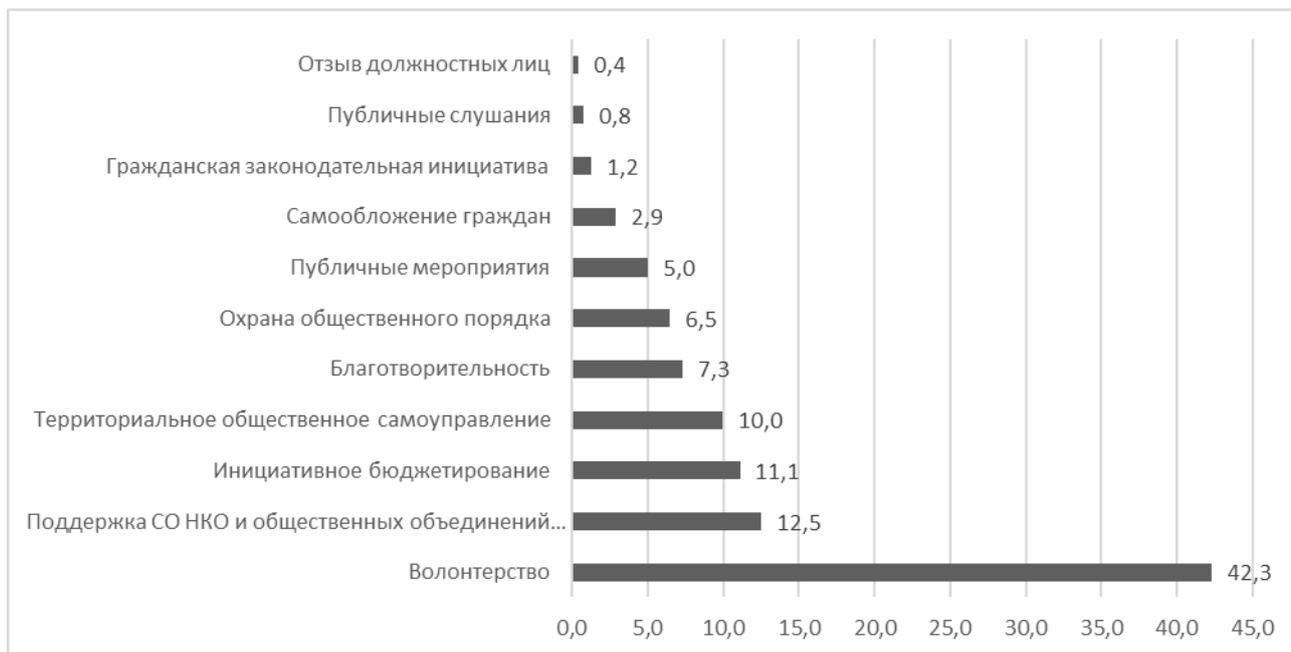

Рис. 3. Количество законодательных актов по формам регулируемой активности (в процентном выражении)

Главным регулирующим субъектом форм низовой гражданской активности выступают правительства / администрации субъектов Российской Федерации (44,1 %). На втором месте по популярности – законодательные акты (29 %). 16,7 % всех нормативных актов приняты органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, лишь 9,2 % – главами регионов, и только 1 % – актами законодательного органа региона. Распределение в рамках федеральных округов соответствует общей тенденции, обозначенной ранее.

При этом формы низовой гражданской активности регламентируются различными регулирующими субъектами. Так, законом регулируются: благотворительность (39,3 % от общего количества актов по каждой форме низовой гражданской активности); поддержка СО НКО и общественных объединений (46,2 %); гражданская законодательная инициатива (100 %); охрана общественного порядка (100 %); публичные слушания (100 %); публичные мероприятия (100 %); отзыв должностных лиц (80 %); самообложение граждан (75,8 %). Губернатором – благотворительность (28,6 %). Правительством / администрацией субъекта – территориальное общественное самоуправление (61,4 %); волонтерство (51,9 %); поддержка СО НКО и общественных объединений (48,3 %) и инициативное бюджетирование (74,8 %). Органами исполнительной власти регулируется волонтерство (30,8 %). Распределение форм активности и регулирующих субъектов представлено на рис. 4.

Также можно отметить, что практически все нормативные акты (94,8 %) так или иначе поддерживают и стимулируют развитие низовой гражданской активности. Единственными формами низовой гражданской активности, которые ограничиваются актами, являются публичные слушания (100 % от всех актов по этой форме) и публичные мероприятия (86 % от всех актов по этой активности). В совокупности они составляют 5,2 %. В рамках всех федеральных округов прослеживается общая тенденция на развитие и стимулирование большинства форм низовой гражданской активности (рис. 5).

Исследуемые нормативные акты практически в равной степени оказывают материальную (48,1 %) и нематериальную поддержку (43,8 %) формам низовой гражданской активности. Только 8,1 % актов предполагают смешанный тип поддержки. Наибольшее количество актов с материальной поддержкой низовой гражданской активности наблюдается среди регионов ДФО (55,4 %), ПФО (50 %), СКФО (51,5 %) и ЮФО (51,7 %). Нематериальной – среди регионов СФО (53,9 %, при этом форм нематериальной поддержки здесь больше, чем материальной). Больше количество смешанных типов поддержки прослеживается среди регионов СЗФО (15,1 %) и УФО (10,5 %).

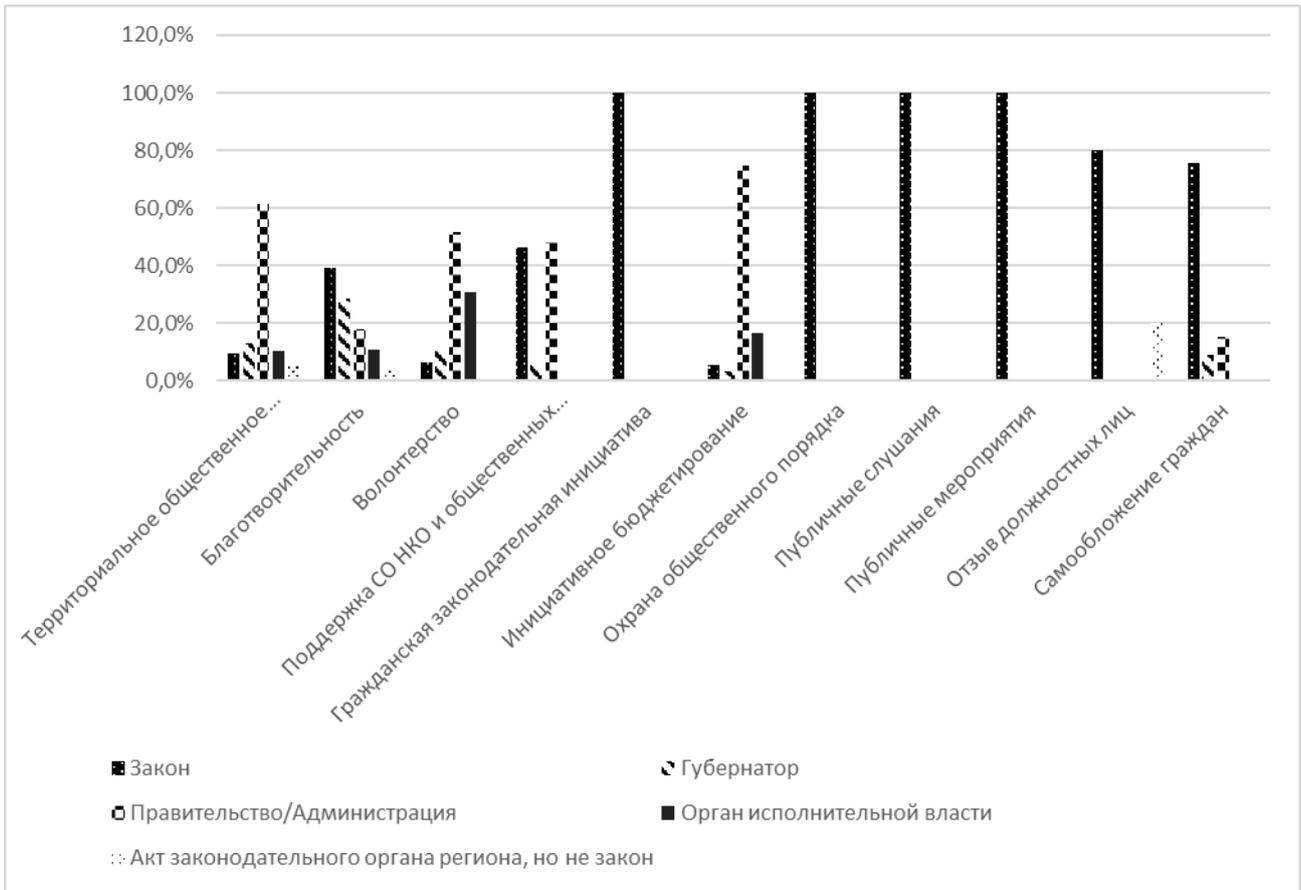

Рис. 4. Сопоставление регулирующего субъекта и формы активности (в процентном выражении)

Рис. 5. Сопоставление оказываемого эффекта и формы активности (в процентном выражении)

Главными формами низовой гражданской активности, на которые ориентировано материальное стимулирование, являются: территориальное общественное самоуправление (73,7 %); поддержка СО НКО и общественных объединений (98,6 %); инициативное бюджетирование (100 %) и самообложение граждан (100 %). Нематериальной поддержкой в основном стимулируются благотворительность (47,6 %); волонтерство (57,9 %); гражданская законодательная инициатива (100 %); охрана общественного порядка (100 %); публичные слушания (100 %); публичные мероприятия (100 %) и отзыв должностных лиц (100 %). Также смешанные типы поддержки используются при регулировании благотворительности (36,9 %). Можно отметить тенденцию: большинство форм низовой гражданской активности стимулируются именно нематериальной поддержкой. Распределение результатов в разрезе федеральных округов и регулируемых форм активности представлено на рис. 6 и 7 соответственно.

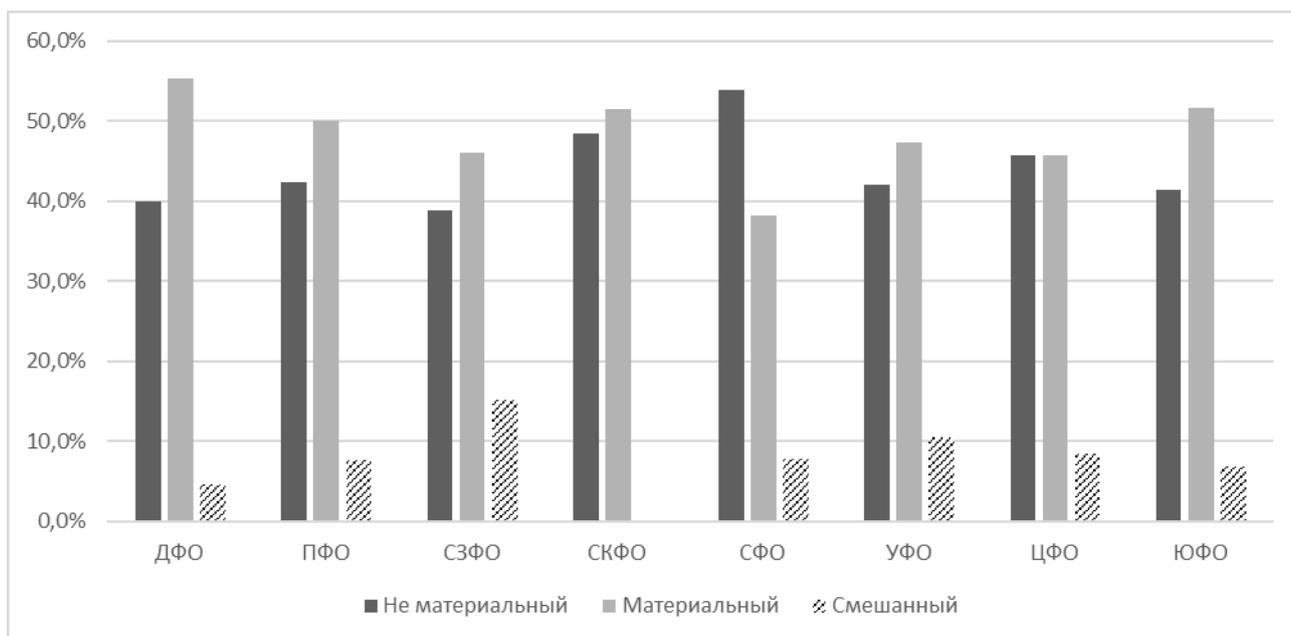

Рис. 6. Сопоставление формы поддержки и федерального округа (в процентном выражении)

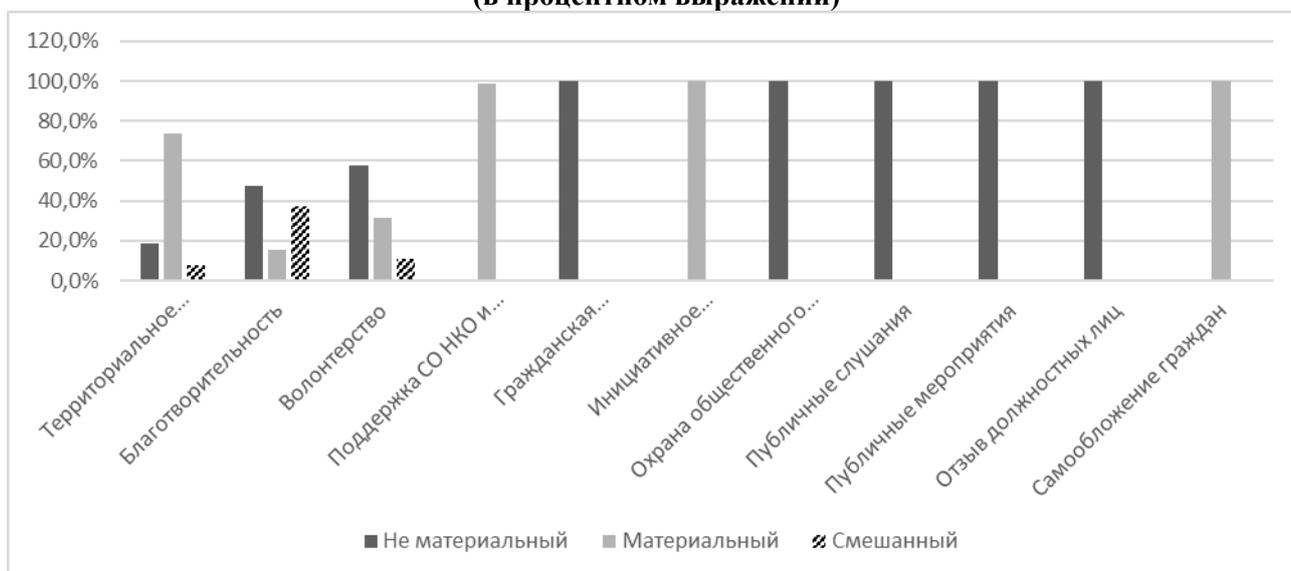

Рис. 7. Сопоставление формы поддержки и формы активности (в процентном выражении)

59,4 % нормативных актов предусматривают формат коллективного участия граждан. Еще 29 % регулируют смешанный формат. И лишь 11,5 % предусматривают формат индивидуального участия гражданина в низовой гражданской активности. При этом можно выделить благотворительность, которая предусматривает главным образом смешанный тип участия (60,7 %) и индивидуальный (34,5 %). Поддержка СО НКО и общественных объединений (93 %), гражданская законодатель-

ная инициатива (100 %), инициативное бюджетирование (98,4 %) и охрана общественного порядка (97,3 %) ориентированы на форматы коллективного участия граждан. Смешанный формат актуален для публичных слушаний и публичных мероприятий (100 % – каждая форма активности). В рамках федеральных округов тенденция соответствует общим результатам. Графическое изображение вышеописанных результатов представлено на рис. 8.

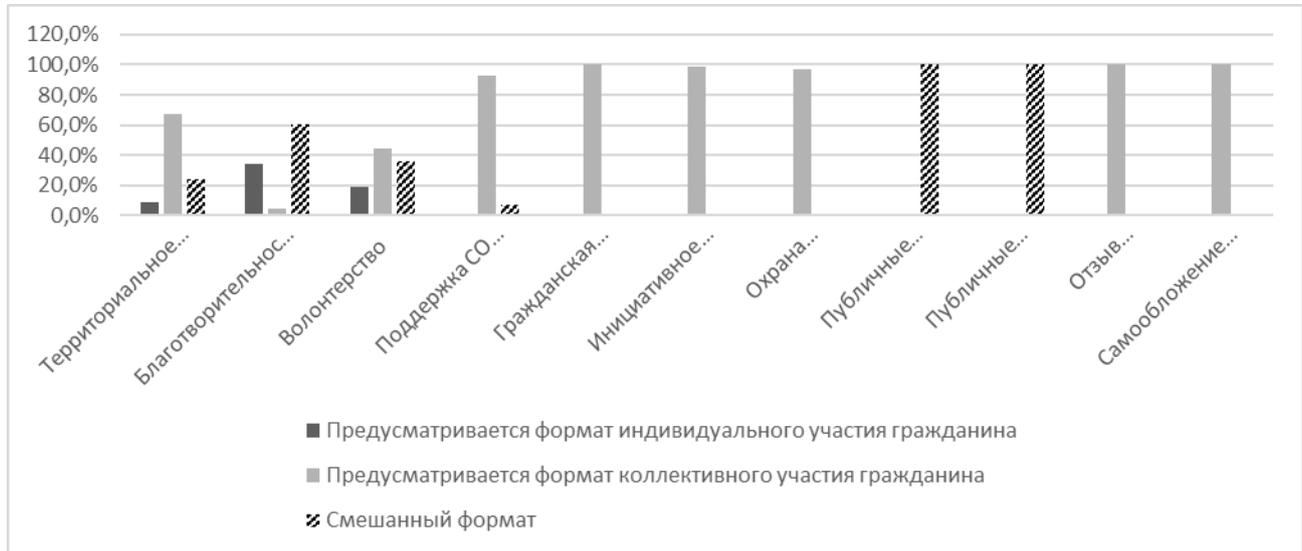

Рис. 8. Сопоставление форматов участия и формы активности (в процентном выражении)

Можно с уверенностью отметить, что абсолютное большинство нормативных актов (98,9 %) предусматривает вовлеченность органов власти в низовую гражданскую активность. Подобная тенденция прослеживается как среди всех федеральных округов, так и во всех исследуемых формах низовой гражданской активности.

Порядка половины актов (54,3 %) предусматривают финансирование низовой гражданской активности со стороны государства. Еще 42,4 % вообще не предполагают финансирования. 2,9 % актов предусматривают комбинированный формат – с финансированием и без такового. Лишь 0,3 % требуют финансирования со стороны негосударственных источников и 0,1 % со стороны местного самоуправления. Результаты в разрезе федеральных округов соответствуют общим тенденциям.

При этом формами активности, наиболее ориентированными на финансирование со стороны государства, являются: территориальное общественное самоуправление (80,7 %); благотворительность (60,7 %); поддержка СО НКО и общественных объединений (99,3 %) и инициативное бюджетирование (99,2 %). Комбинированное финансирование предусматривается в ситуации с самообложением граждан (93,9 %). Формами низовой гражданской активности, которые не требуют финансирования, выступают: гражданская законодательная инициатива (100 %); охрана общественного порядка (98,6 %); публичные слушания (100 %); публичные мероприятия (100 %) и отзыв должностных лиц (100 %). Подробные результаты сопоставления формы активности и предусмотренного финансирования представлены на рис. 9.

55,2 % нормативных актов по низовой гражданской активности не предусматривают вознаграждение инициатора. Только 39,8 % предусматривают материальное вознаграждение инициатору, а 5 % – нематериальное. Ситуация во всех федеральных округах соответствует описанной выше тенденции. Формами, которые больше предусматривают материальное вознаграждение инициаторов, являются: территориальное общественное самоуправление (73,7 %) и поддержка СО НКО и общественных объединений (99,3 %). Также практически полностью не предусматривают вознаграждение инициатора гражданская законодательная инициатива (100 %); инициативное бюджетирование (96,1 %); охрана общественного порядка (100 %); публичные слушания (100 %); публичные мероприятия (100 %); отзыв должностных лиц (100 %) и самообложение граждан (100 %). В целом большинство исследуемых форм низовой гражданской активности все же не предусматривает каких-либо форм вознаграждения для граждан-инициаторов. Вышеописанные результаты представлены на рис. 10.

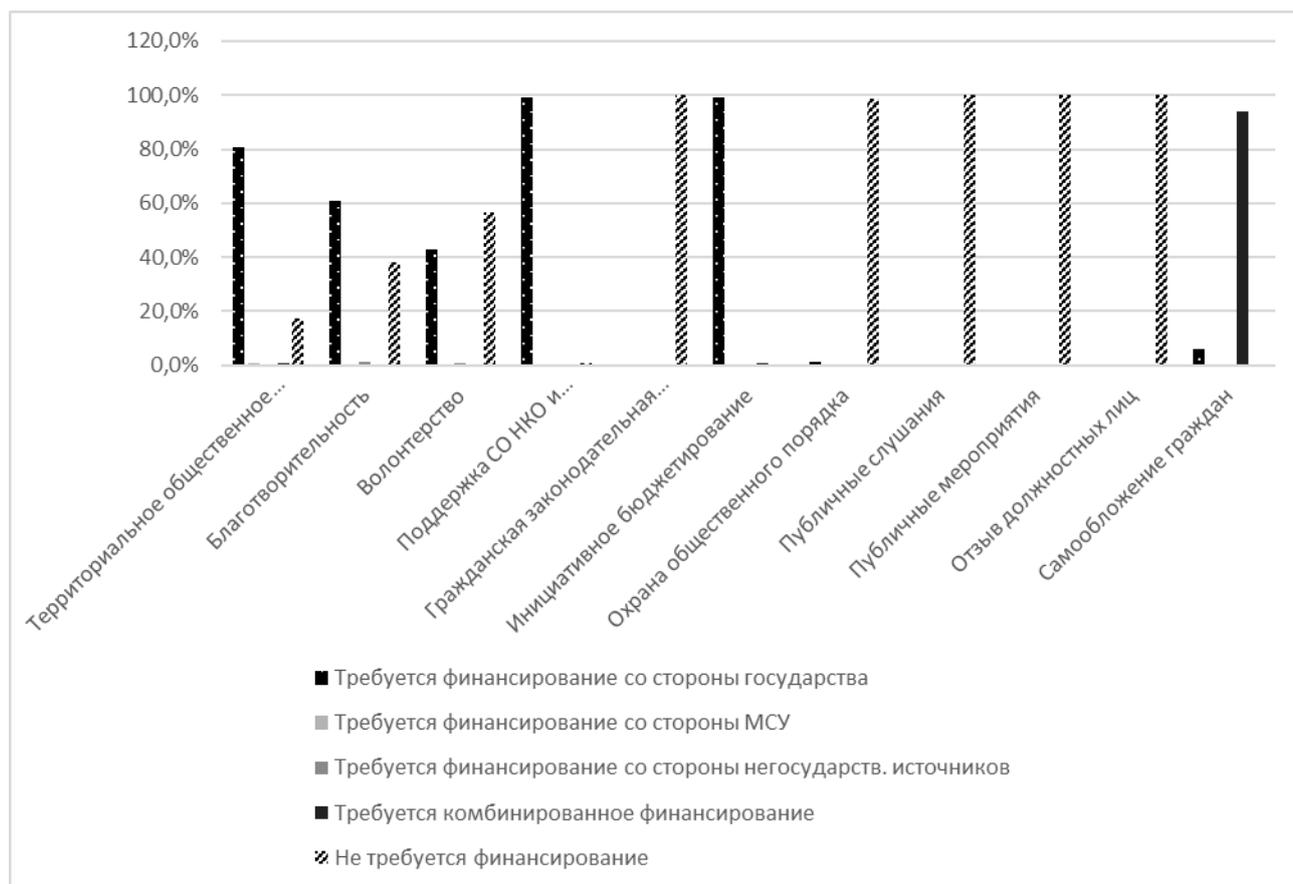

Рис. 9. Сопоставление необходимости финансирования и формы активности (в процентном выражении)

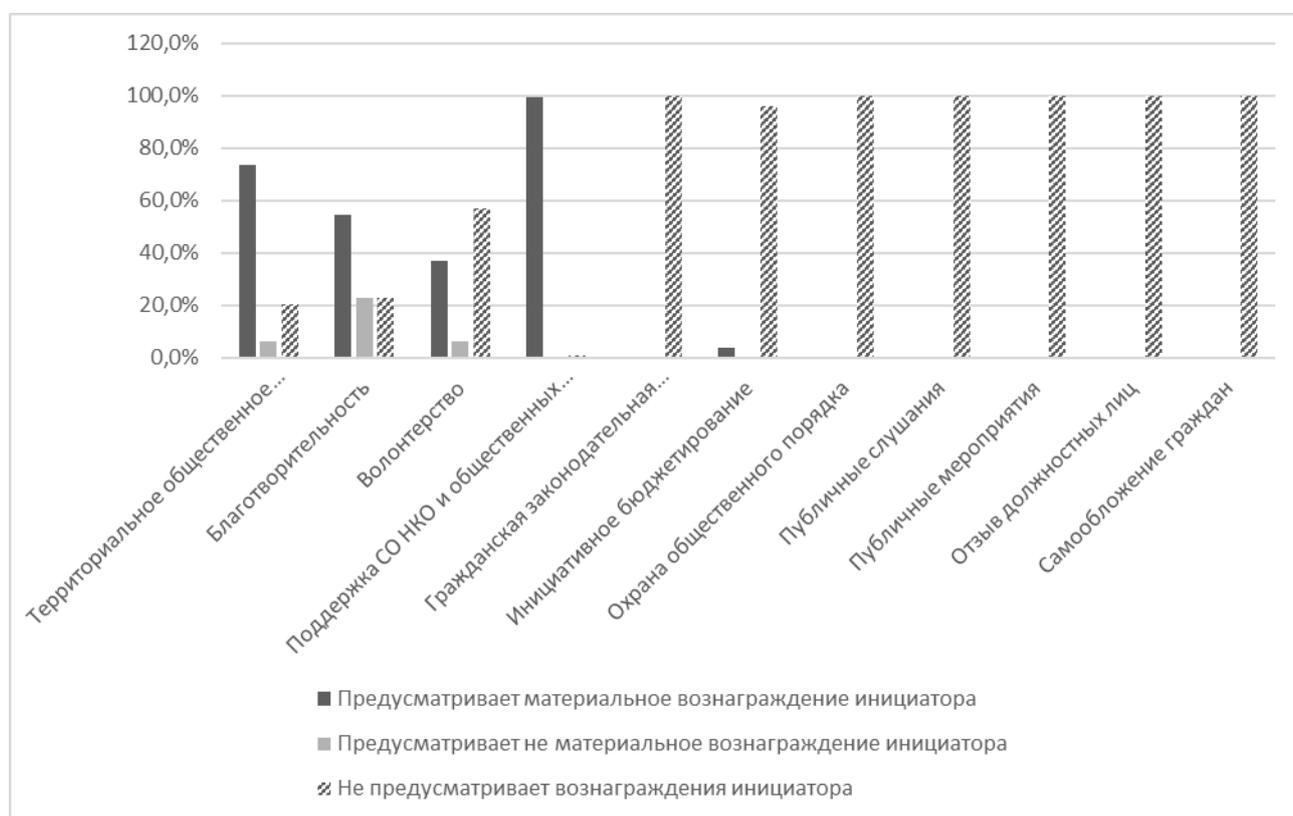

Рис. 10. Сопоставление потенциального вознаграждения инициатору активности и формы активности (в процентном выражении)

77,3 % анализируемых нормативных актов по низкой гражданской активности реализованы на региональном уровне. 19,3 % имеют комбинированный характер реализации – на региональном и муниципальном уровнях. И лишь 3,4 % реализованы только на уровне местного самоуправления. При этом самообложение граждан реализовано преимущественно на уровне местного самоуправления (90,9 %). Инициативное бюджетирование (98,4 %) и отзыв должностных лиц (100 %) реализованы комбинированным способом. Также можно отметить и территориальное общественное самоуправление, которое на 55,3 % актов представлено комбинированным способом, а 41,2 % на региональном уровне. Графическое изображение сопоставления уровня реализации с формой активности представлено на рис. 11.

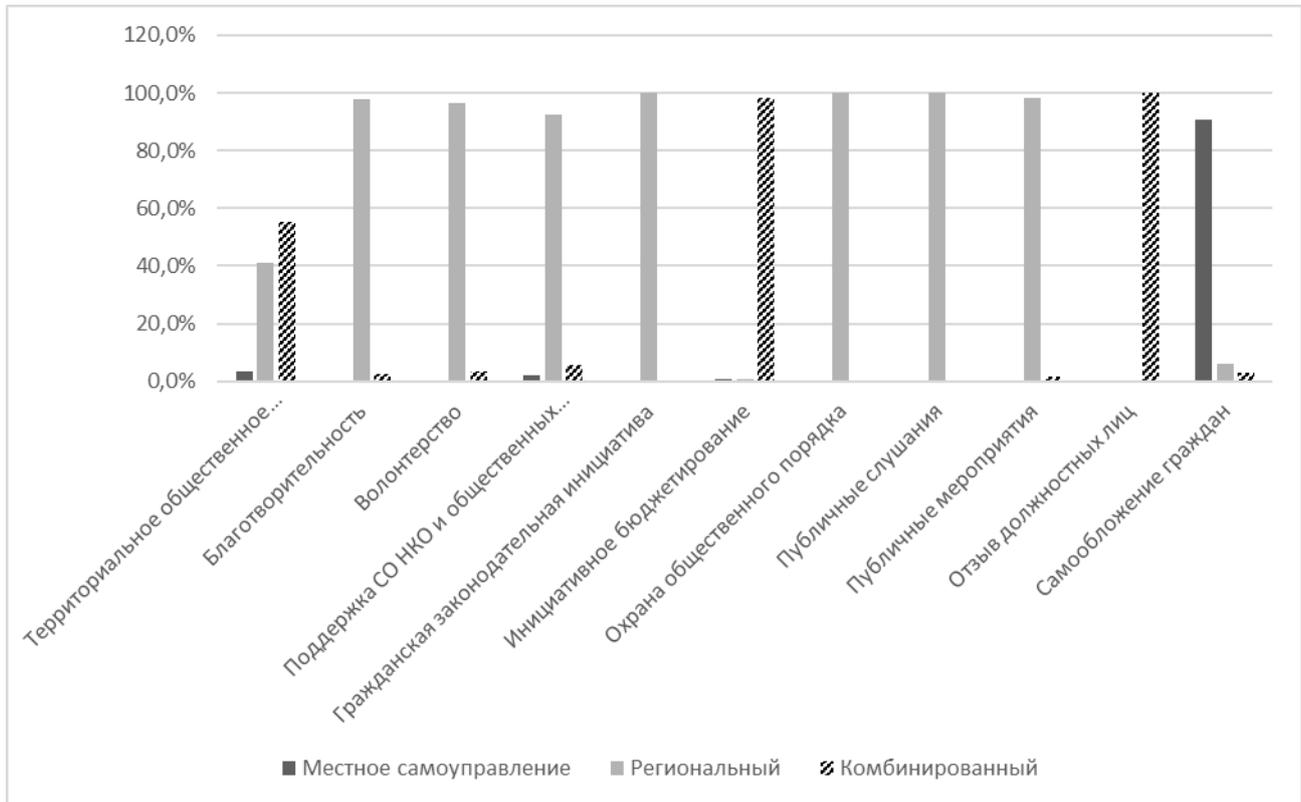

Рис. 11. Сопоставление уровня реализации законодательного акта с формой активности (в процентном выражении)

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало широкую палитру вариантов нормативного регулирования важного для России в настоящее время феномена низкой гражданской активности. Включение населения в благотворительность, добровольчество, решение вопросов местного значения через участие в территориальном общественном самоуправлении, инициативном бюджетировании, реализацию социально значимых проектов позволяет государству разделить нагрузку, в том числе финансовую, с активистами, СО НКО, благотворителями, готовыми включиться в решение стоящих перед государством вопросов в различных сферах. Федеральная нормативная база формирует основную рамку правового регулирования низкой гражданской активности, которая, дополняясь региональным компонентом, позволяет подстроить инструменты правового регулирования под нужды конкретной территории, учесть особенности экономической, политической, культурной, демографической ситуации в субъекте Российской Федерации.

Исходя из вышеперечисленного, можно предложить следующие рекомендации по регулированию низкой гражданской активности в субъектах Российской Федерации:

1. Формирование федеральными органами власти в адрес регионов определенных стандартов, предлагающих модель правовой регламентации и развития низкой гражданской активности на региональном уровне (по аналогии с принятым Стандартом развития благотворительности). Эта мера может быть реализована как отдельно по ключевым направлениям низкой гражданской активности, так и ком-

плексно ко всем формам в рамках одного документа. Это позволит установить минимальный уровень нормативного регулирования мер поддержки и стимулирования низовой гражданской активности. Ключевыми элементами Стандарта могут выступить:

- перечень форм низовой гражданской активности, нуждающихся в закреплении в региональном законодательстве;
- перечень оптимальных мер поддержки форм низовой гражданской активности (например, региональных программ с определенным объемом финансирования);
- меры информационного сопровождения реализации Стандарта, в том числе с предусмотренным поощрением гражданских активистов;
- структура ежегодного отчета высшего должностного лица субъекта Федерации о выполнении Стандарта;
- процедура рейтингования субъектов Российской Федерации по степени развитости и поддержки форм низовой гражданской активности (реализации Стандарта).

2. Формирование и продвижение профильными министерствами наиболее успешных моделей регионального регулирования и стимулирования форм низовой гражданской активности.

3. Проведение широкой общественной дискуссии о действенности существующих мер нормативно-правового регулирования форм низовой гражданской активности, имеющих дефициты.

4. Разработка модельных нормативно-правовых актов (включая, где требуется, не только проект законодательного акта, но и подзаконных актов).

5. Проведение анализа развитости муниципальной нормативно-правовой базы, регулирующей низовую гражданскую активность, для выявления дефицитов на уровне местного самоуправления.

6. Создание инфраструктуры поддержки и развития форм низовой гражданской активности, включающей как институт поддержки, так и общественно-консультативный институт для обсуждения приоритетов, достижений, проблем и дефицитов.

7. Расширение практики применения социальной рекламы, направленной на формирование позитивного образа гражданского активиста, практик низовой гражданской активности, реализуемых в регионе (доведение до широкой аудитории примеров лучших региональных практик).

8. Создание региональной интернет-платформы по продвижению наиболее актуальных идей граждан и практик низовой гражданской активности с возможностью для заинтересованных сторон принимать участие в инициативах и проектах.

9. Активизация обучения гражданских активистов эффективной деятельности (поиск финансирования, работа со СМИ, правильное позиционирование и т. д.), в том числе за счет разработки онлайн методических материалов или курсов ДПО.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает сформулированную гипотезу, демонстрируя не только разнообразие подходов и приоритетов региональных властей в регулировании низовой гражданской активности, но также и их относительно низкую заинтересованность в проявлении инициативы и следование федеральным трендам. Здесь можно предположить, что данная ситуация связана с низкой степенью осознанности должностными лицами полезности регулирования и поддержки низовой гражданской активности.

Результаты также демонстрируют необходимость детального анализа причин формирования выявленных особенностей регулирования низовой гражданской активности в субъектах Российской Федерации качественными методами анализа, а также тех эффектов, которые оно оказывает на ее уровень и интенсивность развития.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 г., проект № GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Список литературы / References

Барков, Ф. А. (2012) 'Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте Российской модели гражданского общества', *Гуманитарий юга России*, сс. 193–202. [Barkov, F. A. (2012) 'Civic

activism, solidarity and self-organization in the context of the Russian model of civil society' [Grazhdanskaya aktivnost', solidarnost' i samoorganizaciya v kontekste Rossijskoj modeli grazhdanskogo obshhestva],

- Humanities of the South of Russia*, pp. 193–202. (In Russ.).]
- Володенков, С. В., Федорченко, С. Н. (2021) ‘Цифровые инфраструктуры гражданского-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, сс. 97–118. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014. [Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N. (2021) ‘Digital infrastructures of civil and political activism: current challenges, risks and limitations’ [Cifrovye infrastruktury grazhdansko-politicheskogo aktivizma: aktualny’e vyzyvy, riski i ogranicheniya], *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 6, pp. 97–118. (In Russ.)]
- Гавриков, В. П. (2016) *Теория государственного-правового регулирования*. Москва: Проспект. [Gavrikov, V. P. (2016) *Theory of state legal regulation*. Moscow: Prospekt.]
- Исаева, Е. А., Соколов, А. В. (2018) ‘Развитие законодательства регионов России о добровольчестве (волонтерстве) в отражении федеральных трендов’, *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*, 4 (46), сс. 65–71. [Isaeva, E. A., Sokolov, A. V. (2018) ‘The development of legislation in the regions of Russia on volunteerism (volunteerism) in the reflection of federal trends’ [Razvitie zakonodatel’sтва regionov Rossii o dobrovol’chestve (volonterstve) v otrazhenii federal’ny’x trendov], *Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. The Humanities series*, 4 (46), pp. 65–71. (In Russ.)]
- Кротова, Е. С., Бутар, В. Е. (2020) ‘Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации’, *Государственно-правовые исследования*, 3, сс. 533–536. [Krotova, E. S., Butar, V. E. (2020) ‘Modern forms of civic engagement in the political process of the Russian Federation’ [Sovremennyye formy grazhdanskoj aktivnosti v politicheskom processe Rossijskoj Federacii], *State and legal studies*, 3, pp. 533–536. (In Russ.)]
- Никитина, Е. Е. (2022) ‘Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: региональный аспект’, *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*, 4, сс. 73–82. [Nikitina, E. E. (2022) ‘Legislative regulation of state support for civil society institutions: the regional aspect’ [Zakonodatel’noe regulirovanie gosudarstvennoj podderzhki institutov grazhdanskogo obshhestva: regionalny’j aspekt], *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 4, pp. 73–82. (In Russ.)]
- Никовская, Л. И., Якимец В. Н. (2013) ‘Оценка действенности институтов публичной политики в России’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 77–86. [Nikovskaya, L. I., Yakimets, V. N. (2013) ‘Evaluation of the effectiveness of public policy institutions in Russia’ [Ocenka dejstvennosti institutov publichnoj politiki v Rossii], *Polis. Political research*, 5, pp. 77–86. (In Russ.)]
- Парма, Р. В. (2022) ‘Гражданская активность поколений в современном обществе’, *Вестник института социологии*, 2, сс. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788. [Parma, R. V. (2022) ‘Civil activity of generations in modern society’ [Grazhdanskaya aktivnost’ pokolenij v sovremennom obshhestve], *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2, pp. 31–47. (In Russ.)]
- Паченков, О. В., Воронкова Л. В. (2021) ‘«Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга)’, *The Journal of Social Policy Research*, 19 (2), сс. 253–268. [Pachenkov, O. V., Voronkova, L. V. (2021) ‘«New urban activism» and «public policy» in Russia (on the example of St. Petersburg)’ [«Novyj gorodskoj aktivizm» i «publichnaya politika» v Rossii (na primere Sankt-Peterburga)], *Journal of Social Policy Research*, 19 (2), pp. 253–268. (In Russ.)]
- Рогач О. В., Фролова Е. В. (2022) ‘Драйверы формирования гражданской активности населения в муниципальных образованиях Российской Федерации’, *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 2, сс. 306–326. Rogach, O. V., Frolova, E. V. (2022) ‘Drivers of formation of civil activity of the population in municipalities of the Russian Federation’ [Drajvery formirovaniya grazhdanskoj aktivnosti naseleniya v municipalny’x obrazovaniyax Rossijskoj Federacii], *Ars Administrandi (The Art of Governance)*, 2, pp. 306–326. (In Russ.)]
- Халий, И. А. (2007) *Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традицио-*

налистской среде. Москва: ИС РАН. [Khaliy, I. A. (2007) *Modern social movements: the innovative potential of Russian transformations in a traditionalist environment*. Moscow: IS RAS.]

Шепелев, В. И. (2016) 'Регулятивная система гражданского общества в контексте дозволений и запретов в праве (теоретические аспекты)', *Международный научно-исследовательский журнал*, 5-6 (47), сс. 181–184. [Shepelev, V. I. (2016) 'Regulating system of the civic community in the context of permissions and pro-

hibitions in the right (theoretical aspects)' [Regulyativnaya sistema grazhdanskogo obshchestva v kontekste dozvolenij i zapretov v prave (teoreticheskie aspekty)], *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal)*, 5-6 (47), pp. 181–184. (In Russ.).]

Wilderman, C. C., Barron A., Imgrund L. (2004) 'Top Down or Bottom Up? ALLARM's Experience with Two Operational Models for Community Science', *ResearchGate*, pp. 1–10.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

LEGAL REGULATION OF GRASSROOTS CIVIC ACTIVITY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Sokolov, E. Isaeva, E. Grebenko

Alexander Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories,

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374. ResearcherID: C-5767-2018).

Elena Isaeva, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Family Law,

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: elenia2000@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7001-6161. ResearcherID: GRR-1624-2022).

Egor Grebenko, Assistant of the Department of Socio-Political Theories;

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: grebenkoegor76@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9978-077X. ResearcherID: JMQ-6335-2023).

Abstract. Grassroots civic engagement is a practice initiated voluntarily by citizens to solve locally significant social problems. The most common forms of civic engagement today are volunteerism, non-profit organization activities, initiative budgeting, territorial public self-government, and charity. The study of these practices from the regulatory point of view is important, especially for creating opportunities for effective communication mechanisms between government and society in order to make socio-political decisions and reduce the severity of local problems. The study aims to identify the features of regulation of the main forms of grassroots civic activity in the constituent territories of Russia. The authors use content analysis of 1144 normative acts of 85 Russian constituencies regulating grassroots civic activity based on the Consultant Plus database with subsequent processing in the IBM SPSS Statistics program. In consequence, modern approaches to understanding grassroots civic activity are summarized, the regulatory framework for regulating grassroots civic activity in the Russian regions is analyzed, and relevant examples of regulation at the regional level are highlighted. The results show that the most legal acts are adopted regarding the forms of grassroots civic activity aimed at solving local development issues and socially significant problems. The main initiator of normative acts is the executive authorities of the regions.

Keywords: grassroots civic activity; volunteerism; territorial public self-government; initiative budgeting; regulation; charity.

Financial support: The research was carried out at the expense of the P. G. Demidov Yaroslavl State University development program up to 2030, project №GM-2023-5 «Grassroots civic activity in the Yaroslavl region: normative regulation and implementation practices».

УДК-316.4:323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-106-115

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ДИАГНОСТИКА И ПРОГНОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI В.

В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией конфликтологии,

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: vaavksentev@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529. ResearcherID: J-4088-2018).

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: dissovet@rambler.ru (ORCID: 0000-0001-8281-7409. ResearcherID: AAC-7640-2022)

Аннотация

Рассматривается динамика регионального развития Северного Кавказа в течение последних 10–13 лет. Анализ включает исследование тенденций функционирования рискогенных факторов, что позволяет спрогнозировать вероятностные тренды развития Северного Кавказа на ближайшие 3–5 лет. Научный ракурс концентрировался на классификации рискогеннов, исходя из их деструктивного влияния на региональное развитие. Полипарадигмальный подход позволил установить последовательность рискогенных факторов: во-первых, риски политико-управленческой стабильности; далее – угрозы этнополитической безопасности и, наконец, вызовы социально-экономическому развитию. Приоритетность рисков в политико-управленческой сфере обусловлена, с одной стороны, невысокой эффективностью управления в регионах, с другой – архаизацией социально-политического уклада северокавказского общества. В условиях усиления геополитического противостояния на Северном Кавказе и сохранения проблем в социальной сфере резко возрастает интенсивность угроз этнополитической безопасности. Произошло некоторое снижение остроты вызовов социально-экономическому развитию региона. Однако паллиативные успехи в экономической сфере недостаточны для устойчивого развития территории. В ходе анализа предпринята попытка прогнозирования возможных сценариев регионального развития: текущий умеренный сценарий не может быть пролонгирован на ближайшие 3–5 лет из-за возрастания рискогенности в большинстве сфер жизнедеятельности северокавказского общества – он может быть уточнен как умеренно-негативный. Более того, повышается вероятность возврата ряда республик к негативному сценарию развития. Практическая значимость проведенного исследования обусловлена введением в социальное и политическое пространство знаний о динамике рискогеннов, влияющих на развитие Северного Кавказа, что может быть важным для заинтересованных акторов.

Ключевые слова: Северный Кавказ; рискогенные факторы; политико-управленческая стабильность; этнополитическая безопасность; социально-экономическое развитие; динамика регионального развития; прогноз развития.

Введение

Периодическое обострение этнополитических проблем северокавказского региона, сохранение очагов межэтнической напряженности сделали Северный Кавказ важным объектом научных исследований, которые концентрируются либо на рассмотрении многофакторных аспектов регионального развития (Адиев, 2022; Ачкасов, 2021; Гаджиев, 2020), либо на «монорегиональных» проблемах (Адиев, 2023; Акаев и др., 2019; Салгириев и др., 2020). Особенностью большинства исследований является анализ произошедших событий. Редким исключением стали работы Т. И. Литвиновой (Лит-

винова, 2018), в которых обсуждаются возможности проектирования стратегии пространственного развития Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Однако опыт сотрудничества с органами власти (Авксентьев и др., 2017) свидетельствует, что наиболее востребованными являются прогнозы, позволяющие заранее предусмотреть нарастание рискогенов (Абдулкадыров, 2020) и скорректировать практико-политическую деятельность с целью минимизации их деструктивности, что особенно значимо для Северного Кавказа, обладающего серьезным конфликтогенным потенциалом (Ерохин и др., 2019). В условиях геополитической неопределенности (Аствацатурова, 2022) изучение динамики регионального развития и на его основе прогнозирование социальных процессов критически важны, поскольку полученные знания дают возможность не только определить тренды развития региона, но и спланировать наиболее эффективные управленческие решения.

Для решения этой задачи важно ответить на вопросы: какова динамика региональной ситуации за последнее десятилетие, в какой степени нейтрализованы рискогенные факторы, насколько устойчивы позитивные тенденции, каков прогноз регионального развития на Северном Кавказе во второй половине 2020-х гг.? Эти вопросы легли в основу нашего исследовательского проекта, значимые выводы которого отражены в статье.

Предмет исследования – динамика рискогенных факторов, дестабилизирующих региональную безопасность на Северном Кавказе. Для обеспечения комплексного и всестороннего исследования использовались разнообразные информационные источники государственной статистики и интернет-сайтов по исследуемой проблематике.

Цель настоящей статьи – на основе анализа динамики региональных процессов определить степень активности рискогенных факторов, влияющих на политико-управленческую, этнополитическую и социально-экономическую сферы, и спрогнозировать тенденции развития СКФО.

В статье проверяется гипотеза о влиянии рисков, сосредоточенных в политико-управленческой сфере субъектов РФ, образующих СКФО, на сохранение или актуализацию факторов дестабилизации этнополитической безопасности и социально-экономического развития северокавказского региона.

Методологические основы исследования

Изучение динамики развития северокавказского региона, проблем и перспектив региональной безопасности в СКФО в сложно предсказуемых условиях третьего десятилетия XXI в. опиралось на полипарадигмальность методологических подходов: рискологического, конфликтологического и геополитического.

Одной из черт нынешнего северокавказского сообщества в современных условиях становятся события не просто с неопределенными, но и рискогенными последствиями (Avksent'ev et al., 2020). Это обусловлено осознанием северокавказского общества как общества риска (Beck, 1992), где любое принимаемое решение неизбежно связано с рискованными «неожиданными последствиями», в отношении которых принимаются новые решения, также порождающие риски. В таких условиях важно учитывать «качество риска», «порог бедствия», оценки социально-приемлемого риска принимаемых решений (Luhmann, 1993). Это и предопределило использование рискологического подхода.

Региональные этнополитические процессы на Северном Кавказе по-прежнему имеют конфликтную направленность (Магомедова, 2023), что обусловило применение конфликтологической диагностики, важным аспектом которой является комплексный анализ природы конфликтогенных факторов в контексте их конструктивного или деструктивного влияния (Coser, 1956). Применение дополнительно к рискологической методологии конфликтологической позволило отследить динамику угроз и вызовов региональной безопасности и спрогнозировать вероятные сценарии регионального развития на вторую половину третьего десятилетия XXI в.

Северный Кавказ может рассматриваться и как «зона разлома» (Cohen, 2009), для которой характерно геополитическое противостояние геостратегических акторов, что ведет к острым межэтническим, а нередко межгосударственным конфликтам (Юсупова и Магомедалиева, 2021). Основным реальным мотивом в противостоянии геополитических субъектов являются не столько идеологические или этнические, сколько экономические интересы, реализуемые в либерально-прагматических идеологемах «демократизации мира» (Brzezinski, 1998). Эти исследовательские особенности Север-

ного Кавказа предопределили необходимость геополитического анализа. Именно полипарадигмальность обозначенных методологий дала возможность выйти на описанные в статье итоги.

Для формирования эмпирической базы использовались интернет-сайты, публикующие официальные рейтинги субъектов РФ по исследуемой проблематике за 2009–2023 гг.; сообщения региональных интернет-изданий / газет всех семи субъектов Федерации в СКФО за 2022–2023 гг., иллюстрирующие тренды регионального развития (1365 публикаций); научные статьи, находящиеся в свободном доступе и размещенные на платформе РИНЦ в 2018–2023 гг., где содержались аналитические оценки проблем развития региона (206 статей). Проблематика, ставшая темой исследования, – это функционирование рискогенных факторов региональной безопасности Северного Кавказа, которые были официально сформулированы в 2009 г. Основной метод исследования – анализ текстовой информации с учетом целей проекта.

Региональное развитие Северного Кавказа в третьем десятилетии XXI в.

Используемый в работе синтез методологических подходов позволил сгруппировать официально обозначенные в 2009 году рискогенные факторы регионального развития и выстроить иерархию рисков (как возможности нанесения ущерба), угроз (как реализованной в конкретной форме опасности) и вызовов (как фактора, не всегда несущего угрожающий характер) этнополитической безопасности и социально-экономического развития. Исходя из результатов анализа динамики региональных процессов, установлена следующая приоритетность рискогенных факторов: риски политико-управленческой стабильности (коррупция, клановость, неэффективность управленческой деятельности); угрозы этнополитической безопасности (терроризм, экстремизм) и вызовы социально-экономическому развитию (стагнация в экономике, дотационность бюджетов, бедность, безработица, качество жизни).

Риски политико-управленческой стабильности на Северном Кавказе

Исходя из основных положений рискологии, отметим, что приоритетную группу по интенсивности деструктивного воздействия на процессы развития северокавказского региона образуют риски политико-управленческой стабильности: коррупция, клановость и неэффективность управленческой деятельности.

Согласно официальным оценкам, на Северном Кавказе уровень коррупции на протяжении последних десятилетий, несмотря на принимаемые меры, продолжает оставаться крайне высоким. За девять месяцев 2023 г. в СКФО возбуждено 566 уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности, ущерб составил почти 1 млрд рублей, средний размер взятки составил 103 тыс. рублей. В дополнение к официальным показателям медиапространство региона наполнено сообщениями о коррупционных преступлениях.

Безусловно, коррупция присуща всем субъектам РФ, но на Северном Кавказе она дополнительно воспроизводится исторически сложившимися традиционными социальными структурами, одной из которых является клановость, или кланово-клиентелистская система. Однако в научном сообществе отсутствует единство в оценке роли кланов в жизни северокавказского сообщества (Журавлев, 2023). Одни исследователи (Саркарова, 2016) отмечают, что негативное влияние клановости на этнополитическую жизнь и властные структуры региона в социально-политическом дискурсе преувеличено. Часть экспертов (Авксентьев, 2020) указывают как на плюсы, так и на минусы клановости: кланы – это инструмент выживания людей в кризисные периоды, но и деструктивное для общества явление, тормозящее его поступательное развитие.

Ряд экспертов (Салгириев и др., 2019) говорят о преимущественно негативном влиянии кланов на все сферы общественной жизни региона. Подтверждение – это громкие уголовные дела последних лет, активизация протестных настроений населения, актуализация межэтнических конфликтов (Магомедова, 2023). По мнению политологов (Гаджиев, 2020), клановый характер власти в северокавказских регионах обостряет и проблемы социального неравенства, в частности безработицы, «невостребованности молодых людей ... поскольку на работу берут не молодых специалистов, а своих детей, родственников и знакомых» (Ю. Чайка). Кланово-клиентелистские отношения, полагают ученые (Тутаева, 2013), также являются социальной базой для формирования и расцвета обширного

неформального теневого сектора региональной экономики. Это означает, что риски политико-управленческой сферы усугубляют региональные социально-экономические проблемы.

По справедливому замечанию северокавказских исследователей (Яхьяев, 2020), рискогенная сущность коррупции и клановости проявляется в росте недоверия к власти, создавая благоприятную почву для расширения влияния экстремистских группировок, предлагающих северокавказскому обществу «альтернативные», «более справедливые» варианты общественного устройства. Экстремистские религиозные взгляды начинают восприниматься как единственно возможное средство, которое сотрет противоречия между этническими, родоплеменными группами, устранив клановость и кумовство в органах региональной власти.

Клановость и коррупция, таким образом, являются проблемой кадрово-управленческой политики региональных органов власти, проблемой эффективности управления на Северном Кавказе. Действительно, результаты анализа рейтингов управленческой деятельности субъектов СКФО за последние 10 лет не свидетельствуют о серьезном росте эффективности управления органов власти на Северном Кавказе: большая часть регионов по-прежнему находится в нижней части рейтинга (ниже 60-го места). Также имеет место поляризация показателей результативности работы региональных властей (от 3–6-го мест, которые занимает Чеченская Республика, до 82–83-го, где разместились Ингушетия и Северная Осетия-Алания) и их скачкообразность (например, Ставропольский край в 2021 году занимал 60-е место, в 2022 г. – 69-е, а в 2023 г. – 65-е). Более того, в 2023 году по сравнению с 2022 годом было зафиксировано ухудшение рейтингов по финансово-экономическому блоку Чечни и особенно Дагестана (на 26 пунктов); по социальному блоку – Кабардино-Балкарии; по политико-управленческому блоку – Северной Осетии-Алании; по всем блокам – Карачаево-Черкесии. Ингушетия и Ставропольский край показали по всем блокам некоторое улучшение позиций.

Негативные процессы в политико-управленческой сфере дополняются архаизацией политического бытия северокавказских республик, результатом которой становятся формирующиеся этнократические тенденции (Салгириев и др., 2019). Более того, региональные исследователи (Гаджиев, 2020: 341) указывают на объективность архаизации: «руководитель, помимо своей воли, вынужден встраиваться в объективные традиционные, бытовые, очень живучие, земляческие, джамаатские, тейповые, этноклановые и т. д. структуры, процессы и отношения, объективно организующие жизнедеятельность общества. Формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе происходит по данным законам». Обусловлены архаизация и ее негативные последствия рядом проблем как результата закономерных процессов или управленческих просчетов: «социально-демографических (высокая рождаемость, низкая урбанизированность), социально-экономических (превалирование аграрного сектора над индустриальным, безработица), этнополитических (отток русского и русскоязычного населения, межнациональные конфликты), идеологических (идейный и ценностно-мировоззренческий вакуум в постсоветский период, который нередко заполняется радикальными религиозными течениями)».

Обобщая анализ группы рисков политико-управленческой стабильности в субъектах Федерации в СКФО, необходимо констатировать отсутствие позитивной динамики во всех трех факторах, что может служить на ближайшие 3–5 лет основанием для негативных прогнозов на фоне новых вызовов и форс-мажорных обстоятельств, с которыми приходится в настоящее время сталкиваться региону. В этой связи сложно прогнозировать смягчение рискогенности в сфере политико-управленческого бытия. Необходим системный подход к формированию позитивных изменений в политико-управленческой сфере субъектов Федерации на территории СКФО. Нецелесообразно ограничиваться только повышением профессионализма управленческих команд органов власти, цифровизацией управления, расширением практики общественного контроля над реализацией управленческих решений, реализацией мероприятий по противодействию коррупции. Важно также минимизировать причины архаизации социально-политического бытия, а именно решать проблемы ценностно-мировоззренческого вакуума, теневого сектора экономики, проявлений этнократизма, экономической модернизации и технологизации, моноэтничности населения и др.

Угрозы этнополитической безопасности северокавказского региона

Согласно результатам анализа данных Генеральной прокуратуры РФ, преступления общетеррористической и экстремистской направленности как угрозы этнополитической безопасности Север-

ного Кавказа продолжают сохранять актуальность на протяжении последних десятилетий. В ряде республик, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и особенно в Дагестане, с 2009 г. из местных жителей создавалось «укорененное» вооруженное подполье, которое «при помощи угроз и насилия стремилось навязать обществу свои представления о нормах поведения». После фактически полной ликвидации бандподполья на Северном Кавказе (2017) террористические группировки перешли к сетевой (ячеечной) структуре организации, ставшей в изменившихся условиях достаточно эффективной.

После начала СВО активизировались подконтрольные западным спецслужбам законспирированные ячейки международных националистических и радикальных религиозных организаций, усилилась пропагандистская и вербовочная работа среди населения, особенно молодежи, со стороны международных экстремистских и террористических организаций. Группы по два-три человека из-за границы по интернету получают деструктивные модели поведения и совершают под прикрытием религиозных постулатов диверсионно-террористические акты (Юсупова и Магомедалиева, 2021). Так, в 2023 г. «пресечена деятельность 149 групп – сторонников международных террористических организаций, предотвращено 21 преступление террористической направленности, из которых 16 терактов». За 2023 г. и три месяца 2024 г. в Ингушетии и Дагестане из-за действий вооруженных террористов трижды вводился режим КТО.

Данные Генеральной прокуратуры РФ также свидетельствуют об активизации преступлений экстремистского характера, значительная часть которых – распространение в информационном пространстве публичных призывов к совершению экстремистских действий. По материалам правоохранительных органов, на территории округа за 2023 г. заблокировано и удалено более 4,5 тыс. материалов экстремистской направленности. Однако информационные атаки на общественное сознание, особенно молодежи, нередко достигают целей. Антиизраильские выступления в конце октября 2023 г. в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии наглядно свидетельствуют об этом. Реализовался так называемый ваххабитский интернационал: «брат по вере» из далекой Палестины стал ближе для части населения СКФО, чем гражданин России еврейской национальности. Увеличивается и число «незначительных» по информационному шуму, но серьезных по мировоззренческой, нравственно-этической направленности экстремистских проявлений, таких как осквернение символов воинской славы России, унижение чести и достоинства защитников Отечества и др.

Итак, выявлена негативная динамика угроз этнополитической безопасности, что обусловлено как возросшей активностью международных экстремистских и террористических организаций, так и функционированием кланово-клиентелистской системы. Прогнозируется вероятностный рост напряженности в регионе, особенно в Дагестане и Ингушетии. Снижение угроз террористической и экстремистской направленности не может быть достигнуто только за счет силового фактора. Необходимо вести речь о повышении эффективности управления в области этнополитической безопасности, об учете социально-приемлемого уровня риска принимаемых в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом решений.

Вызовы социально-экономическому развитию СКФО

Социально-экономические рискогены, обозначенные в 2009 году, – безработица, бедность, качество жизни, дотационность, стагнация в экономике, – согласно результатам исследования, по-прежнему продуцируют вызовы социально-экономическому региональному развитию.

Анализ рискогенности в социально-экономической сфере в нынешних условиях целесообразно начать с собственно экономических показателей. В экономике региона сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, Северный Кавказ с каждым годом становится все более привлекательным для инвесторов. Согласно анализу статистических данных, за последние четыре года объем крупных инвестиционных проектов в СКФО вырос на 47 %. Главные точки роста – туристическая инфраструктура и АПК. Согласно данным Северо-Кавказстата, в 2023 г. промпроизводство выросло во всех субъектах, особенно в Ингушетии (17,1 %), Дагестане (14,4 %) и КЧР (12 %). Индекс промышленного производства за 2023 г. увеличился на 6,1 %.

С другой стороны, «основные экономические показатели развития субъектов Северного Кавказа по-прежнему отстают от общероссийских». «Сохраняются территориальные диспропорции в размещении промышленных предприятий, уровне развития промышленности и роли промышленности в экономике», которая не является доминирующим сектором в структуре экономики ни одной из территорий. Максимальная доля приходилась на Ставропольский край (в 2021 г. 12 % при 27,4 % в

целом по стране). В остальных регионах округа определяющее место занимает средний и малый бизнес, составляющий также основу теневой экономики.

Неэффективность региональной экономической политики подтверждается следующим: если на Дальнем Востоке 1 рубль бюджетных средств приносит более 30 рублей частных инвестиций, в особых экономических зонах – почти 2,5 рубля, то на Северном Кавказе – 50 копеек.

Недостаточный уровень экономического развития территорий СКФО, доминирование теневого сектора в региональной экономике обуславливают другую системную проблему округа – низкий уровень бюджетной обеспеченности в результате недополучения собственных доходов (см. также: Баймурзина и др., 2023). В итоге – сохраняющаяся большая зависимость региональных бюджетов от дотаций из федерального центра.

Первое место в «дотационной лестнице» много лет занимает Дагестан (85,92 млрд рублей в 2023 г.) с преобладанием суммы дотаций почти в 1,5 раза по сравнению со вторым местом в стране (Якутия). Ставропольский край разместился на 6-м месте, Ингушетия – на 17-м, самое «низкое» положение заняла Карачаево-Черкесия – 24-е место. Однако значима и сумма дотаций в расчете на одного человека в месяц. В этом контексте «дотационная лестница» выглядит так: Дагестан занимает 10-е место, Ставрополье – последнее в СКФО, Ингушетия – 1-е среди субъектов РФ в СКФО, или 8-е в целом по стране.

В контексте сохраняющейся высокой дотационной зависимости регионов СКФО важно рассмотреть динамику основных показателей регионального социально-экономического развития.

Заметной позитивной динамики в снижении доли населения СКФО, находящегося за чертой бедности, на протяжении многих лет не наблюдается. Только Ставропольский край (11,7 % в 2022 г.) приблизился к среднероссийскому показателю (10,5 %). Самый высокий уровень бедности в Ингушетии (30,5 %) при наибольшей в СКФО сумме дотаций на одного человека.

Позитивную динамику в снижении уровня безработицы демонстрируют все субъекты Федерации в СКФО, но только Ставропольский край (3,7 %) приближается к среднероссийскому показателю (3,0 %), в остальных он превышает в 3–9 раз. Наиболее сложная ситуация в Ингушетии (27,1 %).

Есть небольшая положительная динамика и по качеству жизни населения СКФО. Самое высокое положение среди регионов занимает Ставрополье (27-е место). Однако остальные по-прежнему входят в двадцатку аутсайдеров, Ингушетия закрепились на 84-м месте.

Таким образом, можно прогнозировать сохранение стагнационных тенденций в социально-экономическом развитии регионов СКФО, и наибольшие риски характерны для Ингушетии. При этом корреляции между суммами дотаций в региональные бюджеты и успехами в социальной сфере регионов не наблюдается. Кроме официальной статистики по основным показателям социально-экономического развития региона есть данные по теневому сектору экономики. По оценкам Федеральной службы государственной статистики, «большое число жителей СКФО, статистически относящихся к безработным, имеют работу в неформальном секторе экономики <...> где доля занятых <...> составляет около половины работающего населения, что вдвое больше среднего значения по РФ <...> оценочно <...> в “теневом” сегменте экономики формируется до 1–1,1 трлн рублей доходов населения» СКФО. Причем роль теневого сектора в формировании доходов населения в разных субъектах Федерации в СКФО различна: 16,6 % – в Ставрополье и 59,2 % – в Дагестане при среднероссийском показателе 12,3 %.

В итоге, несмотря на паллиативные успехи в региональной социально-экономической сфере, экономика Северного Кавказа из-за высокой роли в ней теневого сектора по-прежнему продуцирует вызовы стабильному развитию региона. Прогнозировать устойчивые позитивные тенденции в снижении рискогенности в социально-экономической сфере на ближайшие 3–5 лет нет достаточных оснований. С целью преодоления системных проблем региональной экономики приоритетным становится постепенный вывод из тени малого и среднего бизнеса во всех экономических секторах и во всех субъектах. В этом контексте вновь актуализируется проблема эффективности функционирования управленческой сферы СКФО: без учета «качества риска» принимаемых решений сложно свести к минимуму существующие вызовы социально-экономической модернизации и обеспечить инновационное развитие региона.

Выводы и заключение

Сравнительный анализ политико-управленческих, этнополитических и социально-экономических показателей регионального развития СКФО свидетельствует о сохранении рискогенности региональной ситуации в округе. На первый план в северокавказском сообществе, где значимой чертой становятся события с неопределенными, рискогенными последствиями, выходят угрозы, концентрирующиеся в политико-управленческой сфере, такие как кланово-клиентелистская система, коррупция, невысокий уровень эффективности управления. В контексте тесного переплетения элементов политико-управленческой системы с явлениями традиционного социально-политического уклада северокавказского социума сложно на ближайшие 3–5 лет прогнозировать повышение эффективности управления, достаточное для достижения средних общероссийских показателей в сфере рынка труда и доходов населения. Нерешенность ключевых для опережающего развития северокавказского региона проблем (теневой сектор экономики, бедность, безработица и др.) служит благоприятной почвой для восприятия частью жителей региона, особенно молодежью, массивной деструктивной пропаганды со стороны геополитических соперников России. В результате формируются факторы этноконфессионального разобщения регионального сообщества и провоцирования конфликтных ситуаций, что особенно негативно в условиях проведения специальной военной операции и «пробуждения» на Северном Кавказе «спящих» ячеек экстремистско-террористической направленности. Преступления общетеррористической и экстремистской направленности становятся потенциально опасными для целостности северокавказского социума. Обобщенная оценка региональной ситуации не позволяет пролонгировать в третьем десятилетии XXI в. умеренный сценарий развития СКФО. Сложился высокий потенциал возврата всего региона к умеренно-негативному сценарию регионального развития, а ряда республик – к негативному.

Финансовая поддержка

Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, № г.р. 122020100306-9.

Список литературы / References

- Абдулкадыров, Ю. Н. (2020) 'Российский Кавказ: риски и угрозы этнополитической безопасности', *Манускрипт*, 13 (12), сс. 195–199 [Abdulkadyrov, Yu. N. (2020) 'Russian Caucasus: risks and threats to ethno-political security' [Rossiyskiy Kavkaz: riski i ugrozy etnopoliticheskoy bezopasnosti], *Manuskript*, 13 (12), pp. 195–199. (In Russ.)].
- Авксентьев, В.А. (2020) '«Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе', *Society and Security Insights*, 2, сс. 41–54. DOI: 0000-0003-0762-3529 [Avksentyev, V. A. (2020) "“District of a new type”: regional genesis and dynamics of ethno-political processes in the North Caucasus" [«Okrug novogo tipa»: regionogenez i dinamika etnopoliticheskikh protsessov na Severnom Kavkaze], *Society and Security Insights*, 2, pp. 41–54. (In Russ.)].
- Авксентьев, В. А., Гриценко, Г. Д., Лепилкина, О. И., Шульга, М. М. (2017) 'Анализ опыта деятельности органов власти Ставропольского края по стабилизации этнополитических процессов', *Вестник Российской нации*, 6 (58), сс. 76–90. [Avksentyev, V. A., Gritsenko, G. D., Lepilkina, O. I., Shulga, M. M. (2017) 'Analysis of the experience of the authorities of the Stavropol Territory in stabilizing ethno-political processes' [Analiz opyta deyatel'nosti organov vlasti Stavropol'skogo kraya po stabilizatsii etnopoliticheskikh protsessov], *Bulletin of Russian nation*, 6 (58), pp. 76–90. (In Russ.)].
- Адиев, А. З. (2022) 'Мониторинг исследования этнополитических процессов в регионах России: методы власти и научного сообщества', *Власть*, 30 (3), сс. 17–24. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9037. [Adiev, A. Z. (2022) 'Monitoring the study of ethno-political processes in the regions of Russia: methods of the authorities and the scientific community' [Monitoring issledovaniya etnopoliticheskikh protsessov v regionakh Rossii: metody vlasti i nauchnogo soobshchestva], *Power*, 30 (3), pp. 17–24. (In Russ.)].
- Адиев, А. З. (2023) 'Предупреждение терроризма: опыт северокавказских республик', *Восточный вектор: история, общество, государство*, 1, сс. 38–45. [Adiev, A. Z. (2023) 'Preventing terrorism: the experience of the North Caucasus

- republics' [Preduprezhdeniye terrorizma: opyt severokavkazskikh respublik], *Vostochnyy vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo*, 1, pp. 38–45. (In Russ.).
- Акаев, В. Х., Абубакаров, А. С., Анимоков, И. К. (2019) 'Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: особенности становления и меры противодействия', *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 4 (107), сс. 49–53. [Akaev, V. Kh., Abubakarov, A. S., Animokov, I. K. (2019) 'Religious and political extremism in the North Caucasus: features of formation and countermeasures' [Religiozno-politicheskiy ekstremizm na Severnom Kavkaze: osobennosti stanovleniya i mery protivodeystviya], *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 4 (107), pp. 49–53. (In Russ.).]
- Аствацатурова, М. А. (2022) Проблематизация государственно-гражданского диалога в условиях геополитического поворота', *Гражданин. Выборы. Власть*, 2 (24), сс. 110–121. [Astvatsurova, M. A. (2022) Problematization of state-civil dialogue in the context of a geopolitical turn' [Problematizatsiya gosudarstvenno-grazhdanskogo dialoga v usloviyakh geopoliticheskogo povorota], *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2 (24), pp. 110–121. (In Russ.).]
- Ачкасов, В. А. (2021) 'Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности', *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 1, сс. 33–48. [Achkasov, V. A. (2021) 'North Caucasus: multifactorial nature of ethno-political tension' [Severnyy Kavkaz: mnogofaktornost' etnopoliticheskoy napryazhennosti], *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 1, pp. 33–48. (In Russ.).]
- Гаджиев, М. М. (2020) 'Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 20 (3), сс. 338–341. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341. [Gadzhiev, M.M. (2020) 'Traditionalization and archaization of transnational relations in the North Caucasus region: causes, signs' [Traditsionalizatsiya i arkhazatsiya transnatsional'nykh otnosheniy v Severo-Kavkazskom regione: prichiny, priznaki], *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 20 (3), pp. 338–341. (In Russ.).]
- Ерохин, А. М., Воробьев, С. М., Авдеев, Е. А. (2019) 'Конфликтологический потенциал этнополитических процессов на Северном Кавказе: общее и особенное', *Современная наука и инновации*, 4, сс. 220–232. [Erokhin, A.M., Vorobyov, S.M., Avdeev, E.A. (2019). 'Conflictological potential of ethno-political processes in the North Caucasus: general and specific' [Konfliktologicheskiy potentsial etnopoliticheskikh protsessov na Severnom Kavkaze: obshcheye i osobennoye], *Sovremennaya nauka i innovatsii*, 4, pp. 220–232. (In Russ.).]
- Журавлев, Д. А. (2023) 'Политические кланы – антология развития, влияние на государственную стабильность', *Власть*, 31 (2), pp. 85–94. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9543. [Zhuravlev, D. A. (2023) 'Political clans – an anthology of development, impact on state stability' [Politicheskiye klany – antologiya razvitiya, vliyanie na gosudarstvennuyu stabil'nost], *Power*, 31 (2), pp. 85–94. (In Russ.).]
- Литвинова, Т. Н. (2018) 'Северный Кавказ в проектировании стратегии пространственного развития России: проблемы и возможности', *Теория и практика общественного развития*, 5 (123), сс. 12–15. DOI: 10.24158/tipor.2018.5.1. [Litvinova, T.N. (2018) 'The North Caucasus in designing a spatial development strategy for Russia: problems and opportunities' [Severnyy Kavkaz v proyektirovaniy strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: problemy i vozmozhnosti], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 5 (123), pp. 12–15. (In Russ.).]
- Магомедова, М. А. (2023) 'Межэтнические конфликты и противоречия на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности', *Власть*, 31 (2), сс. 72–78. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9539. [Magomedova, M.A. (2023) 'Interethnic conflicts and contradictions in the North Caucasus in the context of regional security' [Mezhetnicheskiye konflikty i protivorechiya na Severnom Kavkaze v kontekste regional'noy bezopasnosti], *Power*, 31 (2), pp. 72–78. (In Russ.).]
- Салгириев, А. Р., Баранов, А. В., Костенко, Ю. В. (2019) 'Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Се-

- верном Кавказе как следствие кризиса элит», *Евразийское Научное Объединение*, 7-2 (53), сс. 145–47. [Salgiriev, A.R., Baranov, A.V., Kostenko, Yu.V. (2019) The emergence of new points of ethno-political tension in the North Caucasus as a consequence of the crisis of the elites [Vozniknoveniye novykh tochek etnopoliticheskoy napryazhennosti na Severnom Kavkaze kak sledstviye krizisa elit], *Yevraziyskoye Nauchnoye Ob"yedeneniye*, 7-2 (53), pp. 145–147. (In Russ.)].
- Саркарова, Д. С. (2016) 'О клановости в политической жизни республик Северного Кавказа', *Вопросы политологии*, 4 (24), сс. 164–171. [Sarkarova, D.S. (2016) 'On clanism in the political life of the republics of the North Caucasus' [O klanovosti v politicheskoy zhizni respublik Severnogo Kavkaza], *Voprosy politologii*, 4 (24), pp. 164–171. (In Russ.)].
- Тутаева, Д. Д. (2013) 'К вопросу о теневой экономике в Северо-Кавказском федеральном округе России в современных условиях', *Вестник Московского университета МВД России*, 6, сс. 225–228. [Tutaeva, D.D. (2013) 'On the issue of the shadow economy in the North Caucasus Federal District of Russia in today's conditions' [K voprosu o tenevoy ekonomike v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge Rossii v segodnyashnikh usloviyakh], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 6, pp. 225–228. (In Russ.)].
- Юсупова, Г. И., Магомедалиева, К. М. (2021) 'Религиозный терроризм: новые глобальные и региональные вызовы', *Власть*, 29 (6), сс. 65–70. [Yusupova, G. I., Magomedalieva, K. M. (2021) 'Religious terrorism: new global and regional challenges' [Religioznyy terrorizm: novyye global'nyye i regional'nyye vyzovy], *Power*, 29 (6), pp. 65–70. (In Russ.)].
- Ярлыкапов, А. А., Адиев, А. З. (2021) 'Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности»', *Исламоведение*, 12 (4), сс. 59–74. [Yarlykapov, A. A., Adiev, A. Z. (2021) 'Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization, the Problem of "Traditionality"' [Islam na Severnom Kavkaze: reislamizatsiya, mozaizatsiya, problema «traditsionnosti»], *Islamo-vedeniye*, 12 (4), pp. 59–74. (In Russ.)].
- Яхьяев, А. М. (2020) 'К вопросу о распространении идеологии радикального «возрожденчества» в республиках Северного Кавказа', *Научные труды КубГТУ*, 3, сс. 595–604. [Yakhyaev, A. M. (2020) 'On the issue of the spread of the ideology of radical "revival" in the republics of the North Caucasus' [K voprosu o rasprostraneniye ideologii radikal'nogo «vozrozhdenchestva» v respublikakh Severnogo Kavkaza], *Nauchnyye trudy KubGTU*, 3, pp. 595–604. (In Russ.)].
- Avksent'ev, V. A., Gritsenko, G. D., Ivanova, S. Yu., Shulga, M.M. (2020) 'Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation', *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 25 (3), pp. 115–128. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.10.
- Beck, U. (1992) *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.
- Brzezinski, Z. (1998) *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Cohen, S. B. (2009) *Geopolitics: The Geography of International Relations*. New York, London: Rowman & Littlefield.
- Coser, L. A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. Glencoe, Ill., Free Press.
- Luhmann, N. (1993) *Risk: A Sociological Theory*. New York: Walterde Gruyter, Inc.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**NORTH CAUCASUS: DIAGNOSTICS AND FORECASTS OF REGIONAL DEVELOPMENT
IN THE THIRD DECADE OF THE XXI CENTURY**

V. Avksentev, G. Gritsenko

Viktor Avksentev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Laboratory of Conflict Studies,
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: vaavksentev@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529. ResearcherID: J-4088-2018).

Galina Gritsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher,
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: dissovet@rambler.ru (ORCID: 0000-0001-8281-7409. ResearcherID: AAC-7640-2022).

Abstract. The study examines the dynamics of the regional development of the North Caucasus in the last 10-13 years. The authors analyze the trends of risk factors and focus on their classification according to the degree of destructive influence on regional development. The paper presents the following hierarchy of risk factors: risks to political and administrative stability, threats to ethnopolitical security, and challenges to socioeconomic development. The prioritization of risks in the political and administrative sphere is due to the low efficiency of regional management as well as to the archaization of the socio-political structure of regional societies. In the context of aggravation of geopolitical confrontation and the persistence of problems in the social sphere of the North Caucasus, the threats to ethnopolitical security are increasing. The North Caucasus region needs more than a slight decrease in the socio-economic challenges it faces to develop sustainably. The study concludes that the current moderate scenario of the regional situation cannot be prolonged for the next 3-5 years due to the increase of risks in most spheres of life; the forecast should be specified as a moderately negative scenario. The likelihood that some of the republics of the region would return to the negative scenario is increasing.

Keywords: North Caucasus; risk factors; political and administrative stability; ethnopolitical security; socioeconomic development; dynamics of regional development; forecast for the development of the North Caucasus Federal District..

Financial support: The article was carried out within the framework of the State assignment of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, no. 122020100306-9.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-116-125

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА В УСЛОВИЯХ ТРЕНДА ГОСУДАРСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Е. В. Матвеева, О. Ю. Астахов, А. В. Сат

Матвеева Елена Викторовна, доктор политических наук, доцент кафедры культурологии, философии и искусствоведения,
Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7001-6935).

Астахов Олег Юрьевич, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения,
Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия.
E-mail: astahov_oleg@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2764-7686).

Сат Алия Викторовна, кандидат политических наук,
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия.
E-mail: aliya_sat@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4744-6176).

Аннотация

Интерес к научному осмыслению феномена политической культуры актуализируется в периоды существенных сдвигов или вызовов, стоящих перед современными государствами. В последние несколько лет в Российской Федерации сформирована нормативно-правовая база в области культурной политики, в частности в таком вопросе, как сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На примере одного из национальных регионов Республики Тыва дана оценка места традиционных ценностей в социально-политическом развитии региона, определяющих стабильное и устойчивое функционирование политической системы региона в современных условиях. Особое внимание авторы уделяют взаимосвязи культурных традиций и сложившихся столетиями особенностей политической культуры населения Тувы. Целью статьи является рассмотрение особенностей политической культуры Республики Тыва как одного из российских национальных регионов с возможностью использования существующей практики при формировании технологий укрепления основ традиционной культуры в регионах Российской Федерации. Подчеркивается, что современная политическая культура Тувы представляет собой синтез черт общей культуры в лице традиций, исторического прошлого и географического проживания тувинцев, что определяет в итоге устойчивость реализуемой политики на уровне региона и показывает высокий уровень поддержки федеральной власти по укреплению российских традиционных ценностей.

Ключевые слова: политическая культура; культура; стратегические документы в сфере культурной политики; традиционные ценности; национальные регионы; устойчивость региональной власти; Республика Тыва.

Актуальность изучения политической культуры национальных регионов обусловлена непосредственно самой спецификой современного развития данных субъектов Российской Федерации. Находясь под воздействием современных вызовов и угроз, стоящих перед регионами в глобальном и национальном масштабе (например, процессы сетевизации общества и внедрения информационных технологий), население национальных республик сохраняет приверженность традиционному укладу в вопросах массового сознания и политического поведения. Происходящий процесс цементирования традиций в национальных регионах (например, в Республике Тыва) через систему традиционного общества не только позволяет как нельзя лучше сохранять сложившиеся веками специфические чер-

ты культуры отдельных этносов, но и обеспечивает решение национального приоритета Российской Федерации – укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа.

Однако, при общем векторе приверженности национальных субъектов традиционному укладу, среди национальных регионов все же имеются отличия, берущие истоки в интенсивности ассимиляции коренных этносов в период утверждения в регионах советской власти. Как отмечает философ Ч. К. Ламажаа, тувинцы в отличие от бурятов, якутов и калмыков оказались в меньшей степени ассимилированы, что позволило практически в неизменном виде сохранить национальные культурные традиции, язык и религиозные верования. Мода в Туве в 30–70-х годах XX века на русские имена (Бригад, Сесер-оол, Колхозбай и др.) сохранялась непродолжительный период времени, что не изменило приверженность населения преемственности именам и фамилиям, происходящим от названия тувинских родов – Куулар, Монгуш, Ооржак (Ламажаа, 2019).

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей политической культуры национального региона Республики Тыва в контексте возможности использования существующего опыта при формировании технологий укрепления основ традиционной культуры в других регионах Российской Федерации. Это возможно, в частности, путем внесения дополнений в региональные программы социокультурного развития регионов в части укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Необходимо отметить, что в исследовании акцент ставился на анализе социально-политических показателей политической культуры тувинцев (экономические показатели не учитывались).

В последние два десятилетия научный интерес к вопросам региональной политической культуры и в целом политической культуры заметно снизился, однако, как отмечено ранее, актуальность затронутой проблемы в практической плоскости в настоящее время возросла, что обуславливает значимость проведения теоретического анализа. Среди публикаций, посвященных региональной политической культуре, на первое место выходят исследования, связанные с изучением культуры отдельных стран или регионов. В этом отношении отметим работы Е. В. Морозовой (Морозова, 1998), А. С. Паначевой (Паначева, 2004), К. Хамфри (Хамфри, 2010), Н. Г. Щербининой и А. И. Щербинина (Щербинина, Щербинин, 1996).

Среди работ, в которых авторы в разные годы обращаются к вопросам этнонациональных и этнополитических особенностей осуществления власти, историческим и этнополитическим особенностям развития Тувы, выделим работы З. В. Анайбан, М. Н. Губогло, М. С. Козлова (Анайбан и др., 1999), М. В. Монгуш (Монгуш, 2005). В изучении отдельных аспектов региональной политической культуры в работах Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2010) и А. К. Кужугет (Kuzhuget, 2018) проводится анализ традиционных черт тувинского общества.

В то же самое время нельзя не отметить возросшее внимание ученых к вопросам, выходящим на плоскость взаимосвязи с региональной политической культурой с позиции, например, символических проявлений культуры в региональной политике или проблематике региональной идентичности политики. В этом направлении в последние несколько лет вышли работы М. В. Назукиной (Назукина, 2020), Е. В. Морозовой, И. В. Мирошниченко (Политика идентичности..., 2023; Идентичность..., 2023).

Методологической основой исследования выступили системный и исторический подходы, для изучения нормативно-правовых документов нашел применение метод вторичного опроса. Авторы используют также результаты собственных исследований, полученных в ходе ежегодных социологических опросов, проводимых в период с 2019 по 2024 г. на базе Центра социологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Выборка каждого социологического опроса составляла 1200–1500 респондентов, опрашиваемых в ходе уличного опроса по формализованной анкете с применением техники «лицом к лицу» в городах Кызыл и Ак-Довурак, а также районах Тувы. Статистическая погрешность не превысила 3,5 %. В качестве котируемых признаков при формировании выборки учитывались пол, возраст, место жительства (город / село) и уровень занятости.

Осмысление региональной политической культуры традиционных обществ в контексте объясняющей парадигмы Г. Алмонда и С. Вербы

Операционализация понятия «региональная политическая культура» берет начало в концептуальном оформлении понятия «политическая культура», появление которого стало результатом научного дискурса, инициированного в середине XX века в трудах американских ученых (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, У. Розенбаум и др.). Отметим, что при всей разновекторности в изучении феномена

политической культуры бесспорным фактом для современного его осмысления остается приверженность многих специалистов данной проблематики идеям основоположников объясняющей парадигмы Г. Алмонда и С. Вербы, так называемого ориентационного (поведенческого) подхода.

Выдвигая мысль о том, что в изучении политических процессов политическая культура играет не последнюю роль, Г. Алмонд и С. Верба утверждали, что у населения формируются политические ориентации в условиях адаптации к внешним факторам в ходе политических процессов. В результате политическая культура как явление может видоизменяться в случае смены опыта и идей (Алмонд и др., 2002: 119). Ситуация в национальном субъекте Республике Тыва, напротив, показывает преобладание стагнации в политических процессах и общественной жизни, приверженность населения политическому курсу и властвующим политическим элитам, что весьма убедительно демонстрируют результаты проведенных авторами статьи социологических опросов в Республике Тыва (Матвеева и Сат, 2022: 161; Сат, 2023: 100-101).

Объясняющая парадигма американских ученых сохраняет свою современность в силу возможности ее наложения на типы политической культуры национальных регионов традиционного типа. Подобная специфика проявляется как в самой сущности данной теории, так и в потенциале характеристики существующих региональных политических культур в национальных регионах с применением классической типологии политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы, выделивших парохильную, подданническую и участническую политические культуры (Almond & Verba, 1963: 14).

Обращая внимание непосредственно на содержательное наполнение ориентационного подхода Г. Алмонда, отметим, что применительно к анализу политической культуры национальных регионов данный подход делает акцент на системе ценностей, норм, убеждений определенной этнической группы, позволяя изучать модели поведения населения с учетом разных групп факторов и опорой на исторический принцип развития. В результате традиционные общества не просто выступают субъектом анализа, а предстают как динамичное явление в контексте текущих политических процессов с опорой на мотивационные, осознанные основания политического выбора населения.

Используя в качестве основополагающего фактора при рассмотрении и анализе феномена региональной политической культуры ориентационный подход, обратимся к научным интерпретациям данного понятия с учетом специфики регионального развития.

Достаточно конкретно в содержательном плане и универсально для характеристики региональной политической культуры выглядит определение, предложенное политологом Е. В. Морозовой, в котором под региональной политической культурой рассматривается некая подсистема человеческой деятельности в виде культуры и политики. При этом при обращении к политической культуре каждый регион и страну в целом отличают определенные модели политического поведения и система политических ориентаций (Морозова, 1998: 75). Анализируя в своей работе политическую культуру юга России, Е. В. Морозова выделяет типичные для данного региона черты – традиционализм и ориентацию на сильного лидера. Наиболее ярко политическое сознание и поведение как населения, так и политических акторов проявляется в периоды избирательных кампаний. Именно в этот период времени партии демонстрируют свои идеологические установки, а население – политические предпочтения. Так, политический выбор сочинцев отличается от политического выбора населения Красноярского края, когда при минимальном проценте участия в избирательных кампаниях электорат в целом придерживается устойчивых политических предпочтений (Морозова, 1998: 267).

Схожую проблематику рассматривает А. В. Баранов, приходя к выводу о неоднородности политических ориентаций населения региона. Региональные политические культуры А. В. Баранов называет субкультурами. В качестве подсистемы политической культуры регионов выступают территории, отличные от других, объединяющие локальные сообщества (территории), именуемые ученым культурами субрегионов. Каждое сообщество с характерной для него региональной политической культурой (субкультурой) основывается на ряде основополагающих факторов культуры, среди которых исторический, социальный, экономический фактор, политическое позиционирование и др. (Баранов, 2006: 27).

Авторы статьи, опираясь на мнения российских и западных ученых в отношении вопроса фактического отождествления региональной политической культуры с субкультурами (А. В. Баранов, Э. Я. Баталов, А. В. Глухова, Д. Канавах, В. А. Тавашев и др.), в целом придерживаются мнения о том, что региональная политическая культура выступает равнозначным и взаимодополняющим явлением понятию «субкультура». Подобная интерпретация региональной политической культуры в контексте субкультур позволяет рассматривать данное явление в широком формате и применять для анализа политической культуры национальных регионов.

Если говорить о региональных исследованиях политической культуры традиционных обществ с национальной спецификой, то остановимся на нескольких исследованиях, в которых представлена проблема взаимосвязи между политической культурой отдельных этнических групп и различными группами факторов (исторические, политические, географические и пр.), оказавшими воздействие на современные политические процессы.

Р. Патнэм, анализируя региональную политическую культуру севера и юга Италии, выявляет культурные различия, проявляющиеся в сфере политики. В качестве причин подобных различий ученый называет исторические и социальные факторы, в частности установившиеся в течение длительного периода времени традиции, определяющие современные общественные процессы в государстве. Так, Р. Патнэм пишет, что «гражданская вовлеченность» – качество культуры жителей северной части страны, в то время как культурная идентичность жителей юга связана с «культурой недоверия и непонимания», с характерным признаком изолированности населения от общественной жизни. В результате отсутствие гражданской культуры на юге Италии стало следствием установления на данных территориях клановости и клиентелы, экономической отсталости на фоне сильной государственной власти (Патнэм, 1996: 21).

В работах Г. Х. Азашикова представлен анализ политической культуры юга России, в частности культуры коренного народа Северного Кавказа – адыгов, который, по мнению ученого, формировался под воздействием исторического фактора, когда идентичность этноса складывалась, с одной стороны, под внешним воздействием турецкого государства, с другой – под влиянием России, с преобладанием последней. Турецкое влияние прослеживается в заимствовании иноязычных понятий из политической лексики, а также в осуществлении официальной переписки на арабском и турецком языках. Если говорить о заимствовании турецких политических структур, то такое заимствование было минимальным и, скорее, относилось к российскому государству. В результате, как пишет Г. Х. Азашиков, сформированные на сегодняшний день политические институты и органы власти у адыгов – это результат как внутренней трансформации политической системы, так и внешнего воздействия со стороны России и Турции (Азашиков, 2004: 139).

В. А. Колосов и А. Д. Криндач, рассматривая народы юга России, отмечают, что на протяжении не одного столетия с момента прихода первых переселенцев на население оказывали воздействие две тенденции: «державные» – традиция (миф границы как сакральное понятие) и географическое – пограничное расположение, что способствовало интеграции в политическое сознание терпимости, адаптивности ко всему чужому (Колосов, 1994: 123).

Проблему фрагментарности современной региональной политической культуры российских этносов отмечает в своих работах А. С. Паначева. Проведя исследование политической культуры этносов Приморского края, А. С. Паначева пишет о наличии в региональной политической культуре, с одной стороны, схожих черт с общенациональной культурой (например, патернализм, коллективизм, ожидания населения от сильной харизматической личности, низкая политическая активность и т. д.), с другой стороны, сугубо региональных особенностей, сформированных в ходе исторического, демографического, этнополитического и иного развития регионов (приоритет местных проблем над общенациональными, ориентация на местную власть и местного лидера-хозяйственника). В результате фрагментарность политической культуры проявляется как в синтезе общенациональных и местных черт политической культуры, так и в трансформации политической культуры под воздействием историко-идеологического фактора от тоталитарно-авторитарной к радикально-демократической политической культуре (Паначева, 2004: 192).

В рамках разработанной А. В. Сат исследовательской модели факторы, оказывающие воздействие на региональную политическую культуру тувинского этноса, были распределены по двум группам: первичные (экономические, социальные, политические) и вторичные (исторические, религиозные и др.). При этом в качестве индикатора разграничения выступила степень воздействия того или иного фактора на систему взаимодействия власти и общества. Наряду с общенациональными чертами политической культуры (политическая апатия, низкая информированность о политике и политических институтах, идеализация политических лидеров и сакрализованность власти) в тувинском обществе наблюдается персонализация политики, проявляющаяся в высоком уровне доверия к федеральной власти и национальному лидеру, восприятию образа власти в лице ее харизматических лидеров (В. Путин и С. Шойгу) на фоне в целом критического восприятия деятельности региональных и муниципальных представителей системы власти. При этом, как показали проведенные эмпирические исследования общественных настроений, ожиданий и поведения тувинского населения, наиболее существенно специфика политической культуры проявляется в периоды изби-

рательных кампаний федерального и в меньшей мере регионального уровней, что в полной мере характеризует тувинскую политическую культуру как классический пример культуры традиционного общества (Сат, 2023: 121–123).

Представленный обзор исследований региональной политической культуры, в том числе традиционных обществ, позволяет рассматривать политическую культуру регионов как самостоятельные субкультуры, в которых бесспорную роль играют традиции, оказывающие воздействие на современное развитие регионов. При этом устойчивость той или иной традиции обуславливается разными факторами, начиная от исторического и заканчивая сложившейся практикой поддержки федеральной власти в периоды избирательных циклов.

Остановимся более подробно на особенностях региональной политической культуры традиционных обществ – политической культуре Республики Тыва.

Политическая культура Тувы как пример сохранения традиционных основ российской государственности

Политическая культура Республики Тыва – пример культуры не просто одного из современных российских регионов, относящихся к традиционному типу общества, но и субъекта Российской Федерации, в котором синтез черт общей культуры в лице традиций, исторического прошлого и географического проживания тувинцев способствует сохранению устойчивости реализуемой региональной властью на современном этапе развития политики и определяет высокий уровень поддержки государственного курса, что во многом способствует решению одного из важнейших национальных приоритетов государства – сохранения и укрепления российских традиционных основ духовно-нравственных ценностей.

Истоки данного процесса следует относить к вехам становления тувинской государственности, в частности к периоду «советизации» республики, когда в октябре 1944 г. республика последней из национальных регионов вошла в состав нашей страны на правах автономной области. Три десятилетия ранее в 1914 г. после падения Маньчжурской империи (Тува входила в ее состав с середины XVIII в.) Урянхайский край вошел в состав России, фактически оставаясь самостоятельной территорией. Чувство обособленности от всего остального «мира» формировалось и весьма успешно сопровождало все этапы становления и развития государственности тувинцев под воздействием географического положения региона. Даже сегодня мировосприятие окружающего мира проявляется в культурной «дистанции» между тувинцами и русскими как наиболее многочисленными этносами региона (Анабай и др., 1999: 33).

Тува, опираясь на свои традиции и историю, не просто в кратчайшие сроки адаптировалась к советской системе управления, но и сохранила свою самобытность, национальное самосознание, культуру, язык и прочее (в последующем это помогло достаточно быстро адаптироваться к демократическим преобразованиям государства и прочно занять место одного из национальных регионов с высоким уровнем поддержки федеральной власти). В этой связи традиция для тувинского общества – это и преемственность поколений, и устойчивое развитие, и политический порядок, в том числе проявляющиеся в высоком уровне поддержки решений органов власти.

Согласно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», к числу традиционных ценностей отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм ... и т. д.». Рассмотрим основополагающие черты политической культуры тувинского общества через призму выделенных в Указе компонентов традиционных ценностей.

Среди многообразия особенностей политической культуры тувинцев основополагающую роль занимают две – это непосредственно традиции и архаические черты.

Традиция применительно к политической культуре и культуре в целом достаточно часто рассматривается в тесной взаимосвязи с религией, этносом и семейными ценностями. Однако в истории России периодически возникали риски потери национальной самобытности и традиционных основ под влиянием внешних факторов. Так, Н. А. Баранов говорил о том, что с момента проведения петровских реформ в начале XVIII в. история нашей страны напоминает череду противостояния между либеральным подходом и традиционными ценностями российской государственности.

«... Политическая история России напоминает “зебру” – либеральная тенденция, не успев закрепиться в результате усилий очередных реформаторов, сменяется возвратом к традиционным массовым ценностям» (Баранов, 2015: 207).

Архаика выступает неким обязательным элементом традиций, идущих из прошлого, фактически вносит в политическую культуру элементы священности власти, придавая политическим институтам и процессам мифологизированный характер. Происходит персонализация политики путем отведения особого, сакрального места лидеру в системе власти, а самой политике – придания некоего игрового характера, где и власть, и население выполняют отведенные им роли. Все это в совокупности способствует мифологизации и идеализации власти как таковой. Как пишет Н. Г. Щербинина, политическая культура нашей страны сохраняет свою сакральность, что относится как к политическим институтам, так и к структурам политики. «... Сакральный элемент остается смыслообразующим в общественном – традиционно архаическом – сознании, для которого свойственно единство игры и священнодействия, которое не вполне отличает миф от реальности» (Щербинина, 1997: 128).

В практической плоскости отмеченные проявления архаики находят свое выражение в сакрализации системы власти в лице действующих политиков, представляющих федеральные и региональные уровни власти. При этом, как показывают результаты исследований, проведенных в рамках работы ТИГПИ, в случае ухода политика с должности руководителя региона население весьма критично оценивает результаты его работы и более взвешенно подходит к оценке достигнутых результатов и имеющихся проблем (например, бывший глава региона Ш. В. Кара-оол). Аналогичное сакральное восприятие населением системы власти относится к оценке работы партии «Единая Россия» на федеральном и региональном уровнях. Избирательные кампании в Туве как нельзя лучше демонстрируют высокий уровень доверия и поддержки реализуемого политического курса в стране в лице президента и членов партии «Единая Россия» (Сат, 2023: 75).

Особенностью, присущей исключительно национальным регионам, является приверженность к сохранению клановой системы, в том числе в организации системы управления регионом. Опыт Тувы показывает, что клановость в сочетании с традицией цементирует не только систему организации органов власти, но и общественные отношения. В частности, такая черта клановости, как стремление тувинцев следовать заветам предков, называя своих детей тувинскими именами, и придерживаться убеждения в значимости сохранения тувинских фамилий, происходящих от родов, показывает высокое значение родственных связей и отношений, а также место культа отца в современной системе культуры. Устойчивость клановости в тувинском обществе, по мнению Ч. К. Ламажаа, следует связывать с этнокультурными особенностями тувинцев, а также особым статусом республики на всех этапах становления государственности в XX – начале XXI в., когда избирательный процесс был полностью под контролем тувинской элиты и федеральная власть практически не вмешивалась в процесс избрания правителей (Ламажаа, 2010: 159).

К особенностям политической культуры следует относить и такие характеристики, как персонализация политики, этатизм как форма взаимодействия власти и общества, слабая способность к организации тувинцев. Безусловно, все вышеперечисленные характеристики присущи не только национальным регионам, но в большей или меньшей степени населению других субъектов Российской Федерации. Однако в случае с Республикой Тыва данные характеристики приобретают более яркое выражение и оказывают в совокупности с отмеченными ранее традиционализмом и архаикой решающее воздействие на ментальность тувинцев. Все они в отдельности и в совокупности обеспечивают стабильность, единство и сплоченность населения вокруг лидера страны В. Путина и главы Республики Тыва В. Т. Ховалыг.

Таким образом, для тувинского общества понимание традиций носит сакральное и достаточно широкое значение. При этом традиции неразделимы с организацией системы политических и общественных отношений. Традиции для тувинцев – это и высокая роль семьи в обществе, и практически интуитивная вера в верность принимаемых политической элитой решений, и любовь к своей стране и региону. Может ли опыт Тувы представлять интерес для других регионов Российской Федерации? Полагаем, что главный принцип, который позволяет рассматривать опыт Тувы как достаточно интересный, это применяемые технологии по укреплению традиционных ценностей, в частности четкая линия на последовательность и незыблемость сохранения традиций во всех сферах жизни человека при формировании ценностного мировоззрения молодежи. Безусловно, вряд ли можно рассматривать такой вектор развития культуры регионов как полностью изоляционный по отношению к новшествам, идущим из других государств и культур, однако именно такая стратегия развития, по нашему

мнению, позволяет добиваться максимального результата в решении проблемы сохранения традиционных ценностей российской государственности.

Полагаем, что вопросы технологического сопровождения процесса укрепления традиционных основ российской государственности еще требуют пристального внимания со стороны парламентариев, общественников, экспертного и научного сообществ. Необходимо продолжить работу по соотношению федерального законодательства и региональных законодательных актов на предмет понимания сущности национальных традиционных ценностей с региональными традициями и идентичностью, формировать в общественном сознании населения значимость укрепления и сохранения традиций как ресурс будущего устойчивого развития страны.

В завершение приведем высказывание британского антрополога К. Хамфри относительно сложившейся в России сильной государственной власти, фактически определяющей современные процессы в стране и особенно на территории национальных регионов. Сильная государственная власть – это результат и наличия большой территории, и разнообразного многонационального и территориального состава, и опасений потери политической целостности культуры. «Государство не наделяется какой-либо властью определять, кто есть кто (хотя иногда и претендует на такую власть), однако на него всегда взирают с надеждой, ибо только государство способно обеспечить общественный порядок. Отсюда равнодушие россиян к харизме и добродетели конкретных представителей власти» (Хамфри, 2010: 87).

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим несколько ключевых моментов. Прежде всего, представленный исторический опыт развития тувинской государственности демонстрирует устойчивую, сформированную в течение не одного десятилетия тенденцию к сохранению истории, культурной и национальной идентичности тувинского народа. Сегодня это тенденция прослеживается в особом внимании к соблюдению культурных традиций, обычаев, обрядов (почитание старших, уважение к женщине, любовь к детям, гостеприимство), проведению государственных праздников, направленных на поддержание и сохранение культурного самосознания тувинцев. Одним из таких государственных праздников является День Конституции Республики Тыва, принятой на всенародном референдуме 6 мая 2001 г. Как отметил в поздравительной речи к населению в социальных сетях 6 мая 2024 г. глава региона В. Т. Ховалыг, «каждая из девяти конституций отражала особенности того отрезка истории, на протяжении которого действовала. Основной закон разработали с опорой на исторический опыт и мудрость нашего народа»¹.

Опыт сохранения традиционных основ государственности в Республике Тува интересен еще и тем, что позволяет весьма осторожно и последовательно реагировать на происходящие события, так называемые глобальные вызовы и угрозы, рассматривая их через призму национальной российской культуры. Другими словами, на первое место ставятся интересы народа, региона, страны в рамках традиционного взгляда на мир, а уже дальше при принятии управленческих решений учитываются современные технические достижения и модернизационные механизмы развития. Применяемые технологии по укреплению традиционных ценностей в Туве, как нам представляется, могут представлять интерес для других субъектов Российской Федерации независимо от форм административно-территориального устройства.

Полагаем, что достаточно значимую роль в учете разработки региональных программ по реализации культурной и национальной политики может сыграть интеграция в новом качестве как опоры российской государственности по сохранению и укреплению культуры и традиционных основ российских духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, а также возрождение забытых и недооцененных культурных традиций русского народа с последующим привлечением к ним внимания в общественно-просветительской работе и в системе образования молодого поколения.

¹ Глава Тувы поздравил жителей республики с Днем Конституции Республики Тыва (2024) [Электронный ресурс]. *Официальный портал Республики Тыва*. 06 мая. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/holidays/56601/?ysclid=lvw14tbgyd469136920 (дата обращения: 07.05.2024).

Список литературы / References

- Азашиков, Г. Х. (2004) 'Политическая субкультура населения южных регионов России'. *Социология власти*, 5, сс. 135–140. [Azashikov, G. H. (2004) 'Political subculture of the population of the southern regions of Russia' [Politicheskaya subkul'tura naseleniya yuzhnyh regionov Rossii]. *Sociologiya vlasti*, 5, pp. 135–140 (In Russ.)].
- Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. (2002) *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор*. М.: Аспект Пресс. [Almond, G., Pauell, Dzh., Strom, K., & Dalton, R. (2002) *Comparative politics today. World overview Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoj obzor* [Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoj obzor]. М.: Aspekt Press (In Russ.)].
- Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) *Формирование этнополитической ситуации. Очерки по истории постсоветской Тувы*. М.: ЦИМО. [Anajban, Z. V., Guboglo, M. N., & Kozlov, M. S. (1999) *Formation of the ethnopolitical situation. Essays on the history of post-Soviet Tuva* [Formirovanie etnopoliticheskoy situacii. Ocherki po istorii postsovetsoj Tuvy]. М.: СИМО (In Russ.)].
- Баранов, А. В. (2006) 'Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов)'. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2, сс. 25–35. [Baranov, A. V. (2006) 'Political orientations of voters in the Krasnodar region in the context of political culture (based on materials from parliamentary elections)' [Politicheskije orientacii izbiratelej Krasnodarskogo kraja v kontekste politicheskoj kul'tury (po materialam parlamentskih vyborov)], *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS*, 2, pp. 25–35. (In Russ.)].
- Баранов, Н. А. (2015) 'Политическая культура России: традиции и современность'. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 208, сс. 203–213. [Baranov, N. A. (2015) 'Political culture of Russia: traditions and modernity' [Politicheskaja kul'tura Rossii: tradicii i sovremennost], *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tura*, 208, pp. 203–213. (In Russ.)].
- Колосов, В. А., Криндач, А. Д. (1994) 'Тенденции постсоветского развития сознания и политической культуры Юга России', *Полис. Политические исследования*, 4, с. 120. [Kolosov, V. A., & Krindach, A. D. (1994) 'Trends in the post-Soviet development of consciousness and political culture of the South of Russia' [Tendencii postsovetsoj razvitiya soznaniya i politicheskij kul'tury Yuga Rossii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, p. 120 (In Russ.)].
- Ламажаа, Ч. К. (2019) 'Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность', *Новые исследования Тувы*, 3, сс. 27–40. DOI: 10.25178/nit.2019.3.3 [Lamazhaa, Ch. K. (2019) 'Geocultural images of the Buddhist world of Tuvans: historical context and modernity' [Geokul'turnye obrazy buddijskogo mira tuvincev: istoricheskij kontekst i sovremennost], *Novye issledovaniya Tuvy*, 3, pp. 27–40. DOI: 10.25178/nit.2019.3.3 (In Russ.)].
- Ламажаа, Ч. К. (2010) *Клановость в политике регионов России. Тувинские правители*. СПб.: Алетейя. [Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Clanism in the politics of Russian regions. Tuvan rulers* [Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli]. SPb.: Aletejya (In Russ.)].
- Матвеева, Е. В., Сат, А. В. (2022) 'Политическая культура избирателей республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований)', *Вестник Томского государственного университета*, 476, сс. 159–167. DOI: 10.17223/15617793/476/17 [Matveeva, E. V., Sat, A. V. (2022) 'Political culture of voters in the Republic of Tuva as an indicator of relations between government and society (based on the results of sociological research)' [Politicheskaja kul'tura izbiratelej respubliky Tuva kak indikator otnoshenij vlasti i obshchestva (po rezul'tatam sociologicheskij issledovanij)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 476, pp. 159–167. DOI: 10.17223/15617793/476/17 (In Russ.)].
- Морозова, Е. В. (1998) *Региональная политическая культура: дис. ... докт. филос. наук*. Краснодар. [Morozova, E. V. (1998) *Regional political culture* [Regional'naya politicheskaja kul'tura]. Krasnodar (In Russ.)].

- Монгуш, М. В. (2005) *Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Mongush, M. V. (2005) *Tuvans of Russia, Mongolia and China: ethnic and ethnocultural processes, modern identity*: dis. ... dokt. ist. nauk' [Tuvincy Rossii, Mongolii i Kitaya: etnicheskie i etnokul'turnye processy, sovremennaya identichnost]. M. (In Russ.)].
- Назукина, М. В. (2020) 'Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 78–92. [Nazukina, M. V. (2020) 'Institutionalization of ethnicity in the identity politics of Russian republics: conceptual analysis' [Institucionalizaciya etnichnosti v politike identichnosti rossijskih respublik: konceptual'nyj analiz], *Policy. Political Studies*, 3, pp. 78–92. (In Russ.)]
- Паначева, А. С. (2004) *Политическая культура современного российского региона (на материалах Приморского края)*: дис. ... канд. полит. наук'. Владивосток. [Panacheva, A. S. (2004) *Political culture of the modern Russian region (based on materials from the Primorsky Territory)*: dis. ... kand. polit. nauk' [Politicheskaya kul'tura sovremennogo rossijskogo regiona (na materialah Primorskogo kraja)]. Vladivostok (In Russ.)].
- Патнэм, Р. (1996) *Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem. [Patnem, R. (1996) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* [Chtoby demokratiya srabotala: grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii']. M.: Ad Marginem (In Russ.)].
- 'Политика идентичности: понятия, смыслы, практики' (2023) Л. А. Фадеева, И. С. Семенов, Е.В. Морозова и др. Пермь: ПГНИУ ИЦ «Титул». ['Identity politics: concepts, meanings, practices' [Politika identichnosti: ponyatiya, smysly, praktiki] (2023) L. A. Fadeeva, I. S. Semenenko, E.V. Morozova and others. Perm: Perm State University IC "Titul" (In Russ.)].
- 'Идентичность: личность, общество, политика. новые контуры исследовательского поля' (2023) И. С. Семенов, В. В. Лапкин, Е. В. Морозова, В. И. Пантин и др. М.: Весь Мир. ['Identity: personality, society, politics. new contours of the research field' [Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. novye kontury issledovatel'skogo polya] (2023) I. S. Semenenko, V. V. Lapkin, E. V. Morozova, V. I. Pantin et al. M.: Whole World (In Russ.)].
- Сат, А. В. (2023) *Политическая культура современного российского региона (на материалах Республики Тыва)*: дис. ... канд. полит. наук. Томск. [Sat, A. V. (2023) *Political culture of the modern Russian region (based on materials from the Republic of Tyva)*: dis. ... kand. polit. nauk [Politicheskaya kul'tura sovremennogo rossijskogo regiona (na materialah Respubliki Tyva)]. Tomsk (In Russ.)].
- Хамфри, К. (2010) *Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки)*. М.: Наталис. [Hamfri, K. (2010) *Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)* [Postsovetskie transformacii v aziatskoj chasti Rossii (antropologicheskie ocherki)]. M.: Natalis (In Russ.)].
- Щербинин, А. И., Щербинина Н. Г. (1996) *Политический мир России*. Томск: Водолей. [Shcherbinin, A. I., & Shcherbinina N. G. (1996) *Political world of Russia* [Politicheskij mir Rossii]. Tomsk: Vodolej (In Russ.)].
- Щербинина, Н. Г. (1997) 'Архаика в российской политической культуре', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 127–139. [Shcherbinina, N. G. (1997) 'Archaic in Russian political culture', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 127–139 (In Russ.)].
- Almond, G. A., Verba, S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton.
- Kuzhuget, A. K. 'Tuvan traditional culture as a socio-historical phenomenon', *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2018, 15(4), pp. 632–637. DOI: 10.22363/2618-897X-2018-15-4-632-637

Статья поступила в редакцию: 08.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**FEATURES OF THE POLITICAL CULTURE OF THE REPUBLIC OF TUVA IN RELATION TO
THE STATE DIRECTION OF TRADITIONAL VALUES DEVELOPMENT**

E. Matveeva, O. Astakhov, A. Sat

Elena Matveeva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7001-6935).

Oleg Astakhov, Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, philosophy and art history, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia.
E-mail: astahov_oleg@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2764-7686).

Aliya Sat, candidate of political sciences, Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia.
E-mail: aliya_sat@mail.ru (ORCID: 0000-0003-4744-6176).

Abstract. At times of significant change or challenge for modern states, interest in understanding the phenomenon of political culture gains topicality. In recent years, Russia has developed a regulatory framework in the field of cultural policy, particularly in the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. Based on the case of an ethnic minority region, the Republic of Tuva, the authors assess the significance of traditional values for the development of the region that determine stable and sustainable development in the current political conditions. Particular attention is paid to the relationship between cultural traditions and the centuries-old features of the political culture of the Tuva population. The article aims at considering the specifics of the political culture of the Republic of Tuva as one of the Russian national regions with the possibility of using the existing practice in the formation of technologies for strengthening the foundations of traditional culture in the Russian regions. The article highlights that the modern political culture of Tuva is a synthesis of the features of a common culture of Tuvinians, which ultimately determines the sustainability of the implemented policies of the regional authorities and shows a high level of support for the federal authorities in strengthening Russian traditional values.

Keywords: political culture; culture; strategic documents in the field of cultural policy; traditional values; national regions; stability of regional power; Republic of Tuva.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-126-136

«НАСИЛЬНО МИЛ НЕ БУДЕШЬ», ИЛИ КАК ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ ПРОВОЦИРУЕТ ДИВЕРГЕНЦИЮ: СЛУЧАЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

К. А. Сулимов

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия.
E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135. ResearcherID: N-9455-2018).

Аннотация

Отличительным признаком итальянской региональной системы является высокая степень институциональной асимметрии. Более того, есть предположение, что асимметрия будет только нарастать. В начале существовало всего два режима институциональных статусов – пять «особых» регионов и пятнадцать «обычных». Но каждый особый регион в конечном итоге приобрел свою собственную специфическую систему полномочий в двусторонних переговорах с центральным правительством. Аналогичным образом наблюдалось расхождение между обычными регионами как с точки зрения внутренней динамики, так и в их отношениях с Римом в погоне за дополнительными полномочиями. В то же время на протяжении всего существования этой институциональной системы наблюдались сильные изоморфные тенденции: центральные власти пытались уменьшить институциональную асимметрию (создание «обычных» регионов в 1970-х гг., конституционная реформа 2001 г., провальная реформа 2016 г. и т. д.), сами регионы и другие акторы пытались использовать успешные институциональные формы для собственного развития. Предлагается объяснение нарастания асимметрии и институционального разнообразия системы итальянского регионализма сквозь призму теории институционального изоморфизма – механизмы, способствующие изоморфным изменениям, могут также поддерживать процессы дивергенции.

Ключевые слова: регионы; институциональные реформы; институциональная асимметрия; дивергенция; конвергенция; политико-территориальная гетерогенность; институциональный изоморфизм; Италия.

Тринадцатого июля 2024 г. вступил в силу Закон Итальянской Республики о так называемой дифференцированной автономии (*l'autonomia differenziata*) № 86 от 26 июня 2024 г.¹ Его принятие вызвало нешуточное волнение среди депутатов, экспертов, активистов разных мастей и региональных властей. Еще в процессе обсуждения идеи, а потом и законопроекта, который был частью предвыборной программы правоцентристской коалиции на выборах в сентябре 2022 г., по всей стране было создано более сотни ассоциаций, групп и комитетов различных категорий, которые объединяются под общим названием «Комитеты за отмену всякой дифференцированной автономии, за единство Республики и равные права»². Особенно активны инициативы, направленные на отстаивание интересов юга страны, например «Движение за территориальное равенство 24 августа»³. Под территориальным равенством активисты понимают отсутствие неприемлемых территориальных диспропорций между отдельными частями и регионами страны. Их деятельность направлена на мобилизацию общественного мнения против реформы, а после принятия закона – на сбор подписей за инициирование референдума об его отмене. В самом парламенте, в нижней палате, во время обсуждения законопроекта эмоции били через край, вплоть до скандирования «*Bella sia*» и рукоприкладства. Один из противников новации, депутат от партии «Движение пяти звезд», даже был ненадолго госпитализирован, а принятие закона

© Сулимов К. А., 2024

¹ LEGGE 26 giugno 2024, n. 86 Disposizioni per l'attuazione dell'autonomia differenziata delle Regioni a statuto ordinario ai sensi dell'articolo 116, terzo comma, della Costituzione. (24G00104) (GU Serie Generale n.150 del 28-06-2024). *La Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. Available at: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2024/06/28/24G00104/sg> (Accessed: 13 July 2024).

² Comitati per il ritiro di ogni autonomia differenziata, per l'unità della Repubblica e l'uguaglianza dei diritti. Available at: <https://perilritirodiqualunqueautonomiadifferenziata.home.blog/> (Accessed: 20 July 2024).

³ Il Movimento 24 Agosto per l'Equità Territoriale. Available at: <https://movimentoequitaterritoriale.it/> (Accessed: 20 July 2024).

вызвало шквал комментариев, победных с одной стороны и обещающих не сдаваться – с другой. И даже представитель католической церкви высказался, максимально нейтрально, конечно. Нет недостатка в экспертных комментариях и вменяемых объяснениях для широкой публики, о чем, собственно, идет речь, в том числе о том, что реализация новации займет немало времени и потребует кропотливой работы². Но ее противники не желают ждать. Регионы начали подавать апелляции в Конституционный суд (Апулия, Сардиния, Тоскана), параллельно запущена кампания по инициированию референдума об отмене закона. Он не конституционный, поэтому референдум при его принятии не требовался, но возможен так называемый отменяющий референдум (*referendum abrogativo*), инициировать который могут пять региональных legislatures или граждане, если будет собрано 500 тысяч подписей. В Кампании и Эмилии-Романье региональные парламенты приняли резолюции с призывом к референдуму об отмене, параллельно был запущен сбор подписей, и желаемый результат в 500 тысяч был достигнут примерно за полтора месяца.

Так что будущее этого закона пока под вопросом. Но сам закон и ведущиеся вокруг него горячие публичные дебаты лишь еще один эпизод в очень длинной и важной для страны тематической истории – региональный вопрос (с конфликтами) решался одновременно с созданием современной Итальянской Республики (1947–1948) и красной нитью протягивается через политическую повестку вплоть до сегодняшнего дня. Всего в истории современной Италии было проведено четыре конституционных референдума (2001, 2006, 2016 и 2020), и все они исключительно или в том числе затрагивали институциональное устройство региональной системы страны. Собственно, принятие закона о дифференцированной автономии представляет собой продолжение реализации конституционной реформы 2001 г., а именно регулирует правила, по которым регионы могут запросить и получить дополнительные полномочия от государства, что предусмотрено редакцией измененной тогда 116-й статьи Конституции.

Возможно, одна из самых болезненных точек регионального вопроса в Италии – это проблема растущей асимметрии между регионами. Асимметрия была заложена с самого начала через создание пяти регионов с особым статусом для учета этноязыкового разнообразия на окраинных и островных территориях страны. Но в дальнейшем прилагались серьезные усилия по ее преодолению, которые, однако, с завидной регулярностью оборачивались парадоксом динамики регионального развития Италии: *«чем больше преобладающий политический дискурс призывает к единству, солидарности и формальному равенству между территориями, тем больше растет дифференциация на практике»* (Palermo, 2021, 148). Идея о том, что региональная модель асимметрична, потому что отражает многочисленные социально-экономические, культурные, географические и другие различия, характерные для страны (Alber et al., 2022), достаточно очевидна и конвенционально признана, но не отвечает на вопрос о том, почему институциональная асимметрия растет, ведь едва ли неинституциональные различия увеличиваются так же быстро. В этой статье будет предложено объяснение растущей асимметрии с позиции теории институционального изоморфизма (DiMaggio, Powell, 1983), которая, несмотря на то, что задумана для объяснения растущего сходства, а не различий, может быть использована для понимания противоположного процесса. Соответственно, далее с опорой на имеющуюся литературу будет кратко обрисована картина растущей институциональной асимметрии среди итальянских регионов, затем после анализа имеющихся исследовательских подходов к осмыслению институциональной асимметрии будет представлен подход, опирающийся на теорию институционального изоморфизма, и в завершение он будет продемонстрирован на примере той самой «дифференцированной автономии».

¹ Autonomia, sì dalla Camera: è legge. Esulta la Lega. Le opposizioni: “Pronti al referendum”. Schlein attacca Meloni. Critiche dalla Chiesa, Parolin: “Non crei ulteriori squilibri”. Zuppi: “Non ci hanno preso sul serio” a cura di Valeria Forgnone, Stefano Baldolini (2024). *La Repubblica*, 19 GIUGNO. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2024/06/19/diretta/riforme_autonomia_seduta_fiume_alla_camera_si_senato_a_premierato_proteste_opposizioni-423253519/ (Accessed: 20 June 2024).

² См., например: Canera C.(2024) Che cosa prevede la riforma sull'autonomia differenziata. La legge è stata approvata definitivamente dalla Camera, ma ci vorrà tempo prima che le regioni ottengano maggiori poteri. *Pagella Politica*, 20 Giugno. Available at: <https://pagellapolitica.it/articoli/contenuto-riforma-autonomia-differenziata-regioni> (Accessed: 20 June 2024).

³ Carboni, K. (2024) L'autonomia differenziata progettata dal ministro Calderoli è legge La Camera approva il disegno di legge sull'autonomia differenziata delle regioni a statuto ordinario. Una proposta molto contestata perché potrebbe aumentare il divario tra Nord e Sud. *Wired Italia*, 22 August. Available at: <https://www.wired.it/article/autonomia-differenziata-calderoli-proposta/> (Accessed: 22 August 2024).

Региональное разнообразие и институциональная асимметрия регионов Италии

В литературе широко обсуждается асимметричность итальянской региональной системы (Palermo, 2021; Baldi, 2020; Palermo, Valdesalici, 2019), что, по-видимому, отражает ее значимость в контексте итальянской политической практики, где она сплошь и рядом осознается и дискутируется как проблема. Собственно, и споры о «дифференцированной автономии» в первую очередь фокусируются именно на угрозе растущей дифференциации – противники новации утверждают, что предоставление большей автономии регионам увеличит неравенство между территориями и ухудшит качество услуг, которое и так уже недостаточно в некоторых регионах. Иными словами, институциональная асимметрия плоха не сама по себе, а потому что негативно влияет на растущие различия в фактических условиях и качестве жизни людей. Такое понимание опирается на концептуальную логику, которая проводит различие между асимметрией де-факто и асимметрией де-юре. Первая отражает фактические различия, существующие между регионами, в то время как вторая формально признает их в нормативных правилах, предоставляя различные полномочия разным регионам. Таким образом, в институциональном измерении имеет значение асимметрия де-юре, поскольку она представляет собой ответ на фактическую асимметрию (Baldi, 2020; Palermo, 2022).

Реформирование институциональных возможностей регионов (а также муниципалитетов), проводимое в Италии с 1990-х гг., имело ярко выраженный децентрализаторский характер и было направлено на повышение результативности, эффективности и совершенствование демократической подотчетности. Эти усилия привели к радикальным изменениям в многоуровневом управлении и вертикальной субсидиарности (Lippi, 2011). Одним из значимых результатов стала институциональная фрагментация, по-разному реализовавшаяся в разных сферах. Например, за реформированием государственных и социальных служб в Италии в логике нового государственного менеджмента последовало значительное усиление власти на местном уровне за счет промежуточных уровней (то есть провинций и регионов), что привело к повсеместной фрагментации, которая в отсутствие надежных механизмов координации имела следствием нечеткое распределение обязанностей, а заметная децентрализация процесса принятия решений привела к слабой интеграции и неэффективному масштабу предоставления услуг (Citroni et al., 2016). Инфраструктура системы социальных услуг характеризуется институциональным устройством типа «мраморного пирога», объединяющим национальные и субнациональные обязанности (Lippi & Terlizzi, 2023).

Имеющиеся исследования показывают, что в сфере медицинского обеспечения процессы регионализации еще больше увеличили разрыв между Севером и Югом, бывший и без того значительным (Toth, 2014). Центральные и северные регионы кажутся более способными удовлетворить потребности своих граждан в уходе и привлечь пациентов, чем южные (Nante et al., 2021). Тема медицины оказалась на острие общественных дискуссий во время пандемии COVID-19, когда «выяснилось», что в стране существует 21 региональная система здравоохранения (в регионе Альто Адидже / Южный Тироль две системы). Эти системы отличаются как институциональным дизайном, так и эффективностью деятельности (Alber et al., 2021). Это разнообразие комплексным образом проявилось во время пандемии (Carano, Lippi, 2021; Ferrario et al., 2023), что обострило дискуссии по поводу оправданности децентрализации как таковой.

Все это связано с институциональным дизайном «высокого уровня», касающегося статусов регионов в целом, изменения в которых привели к очень высокой степени регионального разнообразия как в институциональном отношении: есть различия в конституционном статусе регионов, объеме законодательных и административных полномочий, финансовых режимах и характере межправительственных отношений, так и в отношении результатов и эффектов деятельности региональных властей.

В конституционном отношении страна поделена на две группы регионов: пять, в соответствии со статьей 116 Конституции, с особым статусом, *«имеют особые формы и условия автономии согласно специальным статутам, установленным конституционными законами»* (фактически особых автономий шесть, потому что Альто Адидже / Южный Тироль состоит из двух автономных провинций, которые более значимы, чем весь регион) и пятнадцать с обычным статусом (первоначально было 14, потом Аbruцци-э-Молизе был разделен на два). Создание обычных регионов, которые стали действительными регионами только в 1970-е гг. после формирования региональных органов власти, было, по крайней мере отчасти, продиктовано необходимостью создать противовес особым регионам. Однако к настоящему времени фактическая институциональная структура итальянской региональной системы сильно отличается от плоской двухмерной схемы, представленной в конституции страны.

Каждый особый регион развил свою собственную степень автономии в индивидуальных переговорах с центральным правительством. Некоторые регионы, прежде всего Сицилия и Сардиния, фактически отказались от своего «автономистского сознания» (“autonomist consciousness”) в обмен на значительные финансовые ресурсы, предоставляемые центральной властью. В результате степень их автономии сейчас больше похожа на ту, что имеют обычные регионы. Фриули-Венеция-Джулия, в силу позднего создания и особого пограничного положения, с самого начала имела меньший объем автономии, чем другие особые регионы. Фактически только два маленьких альпийских региона – Трентино-Альто Адидже / Южный Тироль и Валле д’Аоста – могут считаться по-настоящему специальными регионами в итальянской региональной системе (Palermo, 2021). Это видно по работе так называемых совместных комиссий по осуществлению региональных статутов, которые являются ключевой площадкой билатерального взаимодействия с национальным центром. Они существуют во всех особых регионах. Но в некоторых случаях они играют случайную роль как в количественном, так и в качественном отношении, в других они представляли собой форум, где принимаются действительно важные решения. Регион Трентино-Альто Адидже / Южный Тироль является знаковым: к 2018 г. было принято почти в пять раз больше решений, чем в случае с Сицилией и Сардинией. Более того, решения для Трентино-Альто Адидже / Южный Тироль в основном касаются важнейших вопросов, как правило, механизмов сосуществования языковых групп в Южном Тироле и передачи новых полномочий с центрального на провинциальный уровень, даже выходящих за рамки полномочий, перечисленных в его уставе. Похожая ситуация с Валле д’Аоста и, в некоторых аспектах, с Фриули-Венеция-Джулия. И наоборот, на Сардинии и Сицилии они часто занимались чисто техническими вопросами, а имеющийся огромный потенциал использовался в ограниченных масштабах (Palermo & Valdesalici, 2019: 297). В результате работы этих комиссий *«фактические различия между особыми регионами настолько значительны, что сомнительно, можно ли рассматривать особые автономии как принадлежащие к одной категории или, скорее, каждый особый регион как отдельный случай как таковой»* (Palermo, 2021: 148).

Пятнадцать обычных регионов тоже никогда не были одинаковыми в институциональном отношении, а после конституционной реформы 2001 г., которая сама *«была направлена на сокращение разрыва между особыми и обычными регионами»* (Alber et al., 2021: 17), получили возможность менять свой статус через институт «дифференцированной автономии». Она долгое время была спящей (Венето, Ломбардия, Тоскана и Пьемонт предпринимали попытки достичь соглашения с правительством в 2000-е гг., но без последствий¹, а закон, устанавливающий правила получения дополнительных полномочий, как выше было сказано, принят только в этом году). Но с 2016 г. регионы снова активизировались в попытке ее использовать (триггером стала неудавшаяся попытка конституционной реформы со стороны левоцентристской коалиции). Процесс начал Венето, затем Ломбардия и Эмилия-Романья, причем два первых получили мандат на переговоры с Римом на региональных референдумах (Giovannini & Vampa, 2019). Более того, после того как первые три заключили предварительные соглашения с правительством, за ними двинулись и другие регионы: еще семь уполномочили своих глав начать переговоры, три рассматривали такую возможность и только два – Абруццо и Молизе – не предприняли никаких действий (Palermo, 2021). Те усилия из-за принятия упомянутого закона, скорее всего, уже неактуальны. Но примечательно, что почти все обычные регионы сочли необходимым включиться в процесс получения дифференцированной автономии. А так как переговоры велись каждым регионом отдельно, можно было ожидать, что приведут они к очень разным результатам с точки зрения распределения законодательных, а затем и административных полномочий, и фактических результатов деятельности, то есть к еще большему увеличению асимметрии.

Институциональная асимметрия и подходы к ее пониманию в итальянском контексте

Институциональная асимметрия региональной системы в Италии получает разные объяснения. Общие структурные условия самого регионального разнообразия трактуются относительно конвенционально, через отсылку к уходящим в историю глубоким различиям между регионами (Гаман-Голутвина, Дудаева, 2022: 13). И, соответственно, региональная модель асимметрична, потому что отражает многочисленные унаследованные и новоприобретенные социально-экономические, культурные, географические и другие различия (Alber et al., 2022). Ссылки на историю в целом очень популярны, но имеют разный характер. Например, исследования экономического разрыва между Севером и Югом Италии в рамках парадигмы «порядков доступа» (Di Martino et al., 2019) или исследова-

¹ Lombardia e Veneto: i primi referendum sul regionalismo differenziato, Servizio studi del Senato (nota breve). № 187 – ottobre 2017. Available at: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01045495.pdf> (Accessed: 22 June 2024).

ния связи между эффективностью современных региональных институтов и развитием социального капитала (Pierce et al., 2016). Хотя постоянно появляются работы, ставящие под сомнение объяснительную силу культуры в разных предметных полях в пользу институциональных объяснений (Guegta & Harrington, 2023). Не все также согласны с тем, что движение в сторону регионализации и децентрализации было в первую очередь вызвано территориальной дифференциацией регионального уровня, а не необходимостью повысить качество управления и подотчетность управляющих (Groppi, 2015). При отсутствии собственно регионального запроса на регионализацию значимую роль сыграли другие феномены – устойчивый централизм, который преобладал, когда Италия родилась как государство в 1861 г., и сильная традиция вездесущего локализма, союзом между которыми можно объяснить безуспешный путь к федерализму в Италии (Baldini & Baldi, 2014).

Текущая политическая динамика относительно симметрии / асимметрии институционального статуса регионов может быть объяснена и объясняется через интересы и позиции заинтересованных сторон в институциональной системе взаимодействия. Общепринятая позиция заключается в том, что после конституционной реформы 2001 г. Италия имеет квазифедеральную конституционную структуру, но также имеет проблемы с ее функционированием. Эти проблемы могут объясняться по-разному, например через отсылку к все еще очень слабой федеральной (и / или политической, автономистской) культуре, что может, например, означать доминирование централизма, локализма, неготовности принимать диверсификацию правил и политики, которая возникает при осуществлении самоуправления и т. п. (Baldi, 2020; Palermo & Valdesalici, 2019). Так или иначе, это приводит к тому, что маятник политического и академического дискурсов о территориальном устройстве колеблется между (симметричной) централизацией и (асимметричной) децентрализацией (Palermo & Valdesalici, 2019).

Маятник раскачивают с обеих сторон. Со стороны национального центра – политические силы, борющиеся за власть на национальном уровне. Партийная конкуренция играла важную роль в том, как формировались, создавались и управлялись регионы, и в целом определяла последовательность этапов регионализации (Mazzoleni, 2009). Регионы мобилизуются и действуют индивидуально: степень автономии зависит от того, чего требует регион и что ему удастся получить от государства. Это задает асимметрию: не все регионы мобилизуются; не все регионы обладают территориальным разнообразием, которое они могли бы использовать для усиления переговорной позиции; не все из них требуют или умудряются получить одинаковые полномочия (Baldi, 2020).

Институциональная система отношений центр–регионы в Италии сложилась таким образом, что доминируют билатеральные вертикальные взаимодействия, которые почти во всех случаях предпочтительнее горизонтальных и многосторонних. Последние институционально обеспечиваются системой конференций: Конференция «государство – регионы», Объединенная конференция (все уровни публичной власти), Конференция регионов и автономных провинций¹. Но они малоэффективны. Конференция «государство – регионы» гарантирует формальные консультации, когда затрагиваются региональные интересы, но у нее нет реальных полномочий для принятия решений (Palermo, 2021). Помимо конференций есть другие каналы взаимодействия: партийно-политические и отраслевые по линии исполнительной власти. Но они, как утверждается, не могут обеспечить полноценную функциональную координацию между уровнями власти: *«эта асимметричная и довольно дисфункциональная система территориальной организации требует обширного посредничества Конституционного суда»* (Palermo, Wilson 2014: 510). Ввиду этого итальянские регионы (особенно те, которые сильнее в политическом или ином отношении) предпочитают использовать двусторонние формы переговоров с национальным уровнем: чем менее эффективны многосторонние инструменты или чем более враждебны политические отношения между отдельными регионами и центром, тем больше используются двусторонние каналы, а многосторонние игнорируются или обходятся стороной (Palermo, 2021). А успех одних регионов во взаимодействии с центром вызывает зависть у других регионов (Alber et al., 2022).

Эти ключевые особенности институциональной системы взаимодействия между центром и регионами можно интерпретировать с точки зрения теории институционального изоморфизма (DiMaggio, Powell, 1983), чтобы обнаружить логику увеличения асимметрии. Использование этой теории может выглядеть несколько парадоксально, потому что она как раз призвана объяснить, с помощью каких конкретных механизмов организационные структуры становятся похожими друг на друга, а не отличными, то есть как нарастает однообразие, а не разнообразие. Собственно, именно в этом ключе обычно проводятся исследования с использованием этой теории, в том числе на материа-

¹ Conferenza delle Regioni e delle Province autonome. Available at: <https://www.regioni.it/> (Accessed: 20 June 2024).

ле структурно схожих случаев, то есть относительно субнациональных политико-территориальных единиц (Gardner, 2014). Однако инструменты, которые предоставляет эта теория, дают возможность ответить на вопрос о причинах нарастания различий в итальянском случае. Подобная логика уже использовалась, например, в исследовании менеджериализации местных органов власти в Италии, которое обнаружило, что за кажущимся обобщением и унификацией скрываются процессы систематической диверсификации, продиктованные местными институтами, которые являются посредниками и передают глобализирующий контент (Lipri, 2000).

Ключевым понятием теории институционального изоморфизма является «организационное поле» (“organizational field”). Под ним понимаются *«те организации, которые в совокупности составляют идентифицируемую сферу институциональной жизни – это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги»* (Димаджио, Пауэлл, 2010: 37). Иными словами, речь идет не только о конкурирующих организациях или сетях реально взаимодействующих организаций, но о «всей совокупности релевантных акторов». Все итальянские регионы, а также центральная власть вместе составляют, в терминах Димаджио и Пауэлла, общее организационное поле. Они и поставщики сходных услуг, и потребители сходных ресурсов, могут конкурировать между собой, но не обязательно, могут взаимодействовать напрямую, но тоже не обязательно. Они все связаны (“connectedness”) между собой. В результате процесса институционального определения, или «структуризации» организационного поля запускаются механизмы институциональных изменений, которые могут приводить к нарастанию организационного сходства: (1) принудительный изоморфизм (coercive isomorphism), который проистекает из политического влияния и проблемы легитимности; (2) подражательный изоморфизм (mimetic isomorphism), являющийся результатом стандартных реакций на неопределенность; и (3) нормативный изоморфизм (normative isomorphism), связанный с профессионализацией (Димаджио, Пауэлл, 2010: 39).

Представляется, что все три механизма институциональных изоморфных изменений работают в итальянской региональной системе. В Италии предпринимаются постоянные попытки сократить степень институциональной асимметрии между регионами. Ключевым игроком здесь является само итальянское государство, которое пытается выравнять регионы и де-факто, и де-юре, то есть действует механизм принудительного изоморфизма. Направление гомогенизации (регионализация или централизация в различных вариантах) зависит от целей конкретной политической силы, находящейся у власти в стране в данный момент, и обстоятельств политической борьбы, в которой она участвует. Ключевым инструментом являются конституционные реформы, как удавшиеся, так и нет. Как уже было сказано, в истории современной Италии было проведено четыре конституционных референдума (2001, 2006, 2016 и 2020), и вопросы, выносившиеся на них, исключительно или в том числе затрагивали институциональное устройство региональной системы страны.

Теоретически усилия государства по навязыванию универсальных институциональных моделей должны приводить к снижению асимметрии. В том же направлении должны работать и «горизонтальные» механизмы – подражательный и нормативный изоморфизмы. Они могут реализовываться через упомянутую систему межправительственных конференций. Но, как тоже уже было отмечено, распространенная точка зрения заключается в том, что эти механизмы слабы и малозначимы для итальянских регионов. Но если слабы горизонтальные механизмы, то особое значение приобретают вертикальные. Важной характеристикой организационного поля в теории институционального изоморфизма является структурная эквивалентность (structural equivalence) – сходство позиций в сетевой структуре¹. Итальянские регионы представляются структурно эквивалентными. Но характер этой эквивалентности определяет направление работы механизмов институциональных изоморфных изменений не в сторону конвергенции, а, наоборот, в сторону дивергенции, роста асимметрии. Дело в том, что регионы в первую и существенную очередь связаны не друг с другом, а с национальным правительством. В этой системе доминируют билатеральные отношения регионов с центром по поводу полномочий и ресурсов, а влияние механизмов «координации третьего уровня» через межправительственные конференции и административные рабочие группы слабы. В силу различных структурных условий разных регионов, но также конкретной политической силы, в том числе степени выраженно-

¹ «Структурной эквивалентностью мы называем сходство позиций в сетевой структуре, например, две организации структурно эквивалентны, если у них имеются связи сходного характера с одной и той же совокупностью организаций, даже если они сами друг с другом не связаны – ключевой структурой в этом случае является роль, или блок (block)» (Димаджио, Пауэлл, 2010: 37).

сти «регионалистского потенциала / субъектности», которой обладает регион, результаты этих двусторонних отношений сильно разнятся между собой.

Таким образом, национальный центр регулярно предпринимает универсализирующие попытки реформировать региональную структуру. Но, во-первых, он ограничен самими конституционно-политическими основами государства, которые защищают ключевые особенности пяти «особых» регионов, и покуситься на которые никто не рискует. А во-вторых, он всегда получает от регионов разные ответы на свои усилия. Таким образом, конкретный институциональный статус конкретного региона всегда определяется билатерально – в двустороннем взаимодействии региона и Рима. Несмотря на то, что механизмы изоморфных изменений действуют, региональная система Италии остается высоко асимметричной и разнообразной в институциональном отношении. И работа «изоморфирующих» механизмов оказывается одной из причин этого. Общая схема представляется такой. Принудительные усилия национального центра запускают процесс индивидуальной региональной рецепции новаций. Она определяется разными текущими обстоятельствами, например степенью финансовой зависимости от Рима, прочностью политических позиций в регионе. В любом случае отношения между государством и регионами в Италии меняются в зависимости от политического климата: они более склонны к политизации, чем к институционализации и устойчивой консолидации (Bolgherini & Lipri, 2022). При этом если не позиция, то аргументация регионов информационно подпитывается примерами других регионов. После этого предъявляются встречные претензии национальному правительству (одна из возможных логик – если другим можно, то и мы хотим). И Рим в зависимости от обстоятельств момента решает так или иначе.

Представленное выше можно схематично суммировать в следующей логической последовательности:

– Унифицирующее давление сверху, то есть со стороны государства, с целью снижения институциональной и фактической асимметрии между регионами.

– Индивидуальная рецепция регионами регуляторных импульсов со стороны государства в соответствии со своими интересами и обстоятельствами.

– Слабость горизонтальных связей между регионами, что дестимулирует содержательные институциональные заимствования у других регионов и выработку единой позиции в отношениях с национальным центром.

– Билатеральность отношений региона с национальным центром – как наиболее эффективный путь к повышению или защите собственного статуса.

– Отсутствие единой позиции на национальном уровне в отношении желаемого институционального состояния в целом, но в особенности – позиции каждого конкретного региона в этой системе.

– Результат – рост институциональной асимметрии региональной системы.

Закон о «дифференцированной автономии»: изоморфирующие и противоположные эффекты

Закон о «дифференцированной автономии» удивительным образом изоморфен представленной выше институциональной логике, в соответствии с которой унифицирующее давление сверху при слабых горизонтальных связях между регионами, значимости вертикальных билатеральных отношений с центром и отсутствии единой позиции на национальном уровне будет приводить к росту институциональной асимметрии.

Закон явным образом представляет собой унифицирующее давление сверху, со стороны государства, даже при том, что он имеет сугубо процедурный характер и оставляет за регионами право использовать или нет предоставленную возможность. Как было отмечено выше, еще до принятия закона, 13 из 15 обычных регионов выражали желание так или иначе воспользоваться предоставленной Конституцией возможностью. То, что после принятия закона часть этих регионов выступила категорически против него, не должно вводить в заблуждение. Они выступили не против самой дифференцированной автономии, а против правил ее получения, предложенных их политическими противниками. Партийное измерение территориального вопроса традиционно имеет в Италии большое значение (Mazzoleni, 2009). Главные оппоненты нынешнего закона – левоцентристы. Но именно левоцентристская коалиция в свое время готовила и продвигала конституционную реформу 2001 г., в рамках которой в Конституции появился институт дифференцированной автономии. И ес-

ли закон устоит, то даже его сегодняшние противники из регионов, скорее всего, постараются воспользоваться его возможностями.

Причина этого в том, что в условиях слабых горизонтальных связей между регионами и чрезвычайной значимости вертикальных билатеральных отношений с центром регионы оказываются заинтересованы в первую очередь в наличии этих особых отношений с центром и только во вторую – в их содержании. Именно этим, как представляется, можно объяснить то, что, как только три региона (Венето, Ломбардия и Эмилия-Романья) инициировали пробуждение спящего конституционного института, большинство из оставшихся также выразили желание вступить в переговоры с государством. Три первых региона в качестве образца особых отношений с центром имели перед собой примеры регионов с особым статусом (наиболее успешных из них, конечно, а Венето даже хотел вынести на региональный референдум вопрос о приобретении этого особого статуса как у пяти других итальянских регионов, но Конституционный суд не дал это сделать). Для остальных регионов образцами, которым надо следовать, выступили уже эти три «зачинщика».

Иными словами, закон принуждает регионы к получению не конкретного набора полномочий, а хоть какого-то набора в рамках индивидуального соглашения с государством.

Малая значимость горизонтальных связей и предпочтение билатеральности следуют из самой процедуры достижения соглашения между регионом и государством о передаче дополнительных полномочий, которая схематично выглядит следующим образом:

– Регион изъявляет желание получить дополнительные полномочия и вступает в переговоры об этом с правительством.

– Правительство утверждает предварительный проект соглашения между государством и отдельным регионом.

– Проект передается в так называемую объединенную конференцию (состоит из представителей регионов, провинций и муниципалитетов), которая высказывает свое мнение.

– Далее проект соглашения передается в парламент, где комиссиям по компетенции также предоставляется возможность высказать свое мнение.

– После этих шагов предварительное соглашение между государством и регионом возвращается в правительство для заключения окончательного соглашения.

– Если правительство решает не следовать, полностью или частично, позициям палат парламента, ему достаточно лишь обосновать свое решение.

– Далее регион должен высказать свое мнение по соглашению, которое направит ему правительство.

– Если регион согласен, то правительство утверждает окончательное соглашение.

– Последним шагом является принятие итальянским парламентом закона, утверждающего соглашение, подписанное между государством и регионом.

Но на последнем шаге возникает проблема интерпретации конституционных положений: может ли парламент внести изменения в подписанное соглашение или может только утвердить или не утвердить его законом. Разные политические силы придерживаются сейчас разных позиций в этом вопросе в соответствии со своим текущим местом в политической конфигурации: оппозиция хочет, чтобы парламент имел возможность содержательно менять соглашение, авторы закона из правящей коалиции не хотят этого. Точку в этой интерпретационной развилке, скорее всего, поставит Конституционный суд, если до него дойдет дело. Но важно, что если парламент не будет иметь возможность внести изменения в соглашения, а «объединенная конференция» будет иметь возможность только высказывать позицию, но не влиять на решение, то получится, что единственным значимым контрагентом для региона в переговорах о большей автономии будет правительство.

Таким образом, дискреция правительства очень велика, объем переданных полномочий будет прежде всего зависеть от него. А позиция конкретного правительства неизбежно будет в какой-то степени конъюнктурно-политической, что означает, что решение по каждому соглашению с отдельным регионом будет до какой-то степени уникальным. Тем более, что соглашение о передаче полномочий будет ограниченным во времени (не больше десяти лет). Если регион захочет продлить соглашение, ему придется обратиться с запросом к правительству, которое снова получит возможность принимать индивидуальное решение. Это все институционально структурирует дальнейший путь к асимметрии между регионами.

* * *

В представленной выше институциональной логике унифицирующее давление сверху при слабых горизонтальных связях между регионами, значимости вертикальных билатеральных отношений с центром и отсутствии единой позиции на национальном уровне будет приводить к росту институциональной асимметрии между регионами. Изоморфизм работает, но не там, где ожидалось. Все регионы в этих условиях оказываются похожи друг на друга в стремлении заполучить особые отношения с центром, а не в том наборе полномочий, который они имеют – он как раз всегда будет уникален.

За пределами этой институциональной логики закон о «дифференцированной автономии» может быть понят как попытка разорвать порочный круг универсального, изоморфирующего давления со стороны государства на регионы и предложить нюансированный подход, в соответствии с которым каждый регион сможет запрашивать автономии столько, сколько он сможет «переварить». Это – позитивное понимание дифференциации. Но ее увеличение все равно может приводить к нарастанию диспропорций в качестве жизни в разных итальянских регионах, что будет стимулировать политическое давление в направлении выравнивания регионов, запуская новые циклы унификации-дифференциации.

Но это не значит, что здесь образуется замкнутый круг, из которого совсем нет выхода. Есть страны, в которых при сходных структурных и политических условиях удается поддержать приемлемый уровень асимметрии. Например, в Испании. На первом этапе развития испанского государства автономий часть автономных сообществ имела значительно более высокий уровень автономии, чем остальные, но потом в результате различных изменений и связанных с ними реформ региональных статута положение автономий стало гораздо более симметричным, чем это было вначале (Baldi, 2020). Однако, возможно, это из оснований известного конфликта вокруг вопроса о независимости Каталонии. И, возможно, растущая асимметрия среди итальянских регионов играет роль стабилизатора всей системы, но, конечно, до некоторого предела.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Гаман-Голутвина, О., Дудаева, М. (2022) 'Центр-региональные отношения в Италии в свете категориальной рефлексии, исторического опыта и испытания пандемией COVID-19', *Международные процессы*, 20 (1), сс. 6–37. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.6. [Gaman-Golutvina, O., Dudaeva, M. (2022) 'Center-regional relations in Italy. Categorical reflection, historical experience and COVID-19 pandemic tests' [Tsentr-regional'nye otnosheniya v Italii v svete kategorial'noi refleksii, istoricheskogo opyta i ispytaniya pandemiei COVID-19], *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 20 (1), pp. 6–37. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.6. (In Russ.)].
- Димаджио П., Пауэлл У. (2010) 'Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях (перевод Г. Б. Юдина)', *Экономическая социология*. 11 (1), сс. 34–56. [DiMaggio, P., Powell, W.W. (2010) *The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields* (translated by G. Yudin) [Novyi vzglyad na «zheleznyuyu kletku»: institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' v organizatsionnykh polyakh (perevod G. B. Yudina)], *Economic Sociology*, 11 (1), pp. 34–56.
- Alber, E., Arban, E., Colasante, P., Dirri, A., Palermo, F. (2022) 'Facing the pandemic Italy's functional 'health federalism' and dysfunctional cooperation'. In Steytler, N. (ed.) *Comparative Federalism and COVID-19*, Routledge, pp. 15–32. DOI: 10.4324/9781003166771-3.
- Baldi, B. (2020) 'Exploring Autonomism: Asymmetry and New Developments in Italian

- Regionalism', *Revista d'estudis Autònoms i Federals*, 32 (32), pp. 15–44. DOI: 10.2436/20.8080.01.52.
- Baldini, G., Baldi, B. (2014) 'Decentralization in Italy and the troubles of federalization', *Regional and Federal Studies* 24 (1), pp. 87–108.
- Bolgherini, S., Lippi, A. (2022) 'Politicization without institutionalization: relations between State and Regions in crisis governance', *Contemporary Italian Politics*, 14 (2), pp. 224–240. DOI: 10.1080/23248823.2022.2049513.
- Capano, G., Lippi, A. (2021) 'Decentralization, policy capacities, and varieties of first health response to the COVID-19 outbreak: evidence from three regions in Italy', *Journal of European Public Policy*, 28 (8), 1197–1218. DOI:10.1080/13501763.2021.1942156.
- Citroni, G., Lippi, A., Profeti, S. (2016) 'Local public services in Italy: Still fragmentation'. In Wollmann, H., Koprić, I., Marcou G. (eds.) *Public and Social Services in Europe. From Public and Municipal to Private Sector Provision*, Palgrave Macmillan London, pp. 103–118. DOI: 10.1057/978-1-137-57499-2_8.
- Di Martino, P., Felice, E., & Vasta, M. (2019) 'A tale of two Italies: 'access-orders' and the Italian regional divide', *Scandinavian Economic History Review*, 68 (1), pp. 1–22. DOI: 10.1080/3585522.2019.1631882.
- DiMaggio, P. J., Powell, W. W. (1983) 'The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields', *American Sociological Review*, 48 (2), pp. 147–160.
- Ferrario, C., Levaggi, R., Piacenza, M. (2023) 'Efficiency and equity effects of health-care decentralization: evidence from Italy', in Costa-Font, J., Batinti, A., Turati, G. (eds.) *Handbook on the Political Economy of Health Systems*, Edward Elgar Publishing, chapter 7, pp. 85–111.
- Gardner, J. A. (2014) 'Autonomy and Isomorphism: The Unfulfilled Promise of Structural Autonomy in American State Constitutions', *60 WAYNE LAW REVIEW* 31. Available at: https://digitalcommons.law.buffalo.edu/journal_articles/220.
- Giovannini, A., Vampa, D. (2019) 'Towards a new era of regionalism in Italy? A comparative perspective on autonomy referendums', *Territory, Politics, Governance*, 8 (4), pp. 579–597. DOI: 10.1080/21622671.2019.1582902.
- Groppi, T., (2015) 'Lo stato regionale italiano nel XXI secolo, tra globalizzazione e crisi economica', *Revista d'estudis autonòmics i federals*, 21, pp. 35–72, Available at: <https://raco.cat/index.php/REAF/article/view/292401>.
- Guerra, A., Harrington, B. (2023) 'Regional variation in tax compliance and the role of culture', *Econ Polit*, 40, pp. 139–152. DOI:10.1007/s40888-022-00281-9.
- Lippi, A. (2000) 'One theory, many practices. Institutional allomorphism in the managerialist reorganization of Italian local governments', *Scandinavian Journal of Management*, 16 (4), pp. 455–477. DOI: 10.1016/s0956-5221(00)00016-6.
- Lippi, A. (2011) 'Evaluating the 'Quasi Federalist' Programme of Decentralization in Italy since the 1990s: A side-effect approach', *Local Government Studies*, 37 (5), pp. 495–516. DOI: 10.1080/03003930.2011.604543.
- Lippi, A., Terlizzi, A. (2023) 'The marble cake of social services in Italy and Spain: Policy capacity, social investment, and the national recovery and resilience plans', *European Journal of Social Security*, 25 (2), pp. 178–195. DOI: 10.1177/13882627231169266.
- Mazzoleni, M. (2009) 'The Italian regionalisation: A story of partisan logics', *Modern Italy*, 14 (2), pp. 135–150. DOI: 10.1080/13532940902797262.
- Nante, N., Guarducci, G., Lorenzini, C., Messina, G., Carle, F., Carbone, S., Urbani, A. (2021) 'Inter-Regional Hospital Patients' Mobility in Italy', *Healthcare*, 9 (9), p. 1182. DOI: 10.3390/healthcare9091182.
- Palermo, F. (2021) 'Asymmetries in the Italian regional system and their role model'. In Arban, E., Martinico, G., Palermo, F. (eds.) *Federalism and Constitutional Law. The Italian Contribution to Comparative Regionalism*, pp. 136–151. DOI: 10.4324/9781003104469-9.
- Palermo, F. (2022) 'The impact of the pandemic on the Italian regional system. Centralizing or decentralizing effects?'. In Chattopadhyay, R., Knüpling, F., Chebenova, D., Whittington, L., Gonzalez, P. (eds.) *Federalism and the Response to COVID-19. A Comparative Analysis*, Routledge, pp. 104–112.

- Palermo, F., Valdesalici, A. (2019) 'Irreversibly Different. A Country Study of Constitutional Asymmetry in Italy'. In Popelier, P., Sahadžić, M. (eds.) *Constitutional Asymmetry in Multinational Federalism. Federalism and Internal Conflicts*, Cham: Palgrave-Macmillan, pp. 287–313.
- Palermo, F., Wilson, A. (2014) 'The Multi-level Dynamics of State Decentralization in Italy', *Comparative European Politics*, 12 (4–5), pp. 510–530. DOI: 10.1057/cep.2014.11.
- Pierce, J. C., Lovrich, N. P., Budd, W. W. (2016) 'Social capital, institutional performance, and sustainability in Italy's regions: Still evidence of enduring historical effects?' *The Social Science Journal*, 53 (3), pp. 271–281. DOI: 10.1016/j.soscij.2016.06.001.
- Toth, F. (2014) 'How health care regionalisation in Italy is widening the North–South gap', *Health Econ Policy Law*, 9 (3), pp. 231–249.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

"LOVE CANNOT BE FORCED" OR HOW COERCIVE ISOMORPHISM PROVOKES DIVERGENCE: THE CASE OF THE ITALIAN REGIONAL SYSTEM

K. Sulimov

Konstantin Sulimov, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Senior Researcher, Department of Political Institutions and Processes,

Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Perm, Russia

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135, ResearcherID: N-9455-2018).

Abstract. The Italian regional system is characterized by great institutional asymmetry and diversity. Moreover, there is evidence that this diversity is only increasing. Initially, there were only two modes of institutional status - five "special" regions and fifteen "ordinary" regions. But each special region eventually acquired its own specific system of powers through bilateral negotiations with the central government. Likewise, there has been a divergence among the ordinary regions, both in terms of internal dynamics and in their relations with Rome in their pursuit of additional powers. At the same time, throughout the entire existence of this institutional system, there have been strong isomorphic trends. This is true for central authorities that tried to reduce institutional asymmetry (constitutional reform of 2001, and a failed reform of 2016, etc.) as well as for regions and other actors that tried to mimic/borrow successful institutional forms for their own development. As a result, asymmetry and institutional diversity as one of the main features of Italian regionalism may be explained by the fact that the mechanisms that promote isomorphic change may also support divergence processes.

Keywords: regions; institutional reforms, institutional asymmetry; divergence; convergence; political and territorial heterogeneity; institutional isomorphism; Italy.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23- 18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project "Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity") at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-81'272

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149

ПОЧЕМУ У НАС НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ СОХРАНЯТЬ ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ? (I) СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ РОССИИ, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕВИТАЛИЗАЦИЯ

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Аннотация

В последние годы «сохранение языкового многообразия» было выделено в качестве одной из целей государственной национальной политики. Усилия по сохранению языков прилагаются как на уровне государственной политики «сверху», так и на уровне практической деятельности языковых активистов «снизу». Однако, несмотря на официальное признание проблемы утраты языков и рост языкового активизма, добиться сколько-нибудь заметных результатов в решении практической задачи сохранения языков пока не получается. Автор анализирует причины неэффективности этих усилий и утверждает, что препятствия существуют не только на уровне практической деятельности, но и в научно-прикладных исследованиях. Практики языковой политики проводят языковую политику «сверху», но их работа пока остается без серьезного научно-концептуального обеспечения. В мировой науке на данный момент существуют две релевантные научно-исследовательские программы – исследования по языковой ревитализации и исследования языковой политики. В российской науке на теоретическом уровне в исследованиях языка, общества и власти не появилось пока адекватной междисциплинарной основы, поэтому на прикладном уровне отсутствует качественная научная экспертиза в области политики сохранения и развития языков России и их ревитализации.

Ключевые слова: сохранение языков; языковое многообразие; языковая ревитализация; языковой активизм; языковая политика; прикладная наука; практическая деятельность.

Введение

Сегодня особенно актуально изучать вопросы сохранения языков в России. В последние годы можно было наблюдать всплеск языкового активизма «снизу», который, в частности, стал реакцией на отмену обязательного изучения государственных языков республик поправкой к Федеральному закону «Об образовании» 2018 г.¹ «Сверху» в том же году была принята новая редакция Стратегии государственной национальной политики, включившая «сохранение этнокультурного и языкового разнообразия» в качестве одной из целей и приоритетов политики.² Поправки к Конституции 2020 г., с одной стороны, символически укрепили статус русского как «языка государствообразующего народа», а с другой стороны, закрепили гарантию сохранения этнокультурного и языкового многообразия.³

© Замятин К. Ю., 2024

¹ О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации": Федеральный закон от 03.08.2018 № 317 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения 12.03.2024).

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения 12.03.2024.); О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018. №703 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/ (дата обращения 12.03.2024) в настоящее время готовится новая редакция.

³ Ч. 1, ст. 68, ч. 2, ст. 69, Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 12.03.2024).

Несмотря на постановку цели, в России пока не получается сохранять языковое многообразие, потому что не делается ничего прорывного, чтобы предотвращать процессы утраты языков. Почему так происходит? Причины надо искать не только на практическом уровне в деятельности государства и общественно-политической сфере, но и в научной сфере, учитывая зависимость науки от общества и государства, причем как на теоретическом, так и на прикладном уровне. На теоретическом уровне одно из основных препятствий заключается в том, что в российской науке пока еще не развилось направление исследования языковой политики в рамках политологии (Замятин, 2023а). Как следствие, институционализация российской науки в этой сфере отстает от тенденций развития в мировой науке как в части дальнейшей специализации и создания новых организационных форм, так и в части этоса исследований и обратной интеграции научного знания в обществе (Григорьев, 2018). Помимо этого, без должного внимания остается пока ключевая проблема взаимосвязи прикладной науки и практической деятельности по сохранению языков.

Постановка цели сама по себе часто является только дискурсивным актом в рамках официальной идеологии и элементом символической политики и не обязательно предполагает материальную политику (или де-факто политику) (Shohamy, 2006). Ввиду этого комплексный вопрос о сохранении многообразия надо конкретизировать в свете центральной для социальных и гуманитарных наук проблемы определения первичности роли социальной структуры или человеческой деятельности – агентности в формировании человеческого поведения. Поставлена ли цель сохранения языков в данной стране на практике, то есть имеются ли (выделены ли) необходимые для ее достижения средства и ресурсы? Для того чтобы ответить на такой вопрос, нужна экспертиза, которая сама выступает ресурсом достижения поставленных целей, поскольку ее задача в том, чтобы содействовать субъектам, принимающим решения, в нахождении способов решения практических задач и инструментов для их достижения.

Часто именно наука может предоставить такую экспертизу для новых целей. Несмотря на то, что в рамках политического цикла целеполагание и постановка целей осуществляются в первую очередь политиками, на стадии ее формирования в ходе установления политической повестки дня научно-экспертное сообщество также может привлекаться при взаимодействии властных и общественных структур в дискуссии вокруг обсуждения целей политики. Ученые обычно активно выступают именно за сохранение языков, а вслед за ними такую риторику поддерживает и политический мейнстрим. В отличие от политического процесса целеполагания с его конкуренцией интересов или ценностей, позиционирование экспертов как политических акторов позволяет увидеть какую-либо проблему через призму новых идей, изменяющих ее форму и содержание (Михайлова, 2018). Результатом приложения такой экспертизы может стать научное обоснование политики в виде документа, основанного на программной теории, демонстрирующей логическую связь вводных и результатов политики, оцениваемую через систему индикаторов эффективности, подкрепленной необходимыми для их достижения организационными, регуляционными, финансовыми и информационными инструментами политики, например языковой политики (Gazzola, 2023).

В России в текущих условиях возник запрос со стороны государственной власти на экспертизу в области языковой политики, сохранения и продвижения языков, в том числе русского языка, который проявляется, частности, в широком участии экспертов в публичных слушаниях по этим проблемам (см., например, Рекомендации по итогам круглого стола, 2023; Сохранение культурного наследия..., 2023). Соответственно, научно-экспертное сообщество было привлечено для решения научно-прикладных задач, в том числе задачи исследовать проблему сохранения и возрождения языков. Однако ни во властных структурах, ни в академической сфере не было очевидных центров компетенций, которые бы могли такую экспертизу предложить. Таким образом, шли параллельные процессы, когда проекты стратегического документа в этой сфере – Концепции государственной языковой политики – были разработаны как Министерством просвещения¹, так и группой научных экспертов из четырех институтов Российской академии наук.

В данной статье автор анализирует в контексте международного опыта взаимодействия науки и практики, какую экспертизу Российская академия может предложить и какое влияние прикладная наука оказывает на практику языковой политики и ревитализации, с целью продвинуться в понимании того, насколько в теории возможно добиваться сохранения языков, а также понять, какая агентность для этого необходима. В 2021–2023 гг. автор принимал участие в работе по согласованию упомянутых проектов

¹ Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Министерстве просвещения Российской Федерации от 29.12.2022. Не публиковался.

² Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Институтах РАН от 16 июля 2021 г. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap (дата обращения 12.03.2024).

Концепции, а также по подготовке текста проекта Программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков России¹. Автор представит результаты анализа академического и официального дискурсов о сохранении языков в научной литературе и официальных документах.

По своей структуре статья организована в два подраздела. В подразделе о мировом опыте взаимодействия науки и практики автор сначала опишет роль междисциплинарных исследовательских программ в решении практической задачи сохранения языков, а затем проанализирует сходства и различия между исследованиями языковой политики и языковой ревитализации в теоретическом и прикладном аспектах, а также их соотношение. В подразделе о российском опыте автор представит контекст сохранения языков как политики «сверху» в постсоветский период как в центре, так и в республиках, и покажет, как на современном этапе неразличение этих исследовательских программ затрудняет прикладную работу по решению такой задачи, в том числе при подготовке проектов Концепции и Программы.

Мировая наука и практика сохранения языков

Практическая задача сохранения языков и роль междисциплинарных научных исследований. Сокращение языкового разнообразия и исчезновение языков – комплексный межпоколенческий социальный процесс, идущий в наши дни с разной интенсивностью по всему миру и являющийся одним из последствий модернизации. Страны различаются как по степени разнообразия населения, так и по реакциям на его изменение. В обществах с глубокими социальными расколами запрос на сохранение разнообразия обычно более высок, чем в обществах, характеризующихся высокой социальной сплоченностью. Сохранение языков можно понимать и как состояние сохранности языков, и как деятельность, обеспечивающую сохранение этого состояния. В соответствии со степенью разнообразия населения, а иногда вопреки ей, в государствах исторически складываются стратегии управления разнообразием, направленные на сохранение или уменьшение существующих в обществе социальных различий.

Управление разнообразием в языковой сфере также может соответствовать разным типам политики (Kloss, 1998). На современном историческом этапе большинство развитых стран в Европе подтверждает свою приверженность сохранению языкового разнообразия. На практике соответствующая политика часто оказывается неэффективной, потому что она в большинстве случаев амбивалентна. С одной стороны, государства по умолчанию заинтересованы в продвижении единого доминирующего языка, но, с другой стороны, вынуждены учитывать риск углубления социальных расколов и реагировать на запрос сообществ на сохранение языков, ценность которого была признана в международных стандартах по защите прав человека. Часто результирующая политика компромисса символически на уровне дискурсов поддерживает сосуществование многих языков, но на уровне практик продвигает доминирующий язык.

В таких условиях задача сохранять (и возрождать) языки нетривиальна, потому что успех таких усилий зависит от множества переменных, характеризующих как само общество, так и позицию государства в отношении разнообразия. Ведущую роль в поиске ответов на новые вызовы имеет наука, которой по силе найти способы, как решать подобную задачу. Однако современная наука еще только подходит к ответу на становящийся все более универсальным в последние десятилетия в условиях глобализации и одновременной регионализации и локализации общественный запрос на сохранение языков.

В то время как фундаментальная наука накапливает новые научные знания, прикладная наука применяет научные знания и методы на практике для решения проблем и задач в реальном мире. Прикладные научные исследования направлены на получение новых знаний с целью их практического использования для решения различных социальных и гуманитарных проблем. Результатом прикладных исследований являются не только новые теории и методы, но и прогнозы и рекомендации для практиков. Вдобавок ученые-исследователи сами могут принимать участие или привлекаться для участия в практике в качестве экспертов. Экспертная деятельность – это особый вид профессиональной деятельности, для осуществления которой необходимы специальные знания об объекте и предмете экспертизы и соответствующие профессиональные умения по их применению на практике (Нестеров, 2009).

Чтобы соответствовать вызовам комплексности социальных и политических процессов, научные исследования принимают междисциплинарный характер. На тенденции языкового сдвига, то есть перехода на другой язык, и угрозу исчезновения языков первыми обратили внимание в научных сообществах лингвистов и социологов. Со второй половины прошлого века и к сегодняшнему дню в западной академии появилась обширная литература по языкам, находящимся под угрозой исчезновения, изучающая в

¹ Проект Программы по сохранению и возрождению языков России от 09.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxranenija_jazykov_2022.pdf (дата обращения 12.03.2024); работа над проектом продолжается.

первую очередь социологические факторы «увядания» языков (подробнее см.: Замятин, 2023с). Социолингвисты и социологи языка изучают вопросы взаимосвязи языка и общества, двигаясь навстречу друг другу, соответственно, от языка и общества. В прикладном ключе они пишут об «исчезновении языка» («смерти языка»), «языковом сдвиге», «обратном языковом сдвиге», «сохранении языка», «распространении языка», «возрождении языка» или «языковой ревитализации». Другими словами, на основе изучения социолингвистических процессов стали выдвигаться цели изменения социальных реалий путем вмешательства в области («домены») использования языков как в публичной, так и в частной сфере (Fishman, 1991).

Из этих истоков, в зависимости от подхода «сверху» или «снизу», социолингвисты и лингвисты стали инициаторами становления двух междисциплинарных исследовательских программ, то есть направлений исследований. Первая получила название «языковая политика и планирование» (иногда именуемая просто языковой политикой, что влечет за собой путаницу в терминах – см. ниже). Вторая пошла по пути ревитализации языков, находящихся под угрозой исчезновения, проводящейся в рамках прикладной лингвистики, хотя междисциплинарная проблематика также стала затрагиваться изначально (Ferguson, 1971; Rehg & Campbell, 2018). Впрочем, лингвисты часто считают социолингвистику частью прикладной лингвистики, а последнюю, в свою очередь, разделом лингвистики. Однако если лингвисты ориентируются на языки, а лингвисты-прикладники ориентируются на изучающих языки, то социолингвисты ориентируются на идеологии и то социальное значение, которое изучающие атрибутируют этим языкам (De Korne, 2021). К тому же социолингвистика как теоретико-методологическая рамка пытается способствовать социальным изменениям и развитию в сообществах (Farfán & F. Ramallo, 2010). При этом под сообществами часто подразумеваются не «языковые сообщества» в терминах социолингвистики, а, скорее, «сообщества практик». Иными словами, социолингвистика в прикладных аспектах ближе к прагматике и лингвистической антропологии, чем собственно лингвистике.

Некоторые лингвисты и социолингвисты до сих пор ошибочно продолжают считать языковую политику и планирование частью прикладной лингвистики или социолингвистики. Причина в том, что часто представители определенного научного сообщества, например лингвисты, не видят те явления, которые находятся за «пространством доступности» их академической дисциплины, потому что последняя является институализированной формой этого самого «эпистемологического сообщества», которая отделяет его от других таких сообществ (Merton, 1973; Mieg & Evetts, 2018). Ярким примером отсутствия трансдисциплинарной перспективы является использование концепта «языковая политика», в котором лингвисты обращают внимание на прилагательное, которое денотирует специфику, и не видят родового понятия «политика». С учетом центральной значимости вопросов взаимосвязи языка и власти, со времени становления этого направления языковая политика стала изучаться политологами и юристами, поскольку именно политический выбор языков и их статус зачастую определяют их будущее. По сей день исследования языковой политики – это в первую очередь исследования ее как публичной политики в рамках политологии, которые вносят ключевой вклад в междисциплинарный проект «языковая политика и планирование» (Gazzola et al., 2023; Замятин, 2023а).

Таким образом, представляется очевидным, но остается недостаточно артикулированным в научном дискурсе тот факт, что политика «сверху» и практическая деятельность «снизу» оказались областями изучения разных междисциплинарных исследовательских программ, в которых преобладали разные специалисты – лингвисты и политологи – и которые фокусировались на разных исследовательских объектах – людях, социальных группах, обществах и государствах. При этом, по моей оценке, в тяготеющей к гуманитарным наукам программе, фокусирующейся на понимании людей и малых групп «снизу», оказалось недостаточно антропологов и этнологов, а в тяготеющей к социальным наукам программе, исследующей социум и политические структуры «сверху», не хватает качественных исследований и нормативной перспективы. Такая ситуация предопределила проблемы не только междисциплинарных исследований, но и практики языковой политики.

Теоретические и прикладные аспекты языковой политики и языковой ревитализации

Концепт «языковая политика» не является однозначным, поскольку в русском языке полисемичен. Прежде всего, различают политику в смысле *policy* – как план определенных принципов и действий для достижения поставленных целей и *politics* – как процессы во взаимоотношениях разных субъектов политики. Традиционно языковая политика в смысле *policy* рассматривалась как «политика сверху», со стороны государства, то есть государственная политика, направленная на смену или сохранение языка в границах страны или региона за счет регулирования использования языков в

официальной сфере (Gazzola, 2023). В последние десятилетия принято также говорить о множественности субъектов политики и «языковой политике снизу», со стороны самих сообществ и активистов, реализуемой через общественную деятельность вне официальной сферы (Johnson, 2023).

По этой причине «политика снизу» часто характеризуется как «языковой активизм» и в рамках публичной политики, скорее, тяготеет к пониманию политики в смысле politics (De Korne, 2021). Вместе с тем, на мой взгляд, нельзя провести четкое разграничение между policy и politics без учета контекста политической системы конкретной страны. Обычно развитость публичной сферы свидетельствует о множественности субъектов политики, что позволяет говорить не просто о государственной политике, но о «публичной политике». В отличие от стран с развитым гражданским обществом, в некоторых странах, как в современной России, представление о государстве как руководящем начале общества («nation») остается краеугольным камнем политической и управленческой культуры (Peters et al., 2022), что позволяет говорить об их «государствоцентричности».

Далее, концепт «языковая политика» скрывает разные виды деятельности. Различают языковую политику как практику и как науку. Языковую политику «сверху» изучают как государственную или публичную политику в первую очередь политологи, а осуществляют на практике политики, а также чиновники в части реализации политики как области государственного управления. В рамках «этнографического поворота» также говорится о важности изучения языковой политики «снизу», то есть с перспективы «людей в политике». Однако стоит помнить про их разные, официальные и общественные, роли. Решения политиков выражаются в policy и изучаются политологией и ее субдисциплиной публичной политикой, а решения частных лиц выражаются в практиках и изучаются социолингвистикой (Gazzola et al., 2023). В последнем случае обычные люди выступают в роли активистов и участвуют в языковом активизме. При этом если для активистов из обычных людей это практическая деятельность, то для лингвистов и других ученых это как практическая, так и научно-прикладная деятельность по практическому применению своих знаний. Для исследования такой деятельности активистов, в том числе активистов из числа исследователей, развивается исследовательская программа по «языковой ревитализации».

Ученые не только изучают политические, социальные и психологические реалии в рамках фундаментальной науки, выдвигая теории языковой политики и ревитализации, но и пытаются применить научные результаты на практике, то есть занимаются прикладной наукой. В мировой науке появились многочисленные исследования, по большей части практического и прикладного характера, включающие попытки обратить вспять процессы исчезновения языков (Hinton et al., 2018). Более того, ученые в ходе исследований могут не только помогать языковым активистам, то есть быть промежуточным звеном между наукой и практикой, но также сами заниматься языковым активизмом, то есть выступать в роли языковых активистов, видя свою миссию в языковой ревитализации. Возможны различные формы активизма ученых, в том числе поддержка и расширение существующих инициатив и сетей, (вос)произведение позитивного взгляда на язык и культуру и непосредственное участие или предложение активных мер и материальных продуктов (De Korne, 2021).

Итак, как и в случае с языковой политикой, языковая ревитализация также является не только практической, но и научной деятельностью в рамках прикладной лингвистики, хотя тут граница между исследованиями и практикой довольно размыта. Относительно произвольно ученые разделяют исследования на те, которые существенны для практики, куда включают языковую документацию, исследования двуязычия, социологию языкового выбора, лингвистическую антропологию и другие, и те, что связаны непосредственно с языковой ревитализацией, куда включают изучение языковых изменений в контексте ревитализации, многоязычное образование, исследования психологических факторов, исследования языковой политики и др. Эти перечни показывают, что исследования языковой политики и исследования языковой ревитализации связаны и пересекаются.

Языковая ревитализация (language revitalization) также может пониматься как состояние, так и деятельность, то есть процесс, направленный на придание новой «жизненной силы» языку, использование которого сокращается. Если использование вообще прекратилось, эту деятельность принято называть языковым возрождением (language revival). Согласно некоторым исследователям, целью ревитализации является увеличение относительной численности носителей языка и расширение числа доменов, в которых языки используются. Этим она отличается от сохранения языка (language maintenance), которое в таком контексте трактуется как сохранение численности носителей и числа языковых доменов. Относительно механизма, ревитализация почти всегда требует изменения отношения (со)общества к языку, в то время как сохранение направлено на защиту от навязывания сообществу внешних взглядов (Grenoble & Whaley, 2005).

В стремлении перенести идеи языковой ревитализации на российскую почву исследователи часто забывают, что обязательным условием успешности ревитализации является благоприятная политическая среда и соответствующая языковая политика. Как показывают сравнительные исследования попыток языкового возрождения в отношении «малых» и «средних» языков в разных странах, например иврита, северного и инари саамского, уэльского и корнуэльского, каталонского и баскского языков, гавайского языка или языка маори, усилия активистов увенчиваются успехом довольно редко и только в случае, если обеспечены соответствующим языковым законодательством и работающим механизмом языковых прав (Arzoz, 2015; Gorenburg, 2005; Pasanen, 2010; Замятин и др., 2012).

Российская наука и практика сохранения языков

Языковая политика по сохранению и развитию языков в постсоветской России. На примере политики «языкового возрождения» в республиках постсоветской России автор продемонстрирует, какие проблемы обозначенные выше отсутствие адекватной междисциплинарной основы исследований создает для практики политики. В позднесоветском и потом российском контексте с конца 1980-х гг. концепт «языковое возрождение» не предполагал возрождения «с нуля», а по аналогии с концептом «национальное возрождение» и наряду с концептами «сохранение и развитие языков» использовался для описания политики «сверху» (Zamyatin, 2014b, 2021). По этой причине пришедший позднее концепт «языковая ревитализация» часто контрастируется с ними и подразумевает деятельность языковых активистов, языковой активизм, идущий «снизу». Движения по «языковому возрождению» являлись частью более широких движений «национального возрождения», выдвигавших не только культурно-языковые, но и политические требования. После спада этнической мобилизации и свертывания этнополитических движений их активисты переключились на языковые движения как проявления культурного активизма (Gorenburg, 2003), которые продолжают существовать до сих пор.

С советских времен в политических элитах республик РСФСР национальный сегмент – «национальные кадры» номенклатуры – пополнялся во многом за счет культурных элит, гуманитарной интеллигенции, в то время как этнически русский сегмент элит часто пополнялся за счет инженерно-технических работников. Национальная интеллигенция – ученые-филологи, писатели, журналисты, преподаватели, работники театра и других творческих профессий – работали на национальных языках и были заинтересованы в их сохранении, а поэтому с наступлением эпохи гласности стали выражать озабоченность по поводу языкового сдвига. Когда в начале 1990-х гг. это стало возможным, «национальные кадры» номенклатуры поддерживали соответствующие требования национальной интеллигенции и добились принятия сохранения языков в качестве цели государственной политики. При этом ученые-филологи из республиканских институтов языка и литературы как представители научного сообщества часто писали содержательное наполнение при подготовке проектов законов и разработке государственных программ. Общим для номенклатуры и интеллигенции была патерналистская парадигма советской системы управления, в которой решение проблем всегда шло «сверху» от государства (Zamyatin, 2021).

Однако в период разработки в 1990-е годы в республиках законов о языках и государственных программ сохранения и развития языков еще не были развиты ни исследования языковой политики, ни исследования языковой ревитализации, а готовившие содержание этих документов филологи имели слабое представление о том, как добиваться заявляемых целей в новых условиях. Для анекдотической иллюстрации скажем о своем опыте. Будучи студентом юридического факультета университета в конце 1990-х, автор работал юристом в Министерстве по делам национальностей и писал очередную итерацию проекта Закона о языках Удмуртской Республики, потому что другие члены команды были в основном филологами по образованию, и не было юристов и других необходимых специалистов. Основываясь на этом опыте, автор показал в своем исследовании, что, чтобы быть эффективными, стратегия и план действий по решению задачи сохранения языков должны сочетать соответствующую политику по сохранению разнообразия «сверху» и практическую деятельность самих сообществ «снизу», потому что ни то, ни другое по отдельности не обеспечивает результата (Zamyatin, 2014a).

В советском духе политика «сохранения и развития» государственных языков республик и некоторых других языков проводилась «сверху» и предложила в качестве основного механизма распространение языков в официальной сфере через их огосударствление. Оценка реализации такой политики показывает, что она не достигла поставленных целей (policy outcomes and impact) не только из-за структурных факторов, таких как недостаточность вводных и объемов самой политики (policy inputs and outputs), обусловленных недостаточностью политической поддержки, но и потому, что во многом не соответствовала запросу самих людей и сообществ (Zamyatin, 2018). По мере наработки

экспертизы фокус республиканских программ от цикла к циклу менялся, и в более поздних программах стали включаться, например, отдельные подразделы по планированию престижа, и даже собственно техники языковой ревитализации «снизу», например «языкового гнезда» (Zamyatin, 2014b). Однако был упущен исторический момент, чтобы скорректировать программы до того, как несколько лет назад окончательно не было прикрыто «окно возможностей» для проведения самостоятельной языковой политики республик. Таким образом, первичность в течение всего постсоветского периода имели структурные факторы, ограничивающие воздействие политики «сверху» на социальные процессы и не позволяющие существенно изменить социальную динамику.

В Москве дела обстояли несколько лучше. В апреле 1990 г. был принят первый закон «О языках народов СССР», который концептуально лег в основу соответствующего закона «О языках народов РСФСР» 1991 г. и языкового законодательства в России, а также большинства постсоветских стран. С 1996 г. и до недавнего времени регулярно принималась и реализовывалась Федеральная целевая программа «Русский язык»¹. В то же время, несмотря на задекларированное одновременно сохранение и развитие языков народов России, в этой части политика на федеральном уровне не получила систематического характера. Так, не было утверждено предусмотренных российским законом федеральных программ сохранения, изучения и развития языков².

В условиях отсутствия общегосударственной программы на сегодня отдельные аспекты языкового планирования русского и других языков народов России затрагиваются в Ведомственной программе Министерства просвещения 2021 г.³, Плате мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики 2021 г.⁴, а также согласно Плану деятельности ФАДН, в том числе с целью «сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества» 2019 г.⁵ В таких условиях основная деятельность по сохранению и развитию языков с переменным успехом идет в рамках соответствующих программ республик, а значит, в отношении ограниченного числа языков (Zamyatin, 2014a).

В 2019 г. президентом Российской Федерации были даны поручения разработать среди прочих документов по языковой политике проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”» и государственную программу РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», подготовить предложения по разработке Концепции государственной языковой политики РФ, а также обеспечить поддержку разработки на базе федерального Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН государственной информационной системы «Национальный словарный фонд» и Программы ФГБУН «Институт языкознания РАН» по сохранению и возрождению языков коренных народов России⁶.

Таким образом, сегодня Россия продолжает выражать в Конституции и других официальных документах приверженность цели сохранения и развития языков, но такая символическая политика официальных деклараций не сопровождается адекватной материальной политикой реальных действий, что дает основание оценивать ее как очередное проявление «системного лицемерия» (Malakhov & Osipov, 2023). В то же время указание на это несоответствие символической и материальной политики вкупе с отсылкой к конституционной поправке может создавать дискурсивное поле, чтобы пытаться продвинуть проблему сохранения языков в политическую повестку дня.

1 Последняя из серии: Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.2015 № 481 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/18169/> (дата обращения 12.03.2024).

2 О языках народов Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1, ст. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения 12.03.2024).

3 Об утверждении ведомственной целевой программы "Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации": распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 04.06.2021 № Р-120 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603893496?marker=6500IL/> (дата обращения 12.03.2024).

4 О плане мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.12.2021 № 3718-р (ред. от 14.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405273/c134c407cde9b8a3d8ed7529f64c2dc4b3518deb/ (дата обращения 12.03.2024).

5 План деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2019–2024 годы, утв. Руководителем Федерального агентства по делам национальностей И.В. Бариновым 01.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328372/ (дата обращения 12.03.2024).

6 Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года, от 1 марта 2020 г. Пр-355 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918> (дата обращения 12.03.2024).

Современная языковая политика России: Разработка проектов Концепции языковой политики и Программы по сохранению и возрождению языков России

Из разрабатываемых документов был принят Федеральный закон 2023 г.1, а государственная программа РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» была внесена в перечень государственных программ РФ с периодом реализации на 2022–2031 гг.2, хотя реквизитов и самого текста программы автор не нашел. Анализ текста Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015 г.3 показывает, что под «поддержкой русского языка» имеется в виду планирование его статуса, планирование в сфере образования и планирование престижа («популяризация»), а его «продвижение» включено, скорее, как риторическая фигура, чтобы показать движение вперед по аналогии с «развитием» в формуле «сохранение и развитие» в отношении других языков народов России. В Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН ведется работа по созданию Национального словарного фонда, о котором внесено дополнение в Федеральный закон4, то есть работа по планированию корпуса.

Институт языкознания РАН по-прежнему разрабатывает проект Программы по сохранению и возрождению языков России (см. Замятин 2024). Помимо этого, по предложению президентского Совета по русскому языку в соответствии с п. 4(а) перечня поручений президента РФ эксперты от Института языкознания РАН как головного научного учреждения в отношении языков России подготовили совместно с тремя другими институтами свой проект Концепции языковой политики Институты РАН, а также участвовали в доработке проекта Концепции государственной языковой политики, подготовленного в Минпросвещения и недавно утвержденного Правительством РФ5. Если в проекте Институты РАН упор делался на сохранении языков народов России, то в утвержденном после доработки проекте Минпросвещения во главу угла ставится в первую очередь продвижение русского языка.

Автор написал в отдельной статье о своем опыте участия в согласовании академического и бюрократического дискурсов в ходе разработки Концепции языковой политики (Замятин, 2023b). Этот опыт показал, что, несмотря на технократический подход, сейчас научных экспертов не рассматривают как равных партнеров по диалогу в формировании политики. Отчасти причина этому структурная – она в специфике российской традиции концептуализации политики в первую очередь как государственной, а не публичной политики, а значит, разрабатываемой «при участии институтов гражданского общества», но именно государственными структурами. При том, что общественный запрос на сохранение языков высок, властные структуры направили научно-экспертному сообществу запрос на научно-концептуальное обеспечение языковой политики, но, скорее, используют участие ученых только для формальной легитимации политики.

Отчасти причина в состоянии самой науки: автор уже писал, что в России языковую политику как междисциплинарный академический проект пока по-прежнему ошибочно относят к социолингвистике. Направление исследования языковой политики в рамках политологии, в том числе как публичной политики, пока не оформилось, потому что в то время, когда в западной науке в прошлом веке был написан основной корпус научных текстов о политике «сверху», в СССР не было политологии (Замятин, 2023a). Вследствие такого вакуума в России нишу заняли социолингвисты, а также лингвисты с интересом к направлению исследований языковой ревитализации, также пока не оформившемуся. Дисбаланс в фокусе произошел, в частности, потому, что в западной науке с ее этнографическим и дискурсивным поворотом в последние десятилетия интерес сместился к исследованиям языкового активизма «снизу». Однако новые исследования в западной науке не отменяют, а только дополняют предыдущие, и сейчас про-

1 О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации": Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028/> (дата обращения 12.03.2024).

2 Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», внесена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.06.2021 № 1689-р в перечень государственных программ Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 11 ноября 2010 г. № 1950-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106240008?index=1> (дата обращения 12.03.2024).

3 Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом: утв. Президентом РФ 3.11.2015 № Пр-2283 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978/> (дата обращения 12.03.2024).

4 О внесении изменения в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации": Федеральный закон от 22.04.2024 № 93-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220037?index=2> (дата обращения 24.04.2024).

5 Концепция государственной языковой политики Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения 20.06.2024).

исходит синтез с возвратом к первичности исследований языковой политики как публичной политики (Gazzola et al., 2023).

В России сегодня языковая политика по-прежнему рассматривается как часть национальной политики (Каневский, 2015) и в силу государствоцентричности общественной жизни проводится «сверху». Но из-за недостаточной развитости исследований языковой политики на уровне прикладных исследований российской академии сейчас сложно предложить властным структурам квалифицированную экспертизу, потому что пока не возникло соответствующего научного сообщества. Так, проект Концепции языковой политики Институты РАН по содержанию более соответствовал задаче сохранения языков, но по форме был написан в академическом жанре. В свою очередь, проект Концепции Минпросвещения был написан в официально-деловом стиле, но не соответствовал этой задаче по содержанию (Замятин, 2023b). Вместе с тем требование соответствия проектов форме документов является способом профессиональной монополизации через владение канцеляритом не только как формальными навыками, но и как содержательными навыками построения властного дискурса – тот властвует, кто владеет дискурсом. Не случайно большинство парламентариев не лингвисты, а профессиональные политики и юристы. При этом владение канцеляритом не означает автоматически наличия экспертизы по содержанию вопроса – языковой политике.

В сложившейся сегодня в России суперпрезидентской системе власти параллельно сосуществуют институционально-нормативная и президентская вертикали принятия политических решений. В решении проблемы их согласования большое значение приобрели стратегические документы типа стратегий, концепций, доктрин (см. Замятин 2023a). В таких условиях при наличии альтернативных проектов документов, разработанных в параллельных вертикалях, более вероятно, что за основу будет принят проект, инициированный в президентской вертикали. Тот факт, что в рассматриваемом случае был принят проект Концепции, разработанный в правительстве, свидетельствует о недостаточной проработке, в том числе на соответствие формальным требованиям, представленного Институтами РАН проекта.

Прикладное значение исследований языковой политики заключается в том, что они необходимы для разработки не только стратегических документов, как Концепции языковой политики, но и практических, как Программы по сохранению и возрождению языков России. В стране с государствоцентричной политической культурой задача сохранения языков может решаться только в рамках государственной программы, а значит, на основе исследований языковой политики. Однако сейчас Программа разрабатывается, скорее, в качестве научной программы в рамках исследований языковой ревитализации, которые также не получили в России достаточного развития (подробнее см.: Замятин, 2024). Таким образом, практика языковой политики пока не обеспечена качественной научной экспертизой как в концептуальном, так и в прикладном аспекте.

Заключение

Итак, почему получается или не получается сохранять языковое многообразие? Мировая наука за последние десятилетия продвинулась вперед в понимании возможностей и последствий воздействия на языковые процессы. В ситуации, когда политика «сверху» и практическая деятельность «снизу» оказались областями изучения разных междисциплинарных исследовательских программ, прорывные исследования интегрируют в междисциплинарных проектах теоретические и прикладные перспективы разных дисциплин и показывают, что значимого социального эффекта добиваются те проекты сохранения языков, которые обеспечивают качественное изменение практик, доводящее до изменения самой социальной структуры. Иногда удается также возродить языки, но удается это крайне редко.

Компаративисты, сравнивая российские и зарубежные примеры, показывают, что успешные попытки сохранения и особенно возрождения языков всегда бывают обеспечены соответствующим языковым законодательством и работающим механизмом языковых прав. Без создания благоприятной общественно-политической микро- и макросреды существующая социальная структура продолжает предопределять социальные процессы, приводящие к языковому сдвигу на доминантный язык, и существенно ограничивает агентность практиков как в ее проявлении в качестве государственной политики «сверху», так и в качестве языкового активизма «снизу». Иными словами, агентность как способность людей действовать и добиваться социального эффекта может проявляться как через языковую политику «сверху», так и через активизм «снизу». Если политика «сверху» активно не поддерживает, например, сохранение языков, то она тем самым выступает элементом социальной структуры, который значительно ограничивает эффект усилий активистов «снизу».

В сложносоставном государстве языковая политика в центре может ограничивать языковую политику на других властных уровнях. В России с начала 1990-х «языковое возрождение» реализовывалось

как государственная политика сохранения и развития «сверху» прежде всего титульных языков республик. Такая политика не только была структурно ограничена по форме характером отношений центра и республик, а по содержанию – официальной сферой использования языков и их изучения, но и оказалась малоэффективной без мер популяризации многоязычия и встречного активистского движения «снизу». На сегодня языковой активизм во многих регионах оживился, но агентность активистов минимальна, потому что их сфера деятельности структурно ограничена институциональными форматами поддержки в рамках государственной языковой политики, которая во многом является только символической политикой, потому что стратегия национальной политики на общегосударственном уровне в последние годы все больше сдвигается в сторону унификации.

В настоящее время, несмотря на риторику сохранения этнокультурного и языкового многообразия, продолжается демонтаж институций, поддерживающих их, особенно в образовании, при том, что они являются стержневым структурным фактором воспроизводства знания языков. Сегодня уже нельзя говорить о самостоятельной языковой политике республик, хотя по административной инерции работа по сохранению языков продолжает вестись через действующие программы сохранения и развития языков республик. При этом даже не все республики утвердили соответствующие программы, и поддерживаются только некоторые языки. Не все утвержденные программы республик обеспечены отдельным финансированием, а если и обеспечены, то все равно малоэффективны, в том числе потому что не обеспечены ресурсом качественной научной экспертизы. Ввиду этого даже для охваченных сохранением языков институциональная сфера использования языков также сужается (автор с Т. Давидюк пишет о программах отдельную статью).

Опыт реализации языковой политики республик в постсоветский период показывает, что политики «сверху» недостаточно в связи с ее ограничением официальной сферой, и для достижения результатов ее нужно совмещать с практической работой активистов из самих сообществ. Вместе с тем низовая работа не может заменить политику «сверху»: в российских условиях задача сохранения и развития языков должна решаться, как и в случае с продвижением русского языка, в первую очередь на уровне государственной политики как страны в целом, так и республик, а не только на уровне языкового активизма общественников и ученых. Более того, совместные усилия будут эффективны, только если будут основываться на научных исследованиях языковой политики и языковой ревитализации.

На сегодня российское государство гарантирует сохранение языкового многообразия, и со стороны власти есть запрос на научно-концептуальное обоснование языковой политики. Российская академия привлекается к участию в решении задачи сохранения языков, но в российской науке на теоретическом уровне пока не создана адекватная междисциплинарная основа в исследованиях языка, общества и власти. На прикладном уровне неразвитость направлений исследований языковой политики и языковой ревитализации выражается в отсутствии качественной научной экспертизы в области политики сохранения и развития языков России и их ревитализации, при том, что есть экспертиза в продвижении русского языка.

Список литературы / References

- Григорьев, В. Е. (2018) *Социология науки: учебник*. Москва: Проспект. [Grigoriev V.E. (2018) *Sociology of Science: Textbook*. [Sotsiologiya nauki: uchebnik]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023а) 'Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке', *Социоллингвистика*, 3 (15), сс. 29–52. [Zamyatin, K.Yu. (2023a) 'Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science' [Issledovaniya yazykovoy politiki v Rossii i mire], *Sociolinguistics*, 3 (15), pp. 29–52. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023b) 'Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов', *Социоллингвистика*, 4 (16), сс. 119–143. [Zamyatin, K.Yu. (2023b) 'Development of the Concept of State Language Policy: The Problem of Adjusting the Bureaucratic and Academic Approaches' [Razrabotka Kontseptsii gosudarstvennoy yazykovoy politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov], *Sociolinguistics*, 4 (16), pp. 119–143. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023с) 'К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии Н.М. Мухарямова и О. Б. Януш «Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики» (Казань, 2022)', *Вестник Пермского университета*.

- Политология*, 17 (3), сс. 75–84. [Zamyatin, K.Yu. (2023c) 'For Statement of the Problem of Studying Language Policy as a Public Policy: Reflections on the Monograph of N. M. Mukharyamov and O. B. Yanush "Language Device of The Russian Society: Factors of Political Dynamics" (Kazan. 2022)' [K postanovke problemy izucheniya yazykovoy politiki kak publichnoy politiki: Razmyshleniya po povodu monografii N.M. Mukharyamova i O.B. Yanush «Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: Faktory politicheskoy dinamiki» (Kazan. 2022)], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17 (3), pp. 75–84. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2024) 'Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? Проблемы практики языковой политики и ревитализации при разработке Программы сохранения языков', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18, в печати. [Zamyatin, K.Yu. (2024) 'Why can't we preserve linguistic diversity? Problems of the practice of language policy and revitalization in drafting a Program on the preservation of languages' [Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat` yazykovoe mnogoobrazie? Problemy praktiki yazykovoy politiki i revitalizatsii pri razrabotke Programmy sokhraneniya yazykov], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18, forthcoming. (In Russ.)].
- Замятин, К., Пасанен, А., Саарикиви, Я. (2012) *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки: Вммалан Кирьяпайно Ою. [Zamyatin, K., Pasanen, A. & Saarikivi, J. (2012) *Whether and How the Languages of the Peoples of Russia Can Be Maintained* [Kak i zachem sokhranyat` yazyki narodov Rossii]. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy. (In Russ.)].
- Каневский, А. (2015) 'Языковая политика как вид национальной политики государства', *Философия права*, 4 (71), сс. 37–51. [Kanevsky, A. (2015) 'Language policy as a type of national state policy' [Yazykovaya politika kak vid natsional`noy politiki gosudarstva], *Philosophy of Law*, 4 (71), pp. 37–51. (In Russ.)].
- Михайлова, О. В. (2018) 'Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления', *Вестник Томского государственного университета*, 46, сс. 167–175. [Mikhailova, O. V. (2018) 'Epistemic communities in the process of promoting ideas on the public administration agenda' [Epistemicheskie soobshchestva v protsesse prodvizheniya idey v povestku dnya gosudarstvennogo upravleniya], *Bulletin of Tomsk State University*, 46, pp. 167–175. (In Russ.)].
- Нестеров, А. В. (2009) *Основы экспертной деятельности*. Москва: ГУ-ВШЭ. [Nesterov, A. V. (2009) *Fundamentals of expert activity* [Osnovy ekspertnoy deyatel`nosti]. Moscow: State University-Higher School of Economics. (In Russ.)].
- Рекомендации по итогам «круглого стола» на тему «О совершенствовании государственной политики в области защиты, поддержки и продвижения русского языка» (2023), *Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации*, 6 июня. Доступно: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/150043/> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Recommendations based on the results of the round table on the topic "On improving state policy in the field of protection, support and promotion of the Russian language," (2023) [Rekomendatsii po itogam «kruglogo stola» na temu «O sovershenstvovaniyu gosudarstvennoy politiki v oblasti zashchity, podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka»], *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, June 6. Available at: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/150043/> (Accessed: 12 March 2024)].
- Сохранение культурного наследия и языкового многообразия народов Российской Федерации. Материалы «круглого стола» (2023). Москва: Издание Государственной Думы (электронное). URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eWfFL6AseJfRseNFuujFSCRyIGwEHfS.pdf> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Preservation of the cultural heritage and linguistic diversity of the peoples of the Russian Federation. Materials from the «round table» (2023) [Sokhranenie kul'turnogo naslediya i yazykovogo mnogoobraziya narodov Rossiyskoy Federatsii. Materialy «kruglogo stola»]. Moscow: Publication of the State Duma (electronic). Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/eWfFL6AseJfRseNFuujFSCRyIGwEHfS.pdf> (Accessed: 12 March 2024)].

- Arzoz, X. (2015) 'The Impact of Language Policy on Language Revitalization' in H. F. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi and R. Toivanen (eds.) *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union*. London: Springer, pp. 315–334.
- De Korne, H. (2021) *Language Activism: Imaginaries and Strategies of Minority Language Equality*. Oslo: De Gruyter Mouton.
- Farfán, J., Ramallo, F. (eds.) (2010) *New Perspectives on Endangered Languages: Bridging Gaps Between Sociolinguistics, Documentation and Language Revitalization*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ferguson, C. (1971) 'Applied Linguistics', in: *Language Structure and Language Use: Essays by Charles A. Ferguson*. Selected and introduced by A. Dil. Stanford: Stanford University Press, pp. 135–147.
- Fishman, J. (1991) *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Gazzola, M. 'Language Policy as Public Policy'. In Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 41–72.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L. and Heugh, K. (eds.) (2023) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge.
- Gorenburg, D. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gorenburg, D. (2005) 'Tatar Language Policies in Comparative Perspective: Why Some Revivals Fail and Some Succeed', *Ab Imperio*, 1, pp. 257–284.
- Grenoble, L., Whaley, L. (2005) *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnson, D. (2023) 'Critical Empirical Approaches in Language Policy and Planning'. In Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 15–40.
- Hinton, L., Huss, L. and Roche, G. (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York: Routledge.
- Kloss, H. (1998) *The American Bilingual Tradition*. Washington, DC, and McHenry, IL: Center for Applied Linguistics and Delta Systems. (Original work published 1977).
- Malakhov, V. and Osipov, A. (2023) 'Managing Ethnic Diversity in Post-Soviet Context: The Cases of Russia, Ukraine, and Kazakhstan', *Problems of Post-Communism*, DOI: 10.1080/10758216.2023.2245545.
- Merton, R. (1973) 'The Normative Structure of Science'. In N. W. Storer (ed.). *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 267–278. (Original work published 1942)
- Mieg, H. A. and Evetts, J. (2018) 'Professionalism, Science, and Expert Roles: A Social Perspective'. In K. A. Ericsson, R. R. Hoffman, A. Kozbelt and A. M. Williams (eds.). *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 127–148.
- Pasanen, A. (2010) 'Will Language Nests Change the Direction of Language Shifts? On the Language Nests of Inari Saamis and Karelians'. In Sulkala, H. and Mantila, H. (eds.) *Planning A New Standard Language: Finnic Minority Languages Meet the New Millennium*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 95–118.
- Peters, B. G., Pierre, J., Sørensen, E., Torfing, J. (2022) *A Research Agenda for Governance*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Rehg, K. and Campbell, L. (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of Endangered Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Shohamy, E. (2006) *Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches*. London and New York: Routledge.
- Zamyatin, K. (2014a) *An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russia's Finno-Ugric Republics*. Helsinki: Finno-Ugric Society.
- Zamyatin, K. (2014b) 'Maintaining and Developing the Languages': Participation in Decision-Making and Support for Language Revival in Russia's Finno-Ugric Republics', *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 38, pp. 193–253.
- Zamyatin, K. (2018) 'Evaluating Language Revival Policies of Russia's Finno-Ugric Republics: Policy Impact and Its Limits', *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 64 (1-3), pp. 255–333.
- Zamyatin, K. (2021) 'The Formation of Language Policies in Russia's Republics in the Early 1990s: Ideologies, Interests, Institutions', *Sociolinguistics*, 2 (6), pp. 61–127.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**WHY CAN'T WE PRESERVE LINGUISTIC DIVERSITY? THE MAINTENANCE OF
THE LANGUAGES OF RUSSIA, LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE REVITALIZATION**

K. Zamyatin

Konstantin Zamyatin, senior research fellow,

HSE University, Moscow, Russia,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Abstract. In recent years, “preservation of linguistic diversity” has been included as one of the goals of the state nationality policy. Efforts to preserve languages are undertaken both at the level of state policy “from above” and the practical activities of language activists “from below”. However, despite the official recognition of the problem of language loss and the rise of language activism, it has not yet been possible to achieve any noticeable results in solving the practical problem of preserving languages. In this article, I analyze the reasons for the ineffectiveness of these efforts and argue that obstacles exist not only at the level of practical activity, but also in applied research. Language policy practitioners implement language policy “from above,” but so far their work remains without solid scientific and conceptual grounds. In the world science at the moment there are two relevant research programs – research on language policy and research on language revitalization. In Russian science, at the theoretical level in the study of language, society and power an adequate interdisciplinary basis has not yet appeared, therefore, at the applied level, there is no high-quality scientific expertise in the field of policy for the preservation and development of Russian languages and their revitalization.

Keywords: language maintenance; linguistic diversity; language revitalization; language activism; language policy; applied science; practical activity.

Рецензии

УДК-911.3:32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-150-153

СПЕЦИАЛЬНО-ПРЕДМЕТНЫЕ РАКУРСЫ ЗНАНИЯ О ПОЛИТИКЕ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЬЗЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Н. В. Борисова

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент,
декан историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский институт, Пермь, Россия.
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Аннотация

Рассматриваемая монография И. Ю. Окунева посвящена вопросам развития, современного состояния и методологических возможностей электоральной географии. Автор, опираясь на широкий пласт отечественных и зарубежных электоральных и политико-географических исследований, не только показывает логику развития научной дисциплины, но и отмечает, что электоральная география создает / дает новые возможности для понимания и объяснения выборов как политического процесса, института, механизма, процедуры и явления. «Географический ракурс» дает возможность не только видеть территориальную протяженность и измерение выборов, но и использовать методологические инструменты и фокусировку пространственных методов анализа. Иными словами, методы электоральной географии «приземляют» выборы и одновременно позволяют мыслить и понимать их с точки зрения пространственной структуры, организации и эффектов.

Ключевые слова: электоральная география; электоральные процессы; выборы; методы пространственного анализа политики.

Ставший модным в последнее время прием запроса к искусственному интеллекту (нейросетям) дает разные, порой курьезные ответы на, казалось бы, вполне серьезные вопросы. Так, запрос к YandexGPT, сформулированный как «зачем нужна электоральная география?», получил следующий ответ: «*Электоральная география изучает территориальную дифференциацию политических ориентаций населения, географическую структуру формирующихся на основе выборов органов управления, а также территориальные особенности избирательных систем. Эта дисциплина позволяет исследовать процессы районообразования, формирования региональных политических культур и границы их распространения. Основной метод электоральной географии – сравнительный анализ результатов голосований*». Ответ не выглядит исчерпывающим, более того, он сформулирован весьма школярским языком и, возможно, удовлетворит невзыскательного студента, которому необходимо подготовить шпаргалку к экзамену, но едва ли проясняет действительную роль и методологические возможности электоральной географии в знании о политике.

Между тем этот вопрос важен: методологически политическая наука в последние десятилетия переживает испытание гибридизацией, о чем, хотя и витиевато, еще в 1996 году писал М. Доган: «.....Комплексность политической науки в значительной мере обусловлена созданием и развитием устойчивых связей между специальными областями различных социальных наук. Взаимный обмен научными идеями возможен благодаря гибридизации...» (Доган, 1996: 98). Обсуждая вопрос о взаимодействии политической науки с другими социальными науками, М. Доган аргументированно формулирует свое неприятие «междисциплинарности» научного знания как такового. Он отмечает, что междисциплинарность следует мыслить как сближение дисциплин, что едва ли возможно на практике, поскольку сближение научных дисциплин потенциально размывает их предмет. Уходят ли границы между знанием о политике и знанием, например, об экономике? Конечно, нет. Другое дело, что по мере развития теорий

© Борисова Н. В., 2024

1 Окунев И. Ю. (2023) *Электоральная география*. М.: Аспект Пресс, 312 с.

и методов, подходов и приемов – всего того, что можно отнести к результатам методологического поиска, – появляются такие темы, вопросы, сюжеты, осмысление которых стало возможно благодаря, как это обозначил М. Доган, «плодотворному сотрудничеству» отдельных сегментов социальных наук. Именно такое сотрудничество он называет «гибридизацией элементов отдельных научных дисциплин» (Доган, 1996: 99), добавляя при этом, что вклад в это сотрудничество политической науки все же меньше, чем вклад иных социальных наук. Он прямо пишет о том, что гибридизация предполагает заимствование и использование категорий, теорий и методов.

Какова роль электоральной географии в приращении научного знания о политике и эпистемологических возможностях современной политической науки? Сама постановка вопроса означает, что электоральная география создает / дает новые возможности для понимания и объяснения выборов как политического процесса, института, механизма, процедуры и явления. Дело в том, что благодаря «географическому ракурсу» появляется возможность не только видеть территориальную протяженность и измерение выборов, но и использовать методологические инструменты и фокусировку пространственных методов анализа, являющихся, если угодно, родовыми для наук о земле. Иными словами, методы электоральной географии «приземляют» выборы и одновременно позволяют их мыслить и понимать с точки зрения их пространственной структуры, организации и эффектов. Именно такой оптика электоральной географии и предстает в монографии И. Ю. Окунева «Электоральная география» (Окунев, 2023), увидевшей свет в 2023 г. в издательстве «Аспект Пресс».

Монография включает шесть глав, состоящих из параграфов. Каждую главу сопровождает, во-первых, список вводных вопросов, которые позволяют читателю сориентироваться на сюжетах, обсуждаемых автором. Во-вторых, текст каждой из шести глав завершается списком ключевых терминов, а также вопросов и заданий к содержанию главы. Подобная структура содержания глав делает возможным использование монографии в образовательном процессе. Этому же способствует и включение в текст в качестве приложения примерного плана образовательной программы по электоральной географии (рабочей программы дисциплины). В определенном смысле – перед нами готовое учебно-методическое руководство к действию для исследователя пространства политики. Монография содержит обширный и глубоко проработанный автором (о чем свидетельствует содержание глав) библиографический список, релевантный разнообразным сегментам предметного поля данной научной дисциплины.

Автор последовательно идет от введения читателя в предметное поле и методологию электоральной географии (1-я глава) через обсуждение разнообразных аспектов территориальной дифференциации избирательных и партийных систем (главы 2 и 3), методологических подходов к выявлению и обсуждению пространственных моделей и эффектов голосования (главы 4 и 5) к собственно пространственному анализу в электоральной географии (глава 6). А. Любарев в уже опубликованной рецензии на данную монографию отмечает ее достоинства и недостатки, предельно фокусируясь на критическом обсуждении феномена географического фаворитизма избирательных систем с малой толикой внимания к выборам в России (Любарев, 2024). Оставляя за рамками эту дискуссию, мы лишь соглашаемся с Любаревым в том, что в рецензируемой монографии действительно «мало России». Но, как представляется, причина тому не в том, что ее автор – международник (аффилирован с МГИМО), или в том, что в электоральных исследованиях в России мало тех, кто основывается на использовании математического аппарата. И едва ли виной тому «боязнь» И. Окунева давать политические оценки электоральным процессам и феноменам в России. Нам кажется (во всяком случае именно так мы понимаем это, прочитав монографию и делая пометки карандашом на ее полях), что причина – в авторском замысле книги. А он весьма амбициозен: И. Окунев задумал и написал книгу, замысел которой связан с продвижением идеи о том, что политическая наука прирастает методологическими заимствованиями – на этот раз оптикой и инструментарием пространственного анализа, который есть в багаже у географии. Автор буквально на первых страницах своей книги пишет о том, что в основе методологии географической науки лежит пространственный метод, позволяющий «выявить местоположение объекта в пространстве относительно иных объектов или явлений и <...> определить влияние такого положения в пространстве на свойства самого объекта» (Окунев, 2023: 7). И далее отмечает, что объектом электоральной географии выступает «избирательный процесс в политике», а вот ее предметное поле составляет пространственное измерение выборов. Для него электоральная география предстает своего рода «сердцевинной» политической географии как дисциплины, которая «занимается изучением пространственных аспектов политических явлений и процессов» (Окунев, 2019: 10).

Определение, сформулированное И. Окуневым, лаконично и принципиально отличается от того, что нам предлагает YandexGPT: в центре внимания монографии вопрос о пространстве выборов и пространственном измерении избирательных процессов, институтов и систем. Окунев показывает, какие институциональные причины и эффекты имеют территориальная протяженность и пространственная структура выборов. Последовательно обсуждая работы классиков по географии выборов, территориальной дифференциации избирательных систем, он аргументированно показывает, что существенным затруднением электоральной географии была ее изначальная склонность к позитивизму, преодоление которой стало возможным через поворот к конструктивистской методологии, с одной стороны, а с другой – через активное использование пространственного статистического анализа, позволившее соединить цифровое моделирование в ГИС с пространственной эконометрикой (Окунев, 2023: 19-20). В этом замечании автора мы видим, что не только политическая наука заимствует методологические приемы и теории у географии, но и [политическая] география развивается через использование методов социальных наук. Это аргумент в пользу идеи М. Догана о гибридизации науки как «процессе заимствования понятий, инструментов, теорий». Применительно к электоральной географии это заимствование взаимное.

И. Окунев рассматривает выборы и их политические функции в контексте политической системы, отмечая их критически важное влияние на работу политической системы. Можно, пожалуй, сказать, что автор видит в выборах то, что определяет ритм и характер ее [системы] функционирования (см. параграфы 1.3 и 1.4). Равно также – политологически – он показывает разнообразие избирательных и партийных систем. И в этом, конечно же, свидетельство тому, что работа написана политологом, а не географом. В центре внимания автора – политика, ну или выборы как одна из ее институциональных, процессуальных и технологических граней. География здесь дает методическое видение и понимание того, как можно работать с пространственным измерением электоральной политики, используя и наработки сравнительной политологии (особенно полезно в этом содержание главы 2), и приемы теории общественного выбора, которая позволяет погрузиться в «математику выборов».

Глава 2 «Территориальная дифференциация избирательных систем» полезна студентам-компаративистам. Автор показывает логику развития избирательных систем – их многокомпонентность, многоуровневость и асимметричность, которые являются результатом электоральной инженерии (Окунев, 2023: 81). Он концептуализирует избирательную систему как комплексную институциональную настройку, позволяющую обеспечивать и воспроизводить баланс между простотой и гибкостью электоральных процедур, с одной стороны, и персонифицированностью мажоритаризма и репрезентативностью пропорционального принципа – с другой (Окунев, 2023: 81).

В целом эта монография может быть полезной и для тех, кто специализируется на избирательных технологиях и электоральной инженерии. По мере ее прочтения усиливалось впечатление, что автор (вольно или невольно?) последовательно продвигал тезис о прикладном значении электоральной географии. И здесь речь идет не только о доступном емком описании правил и методик распределения мест и мандатов, но и о том, как пространственные методы анализа (глава 6) позволяют в динамике выявлять и объяснять причины и эффекты голосований. Последняя глава монографии является по-настоящему методической: автор *step by step* показывает, как работают методики.

Относя голосование к политическим процессам, И. Окунев указывает на его территориальное измерение (Окунев, 2023: 153), видит в этом процессе связь с политико-идеологическим спектром, а также показывает то, как работает второй закон географии, сформулированный У. Тоблером в 2004 г.: «Явление, внешнее по отношению к анализируемой географической области, влияет на то, что происходит внутри нее» (Окунев, 2023: 20). А потому для него география голосования – это «отражение географии идейно-политических размежеваний, закрепленных в пространстве действием эффекта соседства» (Окунев, 2023: 173). В главе 5, посвященной пространственным эффектам голосования, автор описывает и объясняет, как эффект соседства дифференцирует общество, создавая территориальное измерение для изначально преимущественно нетерриториальных (ценностных, политико-идеологических, социально-экономических) расколов. И в этом не локус, как физическая территория, определяет особость и вариативность, а социальные отношения, коммуникация, плотность и разреженность социальных связей контактов в обществе делают зримой территориальную дифференциацию политики. Именно эта идея, как нам представляется, является ключевой и даже сквозной для монографии И. Окунева, которую мы очень рекомендуем вам прочесть.

Список литературы / References

- Любарев, А. Е. (2024) 'Электоральная география в широком и узком понимании (Рецензия)', *Политическая наука*, 1. сс. 309–315. DOI: 10.31249/poln/2024.01.12 сс. 311–313. [Lyubarev, A. E. (2024) 'Electoral geography in a broad and narrow sense (Review)' [El-ektoral'naya geografiya v shirokom i uzkom ponimanii (Recenziya)], *Political science*, 1, pp. 309–315. DOI: 10.31249/poln/2024.01.12 (In Russ.)].
- Окунев, И. Ю. (2019) *Политическая география*. М.: Аспект Пресс. [Okunev, I. Yu. (2019) *Political Geography* [Politicheskaya geografiya]. М.: Aspekt Press. (In Russ.)].
- Окунев, И. Ю. (2023) *Электоральная география*. М.: Аспект Пресс. [Okunev, I. Yu. (2023) *Electoral Geography* [El-ektoral'naya geografiya]. М.: Aspekt Press. (In Russ.)].
- Dogan, M. (1996) 'A New Handbook of Political Science'. In Goodin R. E., Klingemann H. D. (1996) *A New Handbook of Political Science*. Oxford University Press, pp. 97–132.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

SPECIFIC PERSPECTIVES OF POLITICAL KNOWLEDGE OR REVISITING THE BENEFITS OF ELECTORAL GEOGRAPHY

N. Borisova

Nadezhda Borisova, Dr of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty for History and Political Science,

Perm State University, Perm, Russia.

Email: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. Researcher ID: G-8490-2018).

Abstract. This reviewed monograph¹ is dedicated to the development, current state, and methodological potential of electoral geography. Drawing on a wide array of domestic and international electoral, political, and geographical studies, the author demonstrates not only the historical trajectory of the academic discipline, but also how electoral geography opens up new avenues for understanding and interpreting elections as political process, institution, instrument, procedure, and phenomenon. Through the "geographical lens" it is possible not only to grasp the spatial extent and dimensions of elections, but also to employ methodological instruments and spatial analysis techniques. In other words, the methods of electoral geography "ground" elections while simultaneously enabling their conceptualization and understanding in terms of spatial structure, organization, and impact.

Keywords: Electoral geography; electoral processes; elections; methods of spatial analysis.

¹ Okunev, I. Y. (2023) *Electoral Geography*. Aspect Press Publishing

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжайшей нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskikh regional'nykh avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) *'Higher Education in the Digital Age'* [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, end-notes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2024. Том 18. № 3

Bulletin of Perm University.
Political Science
2024. Vol. 18. № 3

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 24.09.2024.
Выход в свет 30.09.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. 18,6
Тираж 500 экз. Заказ 122.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006